

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 12

Киров
2016

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора:

В. Т. Юнглод, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.) переименован
в научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Счастливец Е. А.</i> Изгибы абсурдного сознания в философии А. Камю	5
<i>Новикова О. Н.</i> Виртуализация жизненного мира человека в игровых практиках современности.....	9
<i>Линченко А. А.</i> Память тела в пространстве повседневной исторической культуры: философско-методологический аспект	14
<i>Голубева О. Ю.</i> Духовные истоки и смысл мировой культуры.....	20

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Рычкова О. В.</i> «Кремлёвское единство»: американские периодические издания о патриотической политике СССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам 1941–1942 гг.).....	26
<i>Калинин А. А.</i> Разногласия СССР и западных держав по греческому вопросу в 1945–1946 гг.....	33
<i>Смольняк И. В.</i> Средиземноморский рубеж сдерживания: кипрская проблема в американо-турецких отношениях, 1962–1978 гг.....	42
<i>Збоев А. В.</i> Участие США в ослаблении советского влияния в Восточной Европе в период президентства Р. Рейгана (1981–1989 гг.).....	54
<i>Лазарев Я. А.</i> Союзники и/или враги?: городские корпорации «Малой России» и процесс интеграции региона в состав Российского государства (1654–1669 гг.).....	64

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бабаян В. Н.</i> Невербальные средства общения в диалогическом дискурсе терциарной речи.....	76
<i>Сегал Н. А., Мищенко А. Н.</i> Особенности реализации прецедентного феномена «дамоклов меч» в текстах политических СМИ	79
<i>Ибрагимов В. Ф.</i> Антропонимика в региональном дискурсе.....	84
<i>Завьялова А. В.</i> Идентификация прагматических возможностей лексических средств в актуализации значения определенности в немецком дискурсе.....	89
<i>Гайдукова Т. М.</i> Номинативная функция атрибутивных словосочетаний структурной модели «цветовое прилагательное + существительное» в антропоцентрической сфере (на материале немецкого языка).....	93
<i>Чебышев Ф. А.</i> Существительные с семантикой ожидания в языке современных СМИ: синтагматический аспект	101
<i>Воронова Е. В.</i> Семантика, синтагматика и символика единиц лексико-семантического субполя «Физическая география Крыма» в идиолекте И. С. Шмелёва.....	107
<i>Воронова Е. В.</i> Парадигматика и синтагматика лексико-семантической группы наименований социально-экономических и историко-культурных особенностей Крыма в эпистолярном наследии И. С. Шмелёва	114
<i>Карачева Н. А.</i> Словесно-изобразительные средства создания образа Цезаря в пьесе Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра» как предмет общелингвистического анализа.....	121
<i>Шибанова А. Н.</i> Языковые средства создания образа Наполеона в исторических произведениях Р. М. Зотова	126
<i>Энгель Е. А.</i> Концептуальная интеграция в ментальном пространстве «Spider-man» (на материале комиксов о человеке-пауке)	132
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	138
INFORMATION ABOUT AUTHORS	140

CONTENTS

- Rychkova O. V.* "The Kremlin unity": the American periodicals about Patriotic policy of the USSR in the day of the great Patriotic war (on materials of 1941–42.)
- Kalinin A. A.* The disagreement between the USSR and the Western powers about the Greek issue in 1945–1946
- Smolnyak I. V.* Mediterranean frontier Containment: the Cyprus problem in the US-Turkish relations, 1962–1978
- Zboev A. V.* Participating of USA in weakening of Soviet influence in the Eastern Europe in the period of presidency of R. Raegan (1981–1989)
- Lazarev Ya. A.* Allies and/or enemies?: municipal corporations of «Little Russia» and the process of integration of the region into the Russian State (1654–1669)
- Babayan V. N.* Non-verbal means of communication in a tertiary speech dialogical discourse
- Segal N. A., Mishchenko A. N.* The features of the implementation of precedent phenomenon "the sword of Damocles" in political mass media
- Ibragimova V. F.* Anthroponimics regional discourse
- Zavyalova A. V.* Identification of pragmatic possibilities of lexical means in definiteness meaning actualization in the German discourse
- Gaydukova T. M.* Nominative role of attributive word combinations of a structural model "color adjective + substantive" in anthropocentric sphere (on the material of the German language)
- Chebyshev P. A.* Nouns with the semantics of expectation in the language of mass media: syntagmatic aspect
- Voronova E. V.* Semantics, syntagmatics and lexical-and-semantic Crimean physical geography semantic sub-field's unit symbolism in I. S. Shmelyov's idiolect
- Voronova E. V.* Paradigmatics and syntagmatics of lexico-semantic group of names of the Crimean socio-economic, historical and cultural peculiarities in I. S. Shmelev's epistolary heritage
- Karacheva N. A.* Verbal and visual means of creating an image of Caesar in the play by B. Shaw "Caesar and Cleopatra" as a subject for general analysis
- Shibanova A. N.* Linguistic means creating the character of Napoleon in Zotov's historical prose
- Engel E. A.* Conceptual integration in the mental space "spider-man" (based on the spider-man comic book)
- Schastlivtseva E. A.* Bend a conscience of the absurd in philosophy A. Camus
- Novikova O. N.* Virtualization of the person's lifeworld in the gaming practices of modernity
- Linchenko A. A.* Body-memory in the space of everyday historical culture: the philosophical and methodological aspect
- Golubeva O. Y.* The spiritual origins and meaning of the world culture

УДК 101.9+130.123

Е. А. Счастливецва

Изгибы абсурдного сознания в философии А. Камю

В статье раскрывается проблема абсурдного человека, живущего или надеждой, или отчаянием. Человек в абсурдной своей стадии не способен на высшее проявление любви, но стремится к счастью.

In Article before a problem man of the absurd. He exist a hope or desperate. He nobody love anything about it, but by eager for happiness.

Ключевые слова: человек абсурда, надежда, отчаяние, смерть, чувство вины.

Keywords: man of the absurd, hope, desperate, death, sense of fault.

Камю глубок. Его фраза: «...абсолютная осознанность собственного бытия ведет к бегству из этого мира» – заставляет задуматься о многом. Хотя бы о том, почему мы должны бежать из мира, если не можем найти в нем смысла. Камю рассуждает примерно так. Если жизнь наша абсурдна, то вполне логичен уход из жизни, однако не каждый, кто кончает жизнь самоубийством, не видит в ней смысла. Смерть является логическим продолжением темы, когда человек не может выйти из тупика, это – как финал, как способ решения проблем. Для человека, воспитанного в религиозной этике, такой исход был бы неприемлем. Камю против подобного завершения жизни, но он находит иное, чем религиозное, объяснение. Он говорит: «Надежда на уклонение от смерти является третьей темой моего эссе. Она может быть надеждой на жизнь в загробном мире, которую нужно “заслужить”, или же уловкой тех, кто живет не ради самой жизни, а ради какой-либо великой идеи, которая кажется им выше собственной жизни, наполняющей бытие смыслом, но одновременно предающей его» [1].

Камю полагает, что на самом деле совершенно нет никакой связи в утверждении, что жизнь бессмысленна и поэтому не стоит того, чтобы прожить ее. Стремиться надо «к истинно насущным проблемам». На границах сознания возникают причудливые формы, в которых очень сложно разглядеть логику от черты жизни до черты смерти. Но «настойчивость и пронизательность – вот привилегированные свидетели абсурдной и антигуманной драмы, суть которой составляют диалоги между надеждой и смертью» [2].

Камю пишет, что, несмотря на великие чувства, которые покидают нас, «чувство абсурда подкарауливает нас на каждом шагу». Например, мы никогда не сможем до конца постичь другого человека, в нем всегда остается «нечто», «мимолетное и ускользающее». Все непонятое в человеке может быть понято *практически*, по поступкам и действиям другого человека. Как пишет Камю, «мы определяем человека по разыгрываемым им комедиям не меньше», чем по подлинным душевным порывам». Или другой пример абсурда: «...удивляться стоит лишь тому, что люди живут так, будто ничего о смерти не знают». Ведь у нас нет опыта смерти, а сознанию может быть явлено только то, что непосредственно пережито [3].

Очень много этих противоречий в разуме, например вспомним теорию парадоксов (противоречие между истиной и ложью, разрешаемое только практически). Эти противоречия в жизни и составляют суть абсурда. В реальной, нашей повседневной жизни я могу привести немало примеров абсурдности; каждый может понаблюдать вокруг и увидеть эти живые примеры. На ум приходит первое противоречие между желаемым и должным. Камю говорит: «Я всегда чужой самому себе», я всегда чужой для Другого, потому что стараюсь жить в соответствии с собственной природой. Между людьми исчезают точки соприкосновения, и кажутся бессмысленными званый обед или вечеринка. Мы должны постоянно выбирать не между жизнью и смертью, а между дру-

гими и одиночеством. Это для нас более жизненно. Одиночество и стремление уединиться ради творческого процесса отрывает нас от друзей, родных, ставит нас на грань отчаяния, потому что многие связи могут быть потеряны, многое может уйти безвозвратно. И впереди – только работа и смерть, и это – абсурд.

Хайдеггер выходит из этого положения, используя метод «заботы». Забота, по Ясперсу, – это «краткий миг страха», пишет Камю [4]. Мы, к примеру, заботимся о том, чтобы у нас в старости было интересное занятие. Но «с точки зрения морали человек всегда становится жертвой своих истин», говорит писатель [5]. Эту фразу, вырванную мной из контекста, он произносит по поводу абсурда: «...осознав однажды абсурд, человек привязывается к нему навсегда. Чувствуя себя лишенным надежды, человек больше не принадлежит будущему, и это закономерно» [6]. Абсурд возникает из-за недоверия к человеческому разуму, который объявляется иррациональным, а значит, абсурдным. Поэтому Ясперс так много внимания уделяет феномену веры. По Ясперсу, считает Камю, «абсурд обожествляется в самом широком смысле, а невозможность понимания преобразуется в излучающее свет бытие». Писатель сравнивает этот прием Ясперса с приемами, которыми пользуются мистики.

Интересным абсурдистом является также Шестов, о котором пишет Камю. Шестов, по его мнению, «расценивает сам абсурд и осознание абсурда как одно и то же. Осознание абсурда означает принятие его, и ход рассуждений Шестова направлен на выявление абсурда и освобождение пути для надежды, которая является его следствием». Шестов признает, что абсурд противостоит надежде. Признавая силу абсурда, он говорит, что абсурд способен разрушать наши надежды, поскольку для абсурда не существует и разума, но сверх разума не существует ничего. Этот «сдвиг» помогает нам понять сущность абсурда, говорит Камю. Абсурд рождается из-за невозможности прояснения сущности мира. Человек абсурда не отвергает разум, но допускает иррациональное. Он знает лишь то, что надежда уже не живет в его сознании. Кьеркегор, как и Шестов, уверовал в неизбежность иррационального. Вообще стремление объяснить абсурдность существования иррациональностью была присуща еще Шопенгауэру. Это у него можно было позаимствовать сравнение иррационального с абсурдом. Взять, например, Гуссерля, утверждающего, что сущности даны непосредственно в восприятии. Реализм Платона приобретает черты интуитивизма, но от этого не перестает быть реализмом: существует мир абстрактных, вневременных сущностей (идей). Камю пытается перевести абсурд в область этики: «Для человека абсурда истина соседствует с печалью». Действительно, не все сущности формальны. Тогда я понимаю, говорит Камю, что все эти «конкретные сущности» не имеют никакого отношения к поискам смысла человеческого бытия, судьбы, так как интереса к конкретному у философа чаще всего не возникает. «Это чистая игра интеллекта...»

Согласно Гуссерлю, признававшему реальность видов, мировая форма (универсум) имеет онтологический статус. Можно сказать, что универсум Гуссерля и есть царство платоновских структур. Говорят, что это – один из источников его позднейшей трагедии [7]. Камю проводит параллель между абстрактным и религиозным учением. По его мнению, оба ведут к абсурдности. По словам В. Руднева, излишняя абстрактность – признак «шизоидной типичности» – так, во всяком случае, он трактует Витгенштейна [8].

Образ «постороннего»

Читая роман «Посторонний», невольно натыкаешься на разного рода писательские уловки: то смерть матери не волнует героя, то зачем-то убивает араба и попадает в тюрьму, то суровый приговор, но Постороннему все равно. До осознания абсурда, говорит Камю, человек живет, руководствуясь своими целями, заботой о будущем или оправданием перед кем-нибудь. Но человек абсурда понимает, что поработен своей свободой, он начинает осознавать, что реальной свободы нет, завтрашнего дня не существует. А что тогда? Смерть. «Однако человек абсурда перед лицом смерти тоже чувствует освобожденность от всего»: «...он абсолютно свободен в отношении всех общих правил». Но как приходят к абсурду? Через «отказ от снов повседневности». «Принцип освобождения заключается в погружении в бездну достоверности, в ощущение себя отчужденным от собственной жизни, но лишь для того, чтобы признать ее величие и жить, преодолев близорукость влюбленного... Единственная разумная свобода зиждется на возвышенной отрешенности приговоренного к смерти, перед которым двери тюрьмы распахнутся цветущим утром, и полное равнодушие ко всему, кроме яркого огня жизни, смерть и абсурд. Вселенная человека абсурда огромна, но ограничена, «там ничего невозможно, зато все дано». «Он отказался от надежды и предпочитает жить без утешения» [9]. Так сам Камю объясняет поступки и душу Постороннего.

Из абсурда, считает Камю, вытекают три следствия: мой бунт, моя свобода и моя страсть. Посредством игры сознания можно превратить мысли о смерти в мысли о жизни и отвергнуть

суицид [10]. Абсурдность не означает дозволенность любых действий. Абсурдный ум «готов платить по счетам». Для него существует ответственность, но не существует вины [11].

С другой стороны, в чем обвиняют Мерсо? На процессе ему вменяют в вину практически не само преступление, а неэтичное поведение у гроба матери и связанное с ее смертью «аморальное» поведение (пил кофе перед гробом матери, встречался с девушкой на следующий день) и т. д. Никто не хотел выслушать Мерсо, даже его адвокат, о мотивах, которые подтолкнули его к совершению преступления: светило солнце. Все ждали от него искупления вины, которую Мерсо за собой не чувствовал. В этом мире все условно, и человеку не прощается пренебрежение правилами, если даже они, по существу, абсурдны. Видимо, Мерсо чувствовал абсурдность многих вещей перед лицом смерти, поэтому, когда это происходило (событие смерти), он понимал, что, в сущности, жизнь продолжается и надо чем-то заполнять пустоту сердца, и не важно чем, все равно горю не поможешь. Эта абсурдность ситуации снимается в ритуале, который был неприятен Мерсо, поскольку только внешне отражал проблему смерти. Но от его внимательного взгляда не ускользают подлинные проявления чувства к покойной матери со стороны одного старичка из дома престарелых, где и умирает его мама. Однако Мерсо очень трудно справляться с усталостью, ему жарко, на него то и дело наваливается тяжелый сон. Мерсо постоянно находится в плену своего тела, которое как будто управляет им при помощи невидимых нитей. Так было и на пляже, где им было совершено случайное убийство: светило солнце, была невыносимая жара, хотелось пить. Мерсо так мучила жажда, что он пошел к ручью, где и столкнулся с арабом. Камю ярко рисует телесные, но не душевные страдания героя, и это называется натурализмом, но этот натурализм не может объяснить отсутствие при этом нравственных страданий – они отходят на второй план. У читателя создается впечатление, что герой изнежен, часто предается чувственным удовольствиям и впадает от них в зависимость, тогда как человек должен прежде всего морально страдать. Но почему должен? Разве телесные муки не менее мучительны, чем душевные? Кто положил превосходство душевных страданий над телесными муками? Ответим: это прежде всего христианская этика, но герой Камю живет вне христианства, потому и не чувствует вины за собой: он живет по факту – солнце ударило в глаза – значит, не виноват. В нем нет анализа своих поступков; взгляд Мерсо скользит по поверхности. Он многое замечает, но не может проникнуть в сущность вещей, и эта позиция, этот угол зрения делают его Посторонним. Он как будто ладья, плывущая по глади реки под палящим алжирским солнцем: мимо него проплывают дома, деревья, люди, лодки, корабли, песчаный берег, желтая, опаленная солнцем трава – так можно перечислять до бесконечности. В этой вяло текущей жизни было много прелестного для нашего героя: свидание с девушкой, поедание шоколадки, наблюдение из окна за толпой проходящих мимо людей, аромат прохладного вечера и ночи, запах апельсинов и т. д. Мерсо наслаждается. Эта проблема не покидает его даже в самые горькие минуты его жизни: смерть мамы, помещение в тюрьму. Он знает цену наслаждениям, именно в тюрьме он и начинает их ценить. Он оказывается глух к душевному раскаянию, потому что никогда не испытывал ничего подобного, а в тюрьме он претерпевает только физические ограничения. Ему лишь досадно, что никто не удосужился выслушать его до конца: вначале ему не хотелось говорить, а потом он не успевает уже ничего сказать: адвокат торопится, а в суде ему так и не предоставили истинного слова, потому что требовалось выступить по заранее заготовленному сценарию. Все решили, что Мерсо потерял совесть, и вынесли смертный приговор. Трагедия Мерсо в том, что он слишком доверял своим чувствам и мало уделял внимания правилам социума: понимая людей, он не стремился к общепринятым нормам поведения, а доверял своей чувственности, но она его постоянно подводила. Может быть, в этом тоже кроется причина абсурда? Игнорируя проблему должного, человек неизбежно сталкивается с обществом, которое не прощает ему инаковости, становится для него враждебным окружением.

Проблема «Постороннего» продолжается, вернее, начинается в романе «Счастливая смерть».

Счастливая смерть

Герой романа Камю «Счастливая смерть» Патрис Мерсо оказался втянутым в убийство Ролана Загрея, после которого ему удалось избежать подозрений и круто изменить свою небогатую жизнь. Он приобрел виллу на берегу моря, но, заболев плевритом, умирает.

На протяжении всего романа Мерсо стремится быть счастливым. Сама по себе эта мысль кажется абсурдной, ибо еще никто не смог дать вразумительного понимания счастья. Если бы герой стремился к благу, то это было бы яснее, хотя, может быть, не вызвало бы удивления, поэтому само по себе стремление к счастью уже вырывает героя из обыденной обстановки. Мерсо образован. Он понимает абсурдность своего существования: готовый на большее, он вынужден прозябать в конторе, зарабатывая тем самым на жизнь. Но что мешает герою стать писателем или ученым, почему единственный выход из создавшегося положения – это стать счастливым? Почему так неистово его

стремление к счастью? Патрис делится своими мыслями с Роланом Загреем, и этот несчастный безногий человек подсказывает ему идею о времени, которое можно купить за деньги. Счастье за деньги купить нельзя – только время, говорит Загрей. Убийство Загрея открывало перед Мерсо дорогу к богатству и свободе от конторского труда и от прежних привычек убого существования. Загрей уже давно подумывал о самоубийстве, совершить которое ему не хватало душевных сил. Он предлагает совершить эвтаназию своему другу Патрису. Герой соглашается. Взяв на себя ответственность за убийство человека, Мерсо возложил тем самым все тяготы последующей жизни свободного скитальца, но не вины. Важная деталь: человек абсурда не чувствует за собой вины (Мерсо вскоре забывает, что убил Загрея, и эта мысль приходит к нему уже на границе смерти, но не в виде чувства вины, а как вечная связь между ним и другом). Не имея вины, человек ощущает себя свободным, одиноким и в силу этого счастливым. Свобода дает ему возможность наслаждаться своими желаниями, страстями. Но такое счастье не может длиться долго. Желания увлекают героя в края, где ему по состоянию здоровья проживание противопоказано; они увлекают его в пучину холодного моря, после длительной болезни; позволяют жениться на нелюбимой, душевно далекой женщине. Да таким ли уж свободным оказался Мерсо?

До убийства Загрея он казался намного свободнее: был спокоен, любил женщину (он это понял позднее), ему многое доставляло радость (например, он распахивал окно и дышал ароматами апельсинового сада). Работа в конторе на самом деле не доставляла много хлопот: время протекало быстро, а значит, он не страдал за работой. Успевал он и заниматься спортом (при нашем бешеном ритме мы обычно этого не успеваем). Прекрасное, гибкое тело героя, его красивые мускулистые руки и торс с любовью описаны писателем и вызывают симпатию к Мерсо. Впоследствии все это усугубляет драму. Камю не случайно показывает, что герой не способен всем этим воспользоваться, потому что он принадлежит к категории абсурдных личностей, которые гонятся за призрачным счастьем или хотят покончить жизнь самоубийством. Они живут надеждами. Недаром доктор Бернар говорит Мерсо: «Думать так могут только люди, живущие либо великим отчаянием, либо великой надеждой» [12]. Отчаяния у Патриси не было (он не планировал самоубийства), значит, он жил надеждой. Эта надежда в его положении, действительно, сближала его со сверхчеловеком. В конце романа Камю пишет о его предсмертном состоянии: «Правда, счастливым он был недолго. Но разве дело во времени? Оно может только служить препятствием на пути к счастью, а в остальном его можно не принимать в расчет. Мерсо одолел эту преграду, а уж сколько там сумело прожить порождаемое им новое и счастливое существо – два года или два десятка лет, – это значения не имеет. Счастье состояло в том, что он дал жизнь этому существу» [13]. И снова счастье здесь понимается как наслаждение, как свобода распоряжаться своим временем, не думать о куске насущном. С. Зенкин пишет, что это существо и было тем самым ницшевским «сверхчеловеком», каким и стал герой, «осознав себя свободным и счастливым» [14]. По сути, идеал Ницше порождает и абсурдного человека: свобода понимается Камю как условие для счастья, но у самого Ницше свобода порождает одинокого, хотя и творческого человека. Здесь творчество (счастье творчества) противопоставляется христианской любви и становится условием одиночества. Бернар говорил Патрису: «...Я слишком люблю жизнь, чтобы довольствоваться прелестями природы». Он любит жизнь больше Мерсо, потому что она для него не исчерпывается морскими купаниями. «Любить жизнь – значит жить без оглядки, напропалую... Словом, действовать, что-то преодолевать. Ощущать терпкий и жгучий вкус к жизни...» [15] К тому же, хотя он и идеалист (как заметил ему Патрис), он умеет любить, ведь часто противоположностью идеалистов выступают люди, «не способные любить». «Не верьте этому», – попытался переубедить его Мерсо. Сам Мерсо не способен любить. Вернее, он не придает этому чувству большого значения, легко к нему относится, а отсюда – противопоставление любви и счастья. Быть счастливым без любви, наверно, нельзя, это, по сути, и есть путь человека абсурда.

Примечания

1. Камю А. Миф о Сизифе. Бунтарь. Минск : ООО «Попурри», 2000. С. 21.
2. Там же. С. 23.
3. См.: Там же. С. 28.
4. Там же. С. 36.
5. Там же. С. 43.
6. Там же.
7. См.: Бергман Г. Блеск и нищета Людвиг Витгенштейна // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 330.
8. См.: Там же. С. 335.
9. Камю А. Указ. соч. С. 68.
10. Там же. С. 72.

11. Там же. С. 76.
12. Камю А. Сочинения : в 5 т. Т. 1. Ранняя эссеистика и др. Харьков : Фолио, 1998. С. 238.
13. Там же. С. 249.
14. См.: Камю А. Счастливая смерть. М. : Фабр, 1993. С. 563.
15. Камю А. Сочинения. С. 238.

Notes

1. Camus A. *Mif o Sizife* [Myth of Sisyphus. Rebel]. Minsk. LLC "Potpourri". 2000. P.21.
2. Ibid. P. 23.
3. See: Ibid. P. 28.
4. Ibid. P. 36.
5. Ibid. 43.
6. Ibid.
7. See: Bergman G. *Blesk i nishcheta Lyudviga Vitgenshtejna* [Brilliance and poverty of Ludwig Wittgenstein] / *Lyudvig Vitgenshtejn: chelovek i myslitel'*- Ludwig Wittgenstein: the man and the thinker. M. 1993. P. 330.
8. See: Ibid. P. 335.
9. Camus A. Op. cit. P. 68.
10. Ibid. P. 72.
11. Ibid. P. 76.
12. A. Camus *Sochineniya : v 5 t.* [Works : in 5 vol. Vol. 1. Early essays, etc.] Kharkov. Folio. 1998. P. 238.
13. Ibid. P. 249.
14. See: A. Camus *Schastlivaya smert'* [Happy death]. M. Fabr. 1993. P. 563.
15. A. Camus *Sochineniya* [Essays]. P. 238.

УДК 130.2

О. Н. Новикова

Виртуализация жизненного мира человека в игровых практиках современности

В статье раскрывается виртуализация жизненного мира человека, реализованного в игровой повседневности. Современные технологии жизни формируют новый тип культурной идентичности, направленный на гетерогенность, полистилистичность. Любое событие, реальность жизни разыгрываются публично, приобретают черты фарса, перфоманса, гротеска. Медиаиндустрия, задает потенциальные сценарии жизни, где все жизненные события переживаются как реально-нереальные игрища, задают стандарты поведения, иные технологии предъявления себя. Современник, не имея устойчивых социальных ориентиров, выстраивает свое личностное взаимодействие на шаблонах, заготовленных клише, полученных из рекламных, новостных, медиа и виртуальных сетей.

Игровые практики проникают во все сферы жизни человека, где он выстраивает альтернативную версию себя через погружение в другой, ирреальный мир, представленный в ролевой игре (ролевики, косплеи, аниме, манга, шопинг, хобби и др.). Использование игровых практик в жизни мотивирует активность человека, но уводит его в мир иллюзии, что проявляется в легковесной ответственности, деконструируя бытие, которое само становится игрой.

The article reveals the virtualization of human life, implemented in the gaming practices. Modern life technology forms a new type of cultural identity aimed at heterogeneity. Every event, the reality of life played out in public, acquire features of slapstick, performances, grotesque. Media industry sets the potential scenarios of life where all life events are experienced as real-unreal games. Contemporary, due to the media show, gets emotional experience which helps to brighten up the monotony of everyday life. Advertisement idealizes idol, contemporary, whose image, shocking behavior artificially attract attention.

Game practices enter to all spheres of human life, where he is able to build an alternate version of himself through immersion in another surreal world which is presented in the role-playing game (cosplay, anime, manga, shopping, hobbies, etc.). Using gaming practices in life motivates human activity, but it leads to a world of illusions and deconstructing its existence, which becomes a game itself.

Ключевые слова виртуализация, игровые практики, симуляция жизни, эскапизм, медиаиндустрия.

Keywords virtualization, practice game, life simulation, escapism, the media industry.

Виртуальный мир, новые информационные технологии сформировали новый тип культурной идентичности, свойственный человеку постмодерна. «В двадцатом веке электронные медиа поддерживают глубинную трансформацию культурной идентичности. Телефон, радио, кино, телевидение, компьютер, а сейчас их интеграция в “мультимедиа” переструктурируют слова, звуки и образы с тем, чтобы культивировать новые конфигурации индивидуальности» [1].

Предшествующие типы общества нуждались в человеке активном, рациональном, идеологически убежденном, нацеленном на самоидентичность и индивидуализм. Человек постмодерна, существуя в условиях экономоцентризма (превалирования экономики над другими сферами социальности и культуры человека), создается и воспитывается через иные формы идентичности, нацеленные на гетерогенные, полистилистичные явления, реализованные в игровых практиках.

В современном обществе одна из главных характеристик игры – двойственность восприятия – становится нормой бытия, провоцируя личностно ориентированный эскапизм. Особая роль в процессе принадлежит медиаиндустрии, транслирующей потенциальные сценарии жизни, где все жизненные события переживаются как реально-нереальные игрища.

Данный телевизионный формат строится на компилятивном, строго регламентированном сценарии, импровизационном начале, привлечении к участию «обычных» людей, не имеющих практики в игровом жанре, где в течение отведенного времени (час, полтора) показывается и разбирается якобы естественная жизненная ситуация. Поддерживаемое игровыми правилами, которые облегчают понимание и осознание происходящего, данные шоу заставляют и зрителя, и участника поверить, что они являются частью не разыгранного спектакля, а реальной конкретной жизни.

Многочисленные реалити-шоу, проигрывая типичные ситуации личного и семейного взаимодействия, задают стандарты поведения, иные технологии предъявления себя («Пусть говорят», «Мужчина/Женщина», «Прямой эфир», «Наедине со всеми», «Вечерний Ургант», «Говорим и показываем», «Время покажет» и т. д.). Быстротечность времени, отсутствие или нивелирование в обычной жизни простых каждодневных реальных событий заставляют человека, не успевающего жить в реальности, проживать обычные житейские эмоции в медийной среде, замещая собственную жизнь (работу, учебу, коммуникацию и т. д.) виртуальным пространством.

Идея «жить для себя», для собственного наслаждения и удовлетворения, столь актуальная в повседневной действительности, нацеленная на «Я», «Мне», «Мое», не позволяет современнику развиваться духовно и интеллектуально, работать со своим ЭГО. Отсюда стремление оценивать себя через призму «Других», и медиашоу как раз позволяют сравнить и сопоставить свое поведение, личные достижения и поступки с решением и действиями медийных героев, не подвергаясь внешней оценке со стороны социума.

Разнообразие интеллектуальных игр, нацеленных на получение ответа на поставленные вопросы, заставляют не только участника, но и зрителя сопоставлять свои способности и смекалку с чужими знаниями и опытом, идентифицироваться то в качестве оппонента, то союзника в данном игровом формате («Что, Где, Когда?», «Самый умный», «Кто хочет стать миллионером?», «Своя игра», «Большой вопрос», «Умники и умницы» и т. д.). Ну, а игры с фортунной базируются на архетипе – «поймать Жар-птицу» и осуществляются в лотереях, розыгрышах призов, вере в благосклонности фортуны, везении («Поле чудес», «Золотой ключ», «Русское лото» и т. д.).

Обобщая сказанное, следует отметить, что выстроенное на компенсаторном начале современное реалити-шоу приобрело огромную популярность и развивается по нескольким направлениям. *Шоу-подглядывание* нацелено на удовлетворение любопытства, страсти подслушивать и углядеть чужую жизнь, так свойственную обычному человеку («За стеклом», «Дом 1-...», «Холостяк», «Большой брат» и т. д.). Здесь монотонность повседневной жизни преодолевается через разыгрывание в ярких, привлекающих внимание утрированно эпатазирующих поведенческих реакциях.

Шоу-обновление (модернизация) самого героя («Перезагрузка», «Модный приговор», «Взвешенные люди», «Топ-модель», «На десять лет моложе», «Снимите это немедленно» и т. д.), его жизненного пространства («Идеальный ремонт», «Школа ремонта», «Дачный ответ», «Фазенда», «Квартирный вопрос», «Едим дома», «Смак», «Рецепт на миллион», «Званный ужин» и т. д.), транспортного средства («Тачка на прокачку», «Первая передача», «Дорожные войны»), забота о здоровье («О самом главном», «Жить здорово», «Школа доктора Комаровского») и другие аспекты жизнедеятельности («Контрольная закупка», «Ревизорро», «Магазино», «Битва салонов» и т. д.). Данные медийные игры, несмотря на то что презентуются как естественные жизненные программы, поддерживаются обязательным внутренним сценарием. Постепенный осознанный ввод различных по типуажу героев, специалистов, сведущих в заявленных проблемах, разбор ситуации

и отношения к ней окружающих (зрители, выступающие с ролью этико-нравственной оценки), психологически поддерживают интерес аудитории и дают ответ на запрос социума.

Шоу-выживание завораживает экстремальными испытаниями и условиями существования, преодолением препятствий, командным духом и соперническим началом. Здесь, как правило, победа достигается, прежде всего, над собой, а затем уже над противником. Реализованные через публичные игры-соревнования, они демонстрируют силу, ловкость, выносливость, адаптивность (шоу «Последний герой», «Экстремалы», «Форт Боярд», «Без страховки», «Остров» и т. д.), создают модели героев, кумиров, триумфаторов.

Шоу-обучение, развлекая, учат, практически наставляют на прикладное знание. Осваивая или совершенствуя некий навык, профессиональную стезю, участники и зрители постигают основы мастерства некоего дела, тем самым повышая шанс в своей ликвидности и востребованности («Голос», «Танцы со звездами», «Ледниковый период», «Точь-в-точь», «Главная сцена», «Фабрика звезд», «Три аккорда», «Вместе с дельфинами», «Шоу кулинаров», «Король кондитеров» и т. д.).

Сами *шоу-игры*, где интерес и азарт поддерживается невозможностью предугадать ход противника, где случай и фортуна, нестандартный подход приводят к победе («Поле чудес», «Давай поженимся», «Своя игра», «Сто к одному», «Кто хочет стать миллионером?»). В данном случае участники заранее не представляют, что их ждет в будущем, какие интеллектуальные препятствия им предстоит преодолеть, какой нестандартный ход применить.

Безусловно, реалити-шоу популярны, прежде всего, благодаря скандальной подаче, эпатажному поведению некоторых героев, активизирующих нездоровое любопытство, задавая поведенческие эталоны для подражания. В борьбе за зрелищность, нередко балансируя на грани непристойности, сочетая в себе реальную нереальность, шоу через игровой формат дают сильные переживания, скрашивающие монотонность повседневной жизни, реальные подсказки, как поступить и действовать в той или иной ситуации.

В результате формируется множественность единичного «Я», в которой теряется индивидуальность. Огромное количество сериалов, скейт-шоу, кочующих с канала на канал, привлекательны для целевой аудитории благодаря разыгранным социальным характеристикам, задающим игровые образцы поведения в обществе («Кухня», «Физрук», «Интерны», «Бригада», «Молодежка», «Реальные пацаны», «Универ», «Деффчонки» и др.).

Индивид, лишенный устойчивых социальных ориентиров, тяготеет к необходимости личностных взаимодействий, выстроенных на шаблонах, заготовленных клише, история жизни как бы разыгрывается по сценарию, заранее спланированному сюжету. Само бытие становится симулякр, игрой в подражание настоящему, ценному, через стремление к бытованию по заданным стандартам, канонам массовой культуры, базирующимся на креативности и замещении реальных героев на экранные образы (подражание кумирам, деятелям искусств, политикам, шоуменам и т. д.). Человек начинает играть в другие жизни, идеальная модель которых представлена в телешоу – «Кулинарный поединок», «Едим дома», «Пока все дома», «По домам» и т. д. Индивиду навязывается образ жизни и бытования других успешных людей, жизнь которых становится моделью, основой для подражания.

Интернет-пространство, кино, телевидение, виртуальная реальность, новые технологии жизни – небольшой перечень из множества способов создания личной альтернативной реальности.

Повседневность все больше воспринимается как телешоу или спектакль, наполняясь атмосферой экранного действия. Виртуальное пространство формирует понимание потребности конструирования иного образа, разных имиджей, предполагает иные способы общения, новые технологии самопрезентации.

Человек старается вжиться в образы, навязанные ему рекламным продуктом, он стремится соответствовать неким данным визуальным символам, постоянно подстраиваясь под них, создавая искусственного себя.

Мир соблазняет индивида возможностями изобилия товаров и услуг. Реальность жить в кредит (финансовый, социальный, антропологический) формирует желание удовлетворенности, которое никогда не будет достигнуто в силу постоянного спецэффектного действия в кино, на телевидении, рекламных плакатах, новых скоростях движения и жизни, изобилия разных, одновременно предъявленных смыслах человеческого существования.

Все жизненные события переживаются как реально-нереальные. Многочисленная рекламная, новостная, любая другая информация подается через призму развлекательного, релаксирующего фактора. Серьезность политических информационных программ разбавлена нетрадиционным сленгом, нестандартным подходом к освещению важных проблем. Человек существует в вымышленном мире: успех виртуального пространства, легкая смена личного имиджа, засилье скейч-шоу, тотальная ирония над собой и миром. Современное жизненное пространство становится

ся двойственным, где реальность переплетается с ирреальными моментами (распространение виртуального общения, переплетение многочисленных имиджевых-Я в одном дне, карнавальность информационной среды и т. д.). Обыденность пронизана инфотейнментом (infotainment). Средства массовой информации стремятся преподнести любой материал, даже серьезный, политизированный, с оттенком любопытных деталей, красочных сюжетов. В ход идут и визуализация проблемы, выстраивается метафорически-образная трактовка событий, применяется яркая образность с одновременным упрощением речевых трактовок. События иллюстрируют конкретным примером, индивидуальным случаем из частной жизни, подчас вводится репортер в действующие лица хроники с места происшествия. Мимика, жесты, интонационное акцентирование тембра, темпа речи, формируют бессознательное восприятие определенного контекста происходящих событий.

Практика свидетельствует, что игровой феномен человеческой деятельности перестает быть принадлежностью только лишь сферы развлечений, демонстрируя все новые возможности и сферы реальной действительности.

В условиях постмодерна игра способствует деконструкции культурной деятельности, осуществляемой через рекламу. Ведь назначение рекламы нацелено не столько на покупку конкретного товара, сколько на формирование определенного имиджа, с которым, так или иначе, связан данный товар. Товарный знак, бренд как бы «присваивает» человека через навязывание определенного образа, несомого знака конкретного социума. Игра со знаками есть суть потребления жизни. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что в развитых современных обществах не аксиологические координаты жизни, а потребление «обеспечивает дифференциацию людей и их сходство, заданное определенными потребительскими моделями» [2].

Человек эпохи постмодерна не имеет реальных героев, авторитетов, кумиров для подражания, он создается в культурной среде, где об одном и том же человеке средства массовой информации распространяют противоречивые сведения. Поэтому притягательным становится персона, чьи действия и внешний вид эпатируют, нарушают правила, стандарты, клише. Персона, известная всем, как правило, создает себя как внешне (пластическая хирургия, усиленная атлетическая нагрузка для выстраивания определенного внешнего облика, сознательная диета, применение фетишей: наколки, пирсинг, татуаж, make-up, утрированные элементы одежды и т. д.), так и внутренне. Она, как правило, разыгрывает образ успешного, деятельного человека, совмещающая в себе черты гротеска и фарса. Все это позволяет сказать, что возникают такие разновидности современных практик эскапизма, как эпатажные формы поведения, игра на публику.

Во все времена игровые практики, применялись как действенное средство нравственно-этических паттернов. «Транспозиционность» современного общества не только упразднила антагонизмы, но, прежде всего, создала искусственный мир, в котором стираются «мужское – женское», «прекрасное – безобразное», «великое – малое», «черное – белое» и т. д. Огромное количество людей, «совершенствуя» свою природу, реализуют себя в культуре транссексуалов, бодибилдинга, татуажа, пирсинга и т. д. Это их путь идентификации себя, демонстрации миру своих нереализованных желаний и потребностей. Лисси Мусса, автор современной игровой психотренинговой системы «ОК сЮМОРОн», выстроенной на утверждении, что жизнь – это увлекательная игра, позволяющая изменять реальность по своему желанию, хотению и велению, сказала: «Все правила игры создаются по ходу игры». Это утверждение верно, если люди ориентируются на достижение какой-то цели, отвергают принятые нормы взаимодействия в данной ситуации, эпохе, культуре в целом.

В современной культуре игроизация проникает во все сферы жизни человека. Индивид выстраивает альтернативную версию себя в ролевой игре, через погружение в другой, ирреальный мир. Ролевики, косплеи, аниме, манга, примеряя на себя выдуманную личину персонажа (сказки, мифа, кино и мультфильма, виртуальной истории и т. д.), не только копируют одежду, манеру речи, движения, но осознанно живут жизнью выбранного героя. Оценивая данную роль, образ не только как хобби, проведение досуга, но и делая его своей работой, бизнесом, способом обеспечения своих материальных потребностей (реконструкторские клубы, флеш-мобы, платные селфи, видео и чат дневники и т. д.).

Игра становится серьезным занятием, требующим наличия творческих и коммуникативных способностей. Креатив костюма, создание его собственными руками заставляют совершенствовать навыки рукоделия, практику забытых ремесел, развиваться поэтически, художественному, музыкальному, хореографическому или иному таланту. Необходимость общения с другими игроками, совместная проработка и разыгрывание выбранного сюжета расширяют коммуникативные возможности, способствуют формированию эмпатии и трансформации себя в рамках ролевой идентификации. Ролевая игра создает реальное пространство, где современник пробует себя в новом качестве, роли, положении. Данное игровое пространство комфортно (из-

начально ирреально), малобюджетно (каждый при желании может создать свой костюм, исходя из материального достатка и потребности в атрибутах), психологически оптимально (базируется на доверии, сопричастности и солидарности), а главное, позволяет каждому получить ощущение востребованности, ценности и значимости.

Формирование современных реалий на игровых технологиях способствует созданию жизненных стратегий, с одной стороны, выделяющих индивидуальность, а с другой – нивелирующих ее. Распространенные фрагментарные и непостоянные личностные контакты, без взаимных обязательств и обязанностей, формируют антипривязанность, независимость друг от друга, индивидуальную автономию. Молодое поколение склонно к формированию негативной идентичности, стремясь быть полностью противоположными тому, какими их хочет видеть социум. Негативная идентичность является следствием попытки овладеть жизненной ситуацией, когда позитивная идентичность не может быть установлена. И как правило, реализуется через опасные и нежелательные роли, в которых человек демонстрирует себя. Человек стремится построить искусственные, альтернативные версии собственного Я, через технологии ролевой игры, способствующей уходу в другой, ирреальный мир, основанный на эскапизме (хиппи, готы, растаманы, эмо, косплеи, ролевики и т. д.).

Все большую популярность в современной жизни приобретают реальные квесты, новый вид командного развлечения, предъявляемого через включение в интерактивные истории себя в качестве главного героя. Данное времяпрепровождение как бы переносит тебя из повседневности в мир фантазии, компьютерный мир, наполненный реальными осязаемыми предметами. Путешествие и обследование по квестовому миру («Казематы», «Тайна агента КГБ», «Турецкий гамбит», «Тайна кабинета профессора» и т. д.) строятся на решении сложных головоломок и умственных задач, цель которых выйти из комнаты, в которой ты заперт, отыскав все тайники, используя найденные артефакты и подсказки. Команде дается, как правило, шестьдесят минут для открытия победной двери. Обилие эмоций, демонстрация своих возможностей действия в экстремальных искусственных ситуациях и задают успех данных нововведений. На наш взгляд, выйти из комнаты, в которой ты заперт, – это и есть, в образном смысле, главный мотив современных форм эскапизма.

Стремление к гедонизму, получение для себя лучших условий и правил жизни, установка попробовать все и вся идет на рекламном образе «Бери от жизни все», «Ведь ты этого достоин» и заставляет человека быть свободным от норм, предрассудков, стандартов и установок. Он изначально готов проживать множественность «Я», переключаясь с одной социальной ситуации на другую. Все события жизни оцениваются не по нравственно-этическим категориям, а по мере воздействия, оказания влияния на психику, мысли и поступки человека. Так формируется клиповое мышление, обладатель которого не мотивирован на анализ жизненных реалий, ведь их образ содержательно не задерживается надолго, а моментально замещается новым информационным полем, что и создает прерывность быденности.

Столь популярный в последнее время шопинг – это игра с самим собой. На практике все больше людей отправляются в торговые центры не столько за нужными, крайне необходимыми предметами, вещами, сколько за тем, чтобы получить удовольствие от сопутствующих развлечений, комплексов услуг. Современный человек наслаждается самим процессом, прогулкой по мегамаркету. При этом он принимает правила, установленные в торговой зоне, подкупаясь скидками, входит в азарт, за счет чего и получает удовлетворение от данной ситуации. Ведь в подобных практиках человек чувствует себя победителем, он лидер, это его способ переключения, самоутверждения и еще одна из доступных форм современного эскапизма.

Современная промышленность породила новую форму игрового эскапизма – хобби – дело, которым занимаются ради увлечения, приносящее радость, помогающее самореализоваться. Один из простых и доступных способов борьбы со стрессом, плохим настроением – приятное времяпрепровождение, своеобразный способ уйти от рутины, с которым незаметно проходит время и возвращается эмоциональная удовлетворенность. Разнообразие современных досуговых мероприятий безгранично: от простейшего коллекционирования книг, монет, открыток, марок, конфетных оберток, предметов определенной направленности (собирать статуэтки рыбок, собак, колокольчики и т. д.), спортивных игр (страйтбол, пейнтбол и т. д.), творческих (вышивка, шитье, вязание, моделирование конструкций, резьба по дереву, тыкве и т. д.) до более нетрадиционных занятий – рисование на грязной машине, картины на песке пляжа, скульптуры из масла и т. д. Так общество играет с предметным миром, создавая свои правила, стандарты и классификаторы неодушевленной материи. Хобби социализирует и самоутверждает, мотивирует и развивает определенные качества и черты индивидов.

В последнее время все больше пропагандируется лозунг, что работа должна приносить удовольствие, иначе она надоедает и воспринимается как событие, приводящее к стрессу. Работа перестала быть делом, приносящим только доход, она должна быть средством самореализации, профессионального самосовершенствования. Поэтому так часто встречается идея, что работа должна совпадать с хобби, и только тогда можно гарантированно получить качественный товар или оказанную услугу. Желание получать и от работы удовольствие заставляет современника постоянно искать, менять и пробовать себя в разных профессиях, сферах и практиках.

Стремление к регулярной смене профессии (статистика свидетельствует, что современник к концу трудовой деятельности может 5–6 раз поменять профиль работы), места жительства – характерные признаки образа жизни человека, идентифицирующего себя как хозяина своей судьбы. Индивид сам придумывает, создает стратегию своей жизни, выбирает способы представления (роль, имидж, манеры), каждый играет ту роль, которая от него требуется по жизненному сценарию. Еще Монтень в своих знаменитых «Опытах» сказал: «Большинство наших занятий – лицедейство. Нужно добросовестно играть свою роль, но при этом не забывать, что это всего-навсего роль, которую нам поручили. Маску и внешний облик нельзя делать сущностью, чужое – своим... достаточно посыпать мукой лицо, не посыпая ею одновременно и сердце» [3]. Однако в условиях игроизации современной культуры человек зачастую идет гораздо дальше. Он «посыпает мукой» не только лицо, но и меняет свое сознание, свою личностную идентичность, подчиняясь нормам, правилам и ценностям, почерпнутым в медийных игровых практиках.

Безусловно, использование игровых приемов в повседневности, с одной стороны, мотивирует на активную жизненную позицию, но с другой – подчас уносит в ирреальность, что проявляется в потере физической связи с миром. Применяемая в совершенствовании, постоянном самообразовании как бесконечная стратегия изменения себя, что формирует легковесную ответственность перед обществом, ведь в игровых практиках ошибка всегда корректируется. Восприятие жизни как виртуальной игры уводит от настоящего, реального, деконструируя бытие, провозглашая его эпохой тотальной игры.

Примечания

1. Poster M. *The Second Media Age*. Cambridge : Polity Press, 1995. P. 24.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1999. С. 165.
3. Монтень М. Опыты. Избранные главы / пер. с франц. Г. Косикова ; примеч. Н. Мавлевич. М. : Правда, 1991. С. 216.

Notes

1. Poster M. *The Second Media Age*. Cambridge: Polity Press, 1995P. P. 24.
2. Baudrillard J. *Sistema veshchej* [The System of Things]. M. Rudomino. 1999. P. 165.
3. Monten' M. *Opyty. Izbrannye glavy* [Experiments. Select chapters] / transl. from Fr. G. Kosikova; Notes N. Mavlevich. M. Truth. 1991. P. 216.

УДК 101.1

А. А. Линченко

Память тела в пространстве повседневной исторической культуры: философско-методологический аспект*

В статье предпринимается попытка анализа проблем памяти тела в контексте повседневной исторической культуры. Обосновывается мысль, что память тела является внутренней стороной повседневной исторической культуры. Это фундировано практическим характером повседневности. Выявляются базовые понятия, необходимые для описания особенностей коммеморации в рамках памяти тела: следы прошлого, исторический опыт, историческая память. Проводится различие между «памятью тела» (память индивидуального, биологического тела) и «телом как памятью» (память тела как инструмент исторической культуры). Рассматриваются коммеморативные функции памяти тела и ее роль в процессах социального забвения.

© Линченко А. А., 2016

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15-23-01001 а(м) «Трансформация ценностей повседневной исторической культуры в современном мире».

The authors of the article attempt to analyze the problems of body memory in the context of everyday historical culture. It substantiates the idea that body memory is the internal part of the historical everyday culture. It's proved by the practical nature of everyday life. The basic concepts, needed to describe the features of commemoration in body memory are identified. They are the traces of the past, historical experience, historical memory. The distinction is made between "body memory" (memory of an individual, biological body) and "body as a memory" (memory of a body as an instrument of historical culture). The article considers commemorative functions of body memory and its role in the social processes of oblivion.

Ключевые слова: повседневность, историческая культура, тело, память тела, следы прошлого.

Keywords: daily, historical culture, body, body memory, traces of the past.

Одним из наиболее распространенных эпизодов, характеризующих воспоминания узников концентрационных лагерей, является указание на особый характер памяти о травматическом опыте прошлого. Речь идет о телесной памяти, которая не укладывалась в историческое сознание жертв насилия, существуя рядом с ним. Так, анализируя книги Варлама Шаламова, Валерий Подорога замечает, что «для Варлама Шаламова единственной памятью будет память телесная, только она одна может объективировать себя, – это память рук, запахов, вкусовых ощущений, кожных раздражений, трудовых и пыточных воздействий, память боли. Тело доходяги в своей физической открытости ("искалеченности") есть единственное и полноценное свидетельство, он свидетельствует собственным телом» [1]. Однако насколько данная тема интересна для философии истории? В данном случае вопрос звучит, прежде всего, по отношению к самой философии истории, статус и предмет которой во второй половине минувшего столетия претерпели существенные изменения. С одной стороны, в зарубежной философии истории давно сложилась традиция, отрицающая наличие метафизических оснований философии истории и критически воспринимающая всякую онтологическую философию истории. С другой стороны, философия истории в XXI в. существенно расширила круг своих интересов. Традиционные вопросы аналитической, герменевтической и нарративной философии истории на Западе оказались дополнены темами политического присвоения прошлого, медийного дискурса об истории, проблемами коллективной памяти и идентичности, национальными образами времени и исторического опыта, этическим измерением истории. Не исключением стали и вопросы телесной памяти.

И действительно, современные отечественные и зарубежные исследователи все чаще обращают свое внимание на феномен памяти тела, рассматривая его в онтологическом (М. Мерло-Понти, Т. Фукс, М. Сумма), эпистемологическом (Е. Н. Князева, Е. Н. Шульга), антропологическом (В. А. Подорога), социально-философском (М. Л. Бурик, П. Коннертон) контекстах. Память тела (телесная память) как часть исторической памяти затрагивалась в работах А. Ассман и Р. Козеллека. Задачей данной статьи является исследование роли и значения памяти тела в повседневной исторической культуре. В силу сложности и многозначности проблемы сконцентрируем внимание на выявлении базовых понятий, позволяющих изучать данную тему в современном дискурсе, а также на функциях памяти тела в пространстве повседневной исторической культуры.

Что такое повседневная историческая культура?

Термин «историческая культура» сравнительно недавно вошел в лексикон современных исследований memory-studies и философии истории. Историческая культура, по мнению Й. Рюзе-на, есть «историческое сознание, схваченное в действии, представляющее собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности» [2]. Историческая культура, по его мнению, включает все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни. Речь, таким образом, идет обо всем многообразии форм и практик присвоения и освоения прошлого, форм практической, теоретической и коммуникативной деятельности в отношении к прошлому. Именно в этом, на наш взгляд, и состоит важнейшая функция данного понятия в рамках memory-studies в сравнении с понятиями историческая память и историческое сознание. Особым уровнем исторической культуры при этом выступает повседневная историческая культура. Е. В. Беляева замечает: «Повседневная историческая культура транслируется непосредственно через образцы деятельности и поведения, ее ценности стабильно воспроизводятся, но менее всего осмысливаются» [3]. Выделение сферы повседневного и неповседневного в исторической культуре позволяет глубже понять определенную целостность непрофессиональных способов восприятия прошлого, их включенность в конкретные жизненные практики. Повседневная историческая культура в связи с этим как раз и выступает тем общим полем, на кото-

ром развертывается все это многообразие слабо интегрированных между собой форм присутствия времени в повседневности.

Тема повседневности – одна из наиболее популярных в современной философии. Отечественные исследователи, говоря о повседневной деятельности как особой форме непосредственной человеческой деятельности, осуществляющейся в конкретной фактичности событийных ситуаций, выделяют следующие ее характерные особенности: рутинную однообразность трудовых будничных ритмов; типизированность, привычность и автоматизированность действий, которые совершаются с помощью подручных средств привычного предметного универсума; относительную статичность, неподвижность бытийных структур; определенную темпоральную структуру, связанную с временными режимами работы, домашних дел и свободного времени; укорененность в наличной действительности, затерянность-в-вещах; отсутствие ярко выраженных эмоциональных переживаний и всплесков; усредненную обезличенность; само-собой-разумеющееся понимание; превращенность и стереотипность сознания; экономию мышления и экономии действия; наивный реализм (естественную установку); национально-культурный и биографический контекст своего содержания; практическое единство бытия и сознания, их фактическую нерасчлененность [4]. В связи с этим особый темпоральный ритм повседневности открывает ее пространство перед исторической памятью. Причем взаимосвязь между ними диалектическая. Историческая память нуждается в повседневности, равно как и повседневность всегда фундирована памятью. Особой сферой повседневной исторической культуры выступает сфера телесных практик памяти, роль и значение которых лишь в последние годы стали привлекать внимание исследователей в связи с общим ростом интереса к философии тела.

Тело и повседневность в современной философии

Несмотря на то, что тело становилось предметом философского осмысления, начиная с самых ранних этапов истории философии, феномен тела вышел на передний план философской рефлексии и превратился в самостоятельный объект исследования. Тело человека, идет ли речь о марксистском понимании или феноменологической философии, осмысливается, прежде всего, не как физический или биологический объект, а как объект культурный и социальный. В марксистской философии закрепился особый термин «мыслящее тело» как единство органического и неорганического тела человека. Для М. Мерло-Понти собственное тело видится в зеркале тела Другого, в интрасубъективности телесного опыта. Преодоление редукции тела к организму характерно и для постмодерна. В литературе отмечается, что «тело человека отождествляется с культурным телом, в котором формируется личность. Индивидуальная телесность зависит от «картографии тела» как такового» [5]. Как видится, именно с этой перспективы необходимо понимать телоцентризм постмодернистской философии (например, «тело без органов» Ж. Делеза). Дальнейшее развитие тезиса о культурном содержании тела находим в работах П. Бурдьё. В частности, важно, что «габитус» для него оказывается инкорпорированными в тело человека объективными структурами. Более того, как известно, П. Бурдьё выделял не только тело человека, но и тело групп, социальных классов, говоря о соответствующих габитусах. Именно повседневность, прежде всего, оказывается в фокусе внимания в том случае, если пытаются что-либо писать о теле как предмете философского или социологического осмысления. В связи с этим стоит отметить большое значение работ М. де Серто, который стремился описать пространство повседневного именно как пространство телесных тактик, понятых как «способы делания» и практики присвоения социального пространства и противостоящим стратегиями официального властного дискурса.

Однако о какой методологии идет речь в случае обращения к теоретической связке «тело-повседневность»? Определенным горизонтом, намечающим пути дальнейшего исследования проблем памяти тела в пространстве повседневности, является так называемый «практический поворот». Речь идет о внутренней «практизации» теоретического ядра философского знания, переопределении понятия философии в рамках ее постметафизического понимания, что означает, прежде всего, «посюстороннюю» привязанность философского мышления к опыту, медиальное понимание опыта и перфомативность философской «теории».

Память тела, следы прошлого и исторический опыт

Итак, проблема тела занимает далеко не последнее место в современной философии, что требует более пристального взгляда на феномен памяти тела. Однако какие понятия могут помочь описать нам данную сферу схватывания времени? Ведь тело – это особый случай памяти. Здесь биологическое переплетается с собственно человеческим. Время в данном случае схватывается через те формы изменений, которые фундированы биологическим существованием человека. Именно поэтому наиболее явными границами схватывания времени телом оказываются

факты рождения, смерти и старения человека. Это заставляет нас обратиться к возрасту как к той особой и первой сфере восприятия времени в рамках телесного существования. Вместе с тем возраст – понятие не только биологическое, но и социально-психологическое, где биологическое время жизни человека соприкасается с автобиографической памятью. Однако было бы неправильно говорить о прямом восприятии времени и прошлого в контексте телесности. Как известно, возраст не укладывается только в хронологические границы годовщин, дней рождения и юбилеев. Он представляет собой форму взаимосвязи природного и человеческого времени. Это означает, что старение ощущается человеком через изменения в привычных ему формах жизнедеятельности, где влияние времени на тело и само прошлое проявляются в форме следов. В связи с этим любопытны рассуждения Р. Козеллека, который различал два носителя воспоминаний: тело и язык, интерпретированных им в контексте метафор «следа» и «колеи». Память тела, по его мысли, – это переживание, сохраняющееся посредством рутинизации. Данная память непередаваема как знание, поскольку она аутентична и содержит индивидуальные воспоминания, отсылая к неповторимости человека и его прошлого [6]. Тело в этой связи оказывается территорией, где время также оставляет свои следы, понятые как следы изменения, старения или как следы непосредственно произошедших с человеком событий. Память как «колея» представляет собой способ запоминания, использующий социальные коммуникации и соответствующие институты. И данный вид памяти, безусловно, оказывается более долговременным, коллективным, а значит, более надежным, нежели память тела. Однако всегда ли следы прошлого оказываются доступны толкованию в рамках коллективной исторической памяти?

Присмотримся внимательнее к понятию «след прошлого». Прошлое как «след» принадлежит как прошлому, так и настоящему. Андреас Буллер отмечает: «Уже одним своим существованием “СЛЕД” конкретизирует прошлое, выделяя из безграничного “все, что было”, только определенные события, образы и феномены... С другой стороны, СЛЕД не дает окончательно уйти тому, что давно уже ушло и прошло. И этим он в какой-то мере проецирует нас: СЛЕД стирает границу между тем, что БЫЛО, и тем, что ЕСТЬ. Он сам является одновременно тем, что было, и тем, что есть» [7]. Понятие «след» оказывается мостом между прошлым как исторической действительностью, как реально существовавшей когда-либо, и прошлым как конструируемым объектом, зависимым от нашей способности его увидеть, воспринять и интерпретировать. В данном случае «следы прошлого» – термин, принадлежащий словарю онтологии, а не эпистемологии. «Следы прошлого» оказываются шире нарративных форм описания прошлого, поскольку могут разрушать все привычные способы их линейного последовательного описания. В этом отношении «прошлое как след» в известном смысле противостоит «прошлому как колее».

Следы прошлого, оказываясь запечатленными в памяти тела, образуют особое пространство соприкосновения с прошлым. В данном случае мы не можем говорить об исторических знаниях, но скорее о практическом знании о прошлом, где на первый план выходят именно практики памяти и забвения. Более уместным в данном случае оказывается понятие «исторического опыта», ставшее предметом исследовательского интереса современных исследователей за рубежом (Ф. Р. Анкерсмит). Исторический опыт – это то, что всегда «со мной» и не поддается теоретической экспликации, но как повседневный фон присутствует при обращении к прошлому и изменениям во времени. По мнению Ф. Анкерсмита, в историческом опыте, считает он, человек испытывает радикальную странность (жуткость) прошлого; здесь оно не конструкт рассудка, а реальность, которая обнаруживается в опыте с той её прямоотой, как это свойственно возвышенному. «...Он скорее онтологичен, чем эпистемологичен, и потому должен определяться скорее через то, что вы суть, чем через то, что вы знаете, каким знанием обладаете. Возвышенный опыт – и исторический опыт – не предназначен для утоления нашей жажды знания. Он вообще не служит никакой цели, хотя его проявления могут иметь значение для человека, обладающего опытом <...> Человек обычно меняется благодаря опыту – а это только усиливает утверждение, что в ситуации возвышенного опыта нет никакого постоянного субъекта опыта» [8]. Следующим этапом, возникающим перед нами, оказывается индивидуальная историческая память. Историческая память в подобном случае оказывается механизмом языкового преобразования исторического опыта, она преобразует исторический опыт в нарратив, что как раз и позволяет современным исследователям говорить об автобиографической памяти как высшей психической функции. В.В. Нуркова отмечает, что «автобиографическая память (АП) определяется как высшая психическая функция, организованная по смысловому принципу, оперирующая с личностно отнесенным опытом, которая обеспечивает формирование субъективной истории жизни и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути» [9]. Выделяя автобиографический опыт как осознаваемые и неосознаваемые элементы автобиографического нарратива, отечественный исследователь показывает, что «присвоение культурных средств создания

субъективной картины индивидуального прошлого задает следующую траекторию развития АП как личностно-мнемической системы: от автобиографического рассказа о единичном эмоционально насыщенном эпизоде к важному воспоминанию, затем к бытийной теме, объединяющей совокупность воспоминаний, далее, к пронизанной смысловыми линиями истории жизни и, наконец, к интегрированному обобщению – концепции своей судьбы» [10]. И вместе с тем телесная память, существуя посредством автобиографической памяти, не укладывается полностью в ее пространство. Проблема состоит в том, что любой нарратив предполагает определенную последовательность и структуру отдельных элементов-эпизодов, характер связи которых задается сюжетом, а в нашем случае – смысловой линией истории жизни. Однако, в отличие от нарратива автобиографической памяти, телесная память, по мысли Т. Фукса, является источником особого рода непрерывности исторической идентичности человека. Разбирая случаи диссоциации телесной памяти и автобиографической памяти на примере шизофрении и деменции, он отмечает: «...непрерывность телесного существования создает вид памяти, который не позволяет вспомнить отдельные эпизоды, но в определенном смысле воскрешает все прошлое личности в ее нынешнем теле <...> фундаментальная непрерывность субъекта личности вырастает не из совокупности точного знания его биографии или кратковременной представленности в воспоминании, но скорее из истории, которая накапливается и отстаивается в памяти тела, тем самым всегда оставаясь неявным образом наличествующей в любой момент настоящего» [11].

Позволим себе выделить некоторые отличительные черты памяти тела.

Во-первых, телесная память представляет собой важное условие и результат практического знания о прошлом, существуя как дорефлексивное восприятие непрерывности человеческого бытия-в-мире. Во-вторых, телесная память имеет биологические границы, зависящие от особенностей ее носителя, продолжительности его жизни и способностей запоминания. В-третьих, память тела представляет собой глубоко персональный опыт воспроизводства прошлого, уникальный и субъективный, через который человек воспроизводит собственное прошлое. В-четвертых, телесная память представляет собой особую целостность, подвижное единство биологической, автобиографической и, что предельно важно, социальной памяти. В-пятых, телесная память воспроизводится посредством практик деятельности и может иметь фоновый характер. В этой связи именно повседневность выступает той средой, в которой присутствие телесной памяти оказывается особенно заметным. В-шестых, телесная память выходит за пределы исторического сознания, оставаясь в тени бессознательных процессов.

Память тела и тело как память

Однако взгляд на телесную память как на нечто сугубо индивидуальное был бы неверным. Как показывает большинство работ по философии тела, тело необходимо рассматривать как социокультурный феномен, всегда погруженный в соответствующую социальную среду и испытывающий воздействие с ее стороны. Это означает, что от «памяти тела» мы в определенном смысле переходим к «телу как памяти», к телу как пространству воспоминания и забвения в исторической культуре. И в этом смысле память тела оказывается неотъемлемой стороной именно повседневной исторической культуры, которая посредством телесных практик воспроизводит опыт прошлого. Можно даже было бы сказать, что память тела является внутренней стороной самой повседневной исторической культуры, поскольку вписана в ее механизмы, ритмы и структуру.

Таким образом, взгляд на взаимоотношения телесной памяти и повседневной исторической культуры может быть представлен с двух ракурсов. Если смотреть на повседневную историческую культуру с точки зрения памяти тела, то перед нашим взором разворачивается пространство воспоминаний, транслируемых посредством самого тела (как носителя следов прошлого), мира вещей, выступающих материальными носителями памяти, посредством пространства дома, и наконец, тех «мест памяти», с которыми связана историческая идентичность человека. Если же смотреть на память тела с точки зрения повседневной исторической культуры то перед нами открываются те практики, которые выступают способами интериоризации социального исторического опыта в личный исторический опыт человека. В данном случае укажем на повседневные практики труда (традиции труда), быта (практики еды, практики домашнего быта, одежда) и досуга (украшения тела, практики развлечений, традиции празднований). Границы телесной памяти в таком случае выходят за пределы самого тела и оказываются продолжением самой повседневной исторической культуры. Смерть человека при этом только изменяет характер взаимоотношений между телом и повседневной исторической культурой. Память тела уходит, а тело как память остается, превращаясь в элемент культурной памяти, поскольку посредством могил и захоронений повседневная историческая культура также продолжает помнить и забывать.

Функции памяти тела в повседневной исторической культуре

В современной литературе по проблемам коллективной памяти давно уже утвердилась мысль о важной роли не только механизмов запоминания, но и механизмов забвения. Это предполагает, что последующий анализ функций памяти тела в пространстве повседневной исторической культуры должен быть предпринят, с одной стороны, в контексте проблем памяти и запоминания, а с другой стороны, в контексте проблем забвения.

Память тела играет важную роль в процессах запоминания, памяти и воспоминания в повседневной исторической культуре. Во-первых, она выступает пространством взаимосвязи между природными формами времени (включая биологическое время человека) и различными формами времени культуры. Во-вторых, память тела оказывается материальным субстратом самих процессов культурного запоминания и воспоминания, поскольку в центре их всегда стоит телесность конкретного человека. В-третьих, память тела и присущая ей непрерывность исторического опыта выступают основой для непрерывности самой повседневной исторической культуры, которая есть, прежде всего, взаимодействие между поколениями. В-четвертых, телесная память оказывается важным посредником получения знаний о прошлом, совмещая прошлое как следы, исторический опыт и знания о прошлом. В литературе отмечается, что «телесное сознание не просто активно, оно энактивированно (enacted): сознание выполняет свои когнитивные функции в действии и через действие. Через действия, двигательную активность формируются когнитивные способности живого организма как в онтогенезе, так и в филогенезе» [12]. В-пятых, сами практики памяти, из которых складывается повседневная историческая культура, осуществляются всегда посредством тела или при его участии.

Тело оказывается также важным участником социальных механизмов забвения. Однако как понимать само забвение? Поль Рикер предлагал говорить о забвении как о стирании следов и о забвении как резерве, когда образы прошлого могут возвращаться, актуализируясь в настоящем.

В литературе выделяются различные типы социального забвения [13], однако нас будет интересовать только роль и место телесной памяти как источника социального забвения. Во-первых, тело, несмотря на наличие у него особой памяти, самой природой предназначено к забвению. Забывает мозг, изменяется тело, и вместе с этим стирается индивидуальная и культурная информация. Более того, вместе со смертью тела в небытие уходит сама память тела и автобиографическая память, основанная на ней. Значение этого для исторической культуры было прекрасно проанализировано Я. Ассманом в его анализе последствий перехода от коммуникативной к культурной памяти. Однако данное забвение как стирание следов также можно было бы назвать пассивной формой телесного забвения. То же самое старение оказывается и фактором забвения в автобиографической памяти. Возрастные изменения неизбежно ведут к трансформации автобиографического нарратива и утрате определенных участков памяти. Наконец, именно тело зачастую служило средством для стирания личностной идентичности и, в том числе, исторической идентичности в практиках особых социальных учреждений. Здесь можно было бы вспомнить анализ М. Фуко воздействия власти на повседневную жизнь и ее практики. Стирание индивидуальной памяти в клинике или тюрьме в этой связи обязательно имеет телесный аспект, включающий в себя изменения в образе жизни человека, характере его питания, одежде, привычках, распорядке дня. В данном случае репрессивные практики культуры сознательно используют тело как инструмент стирания памяти и идентичности.

Таким образом, проблемы памяти тела являются важным объектом анализа со стороны философии истории, поскольку оказываются одним из важнейших понятий в словаре терминов, предназначенных для изучения исторической культуры. Память тела является внутренней стороной повседневной исторической культуры, поскольку вписана в ее механизмы, ритмы и структуру. При этом следует различать «память тела» (память индивидуального, биологического тела) и «тело как память» (память тела как инструмент исторической культуры). Следует говорить не только, о коммеморативных функциях памяти тела, но и о ее функциях как инструмента социального забвения в практиках повседневной исторической культуры.

Примечания

1. Подорога В. А. *Время после. ОСВЕНЦИМ и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло*. М.: Логос, 2015. С. 126.
2. Rüsen J. *Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden*. Cologne, Weimar, and Vienna: Böhlau, 1994. S. 238.
3. *Беляева Е. В. Этапы эволюции ценностей повседневной исторической культуры // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем*. Тамбов: Издательство Першина Р. В., 2015. С. 129.

4. См. подр.: Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Дialeктика повседневности: методологический подход. Екатеринбург : УрГУ-ИФП УрО РАН-РФО, 2007.
5. Бурик М. Логика телесности. Тело и его осмысление как социокультурный процесс. М. : ЛЕНАНД, 2015. С. 160.
6. См. подр.: Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М. : НЛО, 2014. С. 120.
7. Буллер А. Три лекции о понятии «СЛЕД». СПб. : Алетейя, 2016. С. 28.
8. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. С. 314.
9. Нуркова В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти : дис. ... д-ра психол. наук. 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии. М., 2009. С. 3.
10. Указ. соч. С. 8.
11. Фукс Т. Тождество личности и физическое существование // Мысль. Вып. 18 (2015). С. 61–62.
12. Князева Е. Н. Телесная природа сознания // Телесность как эпистемологический феномен. М. : ИФРАН, 2009. С. 34.
13. Connerton P. *The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body*. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2011. P. 34.

Notes

1. Podoroga V. A. *Vremya posle. OSVENCIM i GULAG: myslit' absoljutnoe zlo* [Time after. AUSCHWITZ and the GULAG: to think absolute evil]. M. Logos. 2015. P.126.
2. Rüsen J. *Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden*. Cologne, Weimar, and Vienna: Böhlau, 1994. P. 238.
3. E Belyaeva E. V. *Ehtapy ehvolycii cennostej povsednevnoj istoricheskoy kul'tury* [Stages of evolution of the values of everyday historical culture] // *Konstruktivnye i destruktivnye formy mifologizacii social'noj pamyati v proshlom i nastoyashchem* – Constructive and destructive forms of mythologizing of social memory in the past and present. Tambov. Publishing House of Pershin R. V. 2015. P. 129.
4. See more: Lyubutin K. N., Kondrashov P. N. *Dialektika povsednevnosti: metodologicheskij podhod* [Dialectics of everyday life: the methodological approach]. Ekaterinburg. UrSU-Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of RAS. 2007.
5. Burik M. *Logika telesnosti. Telo i ego osmyslenie kak sociokul'turnyj process* [Logic of corporeality. The body and its understanding as a social and cultural process]. M. LENAND. 2015. P.160.
6. See more: Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: memorial culture and the politics of history]. M. UFO. 2014. P. 120.
7. Buller A. *Tri lekicii o ponyatii «SLED»* [Three lectures on the concept of "TRACE"]. SPb. Aletheia. 2016. P. 28.
8. Ankersmith F. R. *Vozvyshennyj istoricheskij opyt* [Sublime historical experience]. M. Publishing house "Evropa". 2007. P. 314.
9. Nurkova V. V. *Kul'turno-istoricheskij podhod k avtobiograficheskoy pamyati : dis. ... d-ra psihol. nauk. 19.00.01 – Obshchaya psihologiya, psihologiya lichnosti, istoriya psihologii* [Cultural-historical approach to autobiographical memory: dis. ... Dr Psychol. sciences. 19.00.01 – General psychology, psychology of personality, history of psychology]. M. 2009. P.3.
10. Ibid. P.8.
11. Fuchs T. *Tozhdestvo lichnosti i fizicheskoe sushchestvovanie* [Identity of the individual and the physical existence] // *Mysl' – Thought*. Vol. 18 (2015), pp. 61-62.
12. Knyazeva E. N. *Telesnaya priroda soznaniya* [The bodily nature of consciousness] // *Telesnost' kak ehpsitemologicheskij fenomen* – Pysicality as an epistemological phenomenon. M. IPHRAS. 2009. P. 34.
13. Connerton P. *The Spirit of Mourning: History, Memory and the Body*. N. Y.. Cambridge Univ. Press. 2011. P. 34.

УДК 130.3

О. Ю. Голубева

Духовные истоки и смысл мировой культуры

Существует тесная взаимосвязь духовного и культуры. Духовное через культуру объективируется в социуме и становится фактором человеческой деятельности. Духовное является источником и смыслом бытия культуры. Духовное в опосредованной форме влияет на все стороны культуры через трансформацию параметров социального пространства общества. Духовное может выступать главным системообразующим элементом социального пространства, так как влияет на сознание, деятельность людей и формирует их целеполагание через признание реальности и физических тел и духовных категорий. Духовное может существовать путем самовыражения в культуре. Кризис духовности в современном мире обуславливает глобальный кризис культуры. Противостоять духовному кризису возможно с помощью фрактальных механизмов духовного порядка, которые в определенных условиях могут быть активизированы.

There is a strong relationship and spiritual culture. Spiritual culture through objectified in society and to become a factor of human activity. Spiritual is the source and meaning of cultural life. Spiritual in mediated form affects all aspects of culture through the transformation parameters of the social space of society. Spiritual can act mainly backbone element of social space, so the effect on the mind, the activities of people and shapes their goal-setting through the recognition of the reality and the physical bodies and spiritual categories. Spiritual expression can exist by culture. The crisis of spirituality in the modern world leads to a global crisis of culture. Confront spiritual crisis is possible with the help of a spiritual order fractal mechanisms, which in certain circumstances can be activated.

Ключевые слова: духовное, духовные истоки, культура, фрактальные механизмы духовного порядка.

Keywords: spiritual, religious origins, culture, fractal mechanisms spiritual order.

Перед началом раскрытия темы необходимо выяснить три важных теоретико-методологических и мировоззренческих вопроса. Первый должен уточнить, что такое «духовные истоки» и в чем заключается их специфика. Второй состоит в том, чтобы уяснить содержание понятия «мировая культура», а третий должен объяснить, каким образом «духовное» может выступать важным фактором мировой культуры. При этом мы будем исходить из предположения, что «духовное» – это «нечто, не имеющее никакой связи со временем, пространством, материей и представляющее собой силу, не облечённую в тело» [1].

Начнем с ответа на первый вопрос. В какой-то момент исторического развития в Древней Индии начинается массовое бегство людей от мира и их переход в разряд «муни» (пустынников) или «саньсин» (святых). Это было следствием величайшего перелома в мировой истории и культуре. Можно предположить, что за весь период времени существования человечества это была самая великая и необычная революция. Если до этого люди искали и находили божественное в природе, то теперь древние мыслители открыли его внутри себя, внутри своего духа [2]. Если ранее такие явления духовного имели место в отдельных локальных цивилизациях и культурах (вспомним имена фараона Эхнатона в Древнем Египте или иранского пророка Зороастра), то теперь они стали, скорее, нормой. Это открытие позволило уже многим людям понять, что рядом с нашим материальным бытием есть иной мир уже не вещей, а особых нематериальных ценностей, мир бессмертных, вечных и неразрушимых явлений. При этом данный вид реальности не был доступен человеку с помощью чувственных образов, а постигался только с помощью интуиции (откровения) или логики обычного здравого смысла.

Оказалось, что этот открытый мир невидимого, но влияющего на нашу физическую реальность, существует внутри самого человека, и ему необходимо выстроить отношение к нему. Но проблема состояла в том, что дух, который утверждает себя и попирает материю, так же беспомощен, как и материя, попирающая дух. Нужен какой-то иной, средний путь между материальной и духовной сторонами жизни человека, и поиск этого пути стал с тех пор одной из главных задач мыслителей всего мира.

Второе. Общеизвестно, что в научной и популярной литературе существует более 200 определений культуры. Культура – это самое сложное и емкое явление антропосоциогенеза, представляет собой рыхлую (диссипативную), быстро трансформируемую систему (в которой постоянно происходит обмен материальными, идеальными и духовно-энергетическими потоками), не имеющую четких очертаний, и поэтому практически невозможно дать одно-единственное определение этому феномену.

При описании феномена культуры, необходимо избежать двух крайностей – как приземленно биологизаторских, так и максимально широких и «размытых». Так, например, можно встретиться с определением, что «культура имеет универсальный характер биологического детерминизма и представляет собой совокупность искусственно созданных средств регуляции и удовлетворения потребностей» [3]. Другие ученые полагают, что культура представляет собой «интегрирующую сферу в целостном бытии человека» [4]. Мы полагаем, что при определении «культуры» необходимо исходить не из «всей действительности человеческого бытия», а только из ее «позитивной» части, соответствующей главному качеству культуры, т. е. «возделыванию». При этом можно предположить, что действительный смысл культурно-исторического процесса состоит в том, что духовное через культуру объективируется в социуме и становится фактором человеческой деятельности. Культура, на наш взгляд, это не просто механическая совокупность всех ныне существующих или существовавших локальных культур, часто не связанных между собой. Мы полагаем, что в онтологическом аспекте «культура» – это сложная рыхлая (диссипативная) система, появившаяся в ходе пассионарного первотолчка, с множеством взаимосвязанных материальных, идеальных и духовных компонентов и процессов. В гносеологическом аспек-

те «культуру» можно воспринимать как некий целостный образ (гештальт), в котором даже отсутствие ряда важных структурных элементов не сможет изменить его качественную специфичность. В социокультурном аспекте «культура» будет выступать как целостное образование, которое в процессе ритмической пульсации будет проявлять себя вовне, формируя в определенные исторические эпохи новые организационные формы своего существования, новые архетипы коллективного бессознательного, ускоряя тем самым динамику общественного развития. А в аксиологическом аспекте «культура» – это способ и формы самореализации духовных ценностей в социуме, так как даже в производстве материальных вещей присутствуют в скрытом виде духовно-нравственные составляющие.

Третье. Мы полагаем, что духовное влияет на все стороны культуры (как материальные, так и идеальные) не в прямой, а в опосредованной форме путем трансформации параметров социального пространства общества (то есть путем их сужения или, наоборот, расширения). Но каким образом взаимосвязаны «духовное» и «социальное пространство»? И что является главным структурным компонентом «социального пространства»? По данному вопросу имеется ряд интересных точек зрения. Так, например, со времени Античности (Геродот) происходит отождествление социального пространства с географической средой проживания того или иного народа. При этом сами древние греки были уверены в том, что природная среда и климат поспособствовали становлению их демократии и искусств. Известный социолог XX в. П. Сорокин считал, что структурным элементом социального пространства являются человек и все народонаселение земли. Основоположник «феноменологической социологии» А. Шюц полагал, что социальное пространство формируется системой межсубъектных отношений, строящейся на принятии общих смыслов, и не тождественно понятию «физическое пространство».

Современный немецкий исследователь Б. Верлен, в свою очередь, предположил, что понятие социального пространства можно только через уяснение связей между материальными воплощениями человеческих замыслов [5]. Мы полагаем, что при таком подходе за порогом исследования останутся все идеальные и духовно-нравственные феномены, что нельзя объяснить социальное пространство исходя из самой этой реальности и что для решения этой проблемы необходимо ввести более фундаментальное понятие «духовность». Мы предполагаем, что духовное (будучи атрибутом внефизического Бытия в форме таких категорий, как «прекрасное», «доброе», «счастливое» и т. д.) может выступать главным системообразующим элементом социального пространства, поскольку влияет на сознание, деятельность людей и формирует их целеполагание через признание реальности не только физических тел, но и духовных категорий.

Перед человечеством с момента его возникновения стали возможными два основных сценария его развития. Первый путь состоял в приоритетном развитии психофизиологических способностей самого человека в целях удовлетворения его основных потребностей и интересов, в гармонизации отношений с природным миром и возникающим социумом. Надо отметить, что попытки пойти по этому, первому пути делались в обществе с древнейших времен.

С появлением первых цивилизованных сообществ, проблематику духовного самосовершенствования с различных сторон стали разрабатывать пифагореизм, даосы, йоги, ламаисты, каббалисты, восточно-христианские монахи и т. д. Все они понимали важность совершенствования личной этики. Но требуемый ими всеми во имя праведности отказ от многих человеческих потребностей, аскетизм, строгая самодисциплина, социальная изоляция и др. помешали распространению этих практик среди широкой общественности. В период Средневековья (включая Западную и Восточную Европу, исламский мир и Византию) общество еще не сделало окончательного выбора между первым путем развития и другим, т. е. научно-техническим. Анализ многих культур этого периода времени ясно показывает: задача осуществления нравственно-духовного совершенствования человечества стала уделом лишь некоторых эзотерических и мистических культов, а не всего общества в целом. Поэтому в этот период времени начинают преобладать взгляды о необходимости идти по иному пути, чем ранее. На наш взгляд, окончательный выбор был сделан примерно в XV в., когда были изобретены порох, книгопечатание и компас (приведший к открытию Америк и Индии), что вызвало огромные структурные экономические и культурные сдвиги в обществе и изменило мировоззрение и психологию масс и отдельного человека. А уже в XVII в. с развитием капиталистических отношений становится предельно ясно, что потенциал первого пути уже не может быть реализован и что сделана окончательная ставка на второй путь.

Второй, т. е. научно-технический, путь развития ознаменовал окончательный разрыв между духовными и интеллектуальными представлениями. Во-первых, научная деятельность начинает происходить вне духовной составляющей (категория «духовного» становится сферой философии, теологии и искусства). Во-вторых, само понятие «духовного» изгоняется как ненаучное из

поля научного анализа и всячески заменяется термином «сознание», «интеллектуальное» и т. д. В-третьих, в практике научно-исследовательской деятельности происходит разрыв с практической этикой самого ученого; такие понятия, как «честность», «добродетель» или «порядочность», уже не имеют никакого отношения к степени плодотворности его занятий. В-четвертых, если в эпоху Античности и Средневековья предметом научного анализа становились высшие уровни Бытия (т. е. Эмпиреи), то теперь все внимание исследователей сосредоточивается на изучении низших уровней Бытия (т. е. материи). В-пятых, метод научного познания (т. е. индукция) уже не требует глубокого философского знания о структуре и видах мироздания и сужается до чистой эмпирики и обобщения только добытых отдельных научных фактов (часто произвольно вырванных из контекста Природы). В-шестых, наука в принципе часто становится уделом не самых одаренных, лучших и способных (как это было раньше), а тех, кто часто обладает только элементарными знаниями, упорством и прилежанием [6]. В итоге полученное знание сужается до анализа фрагментов только физической реальности и приобретает не творческий, а машинный (групповой) характер. При этом стремительный рост научного знания при капитализме (где оно окончательно становится товаром, а одной из главных его целей является получение прибыли, а не «истины») в течение XVIII–XX вв. показывает порочность и бесперспективность этого второго пути развития общества.

Сегодня многим стало очевидно, что наука и техника идут неуклонно вперед, а «история духа обнаруживает явления регресса». Можно согласиться с теми исследователями (В. Г. Горохов), которые считают, что научно-технический прогресс (НТП), будучи в свое время прогрессивным явлением, был концептуально реализован в XIX–XX вв., но именно к началу XXI в. эта программа, можно сказать, окончательно исчерпала себя [7]. Великий гуманист современности А. Швейцер так описывает эту ситуацию: «Страшная правда, заключающаяся в том, что по мере исторического развития общества и прогресса его экономической жизни, возможности процветания культуры не расширяются, а сужаются, осталась неосознанной» [8]. Известный русский философ Н. А. Бердяев в работе «Человек и машина» подчеркнул основной парадокс нашей цивилизации. Он пишет, что без техники бытие культуры становится невозможным, но вступление культуры в техническую эпоху обязательно приведет ее к гибели, поскольку человек сам становится орудием производства, а продукт производства (то есть вещь) становится над человеком [9].

Современный НТП, казалось бы, воздвиг высокие стены, навек отделившие мир людей от той духовной реальности, которая лежит за пределами нашего познания. Но человечество все равно имеет неосознанное тяготение к тому, что современная наука всячески отрицает, то есть к Смыслу жизни, Добру, Гармонии, Красоте, поиску разумного начала мира. Английский философ истории Кристофер Даусон утверждает в книге «Прогресс и религия», что не расовые, языковые или географические факторы отличают разные этносы друг от друга. При этом он добавляет, что обычно в основе каждой цивилизации находятся два духовных фактора: 1) особая культурная среда народа и его менталитет; 2) наличие собственного пророка или родомысла, озаренного внезапным откровением свыше, придающего особый духовный колорит [10]. Сама духовная жизнь, наоборот, оказывает решающее влияние на экономику. Вся область науки, техники, политики, экономики относится к области «идеальных» феноменов и подчиняется действию социальных законов. При этом значительная часть философско-религиозных, эстетических и моральных категорий, связанных с восприятием и переживанием запредельного (т. е. нефизического) бытия, относится именно к разряду «духовных ценностей» и оценивается совсем по иным критериям [11]. Поэтому нематериально процветающие страны Северной Америки и Европы, а часто бедные страны Востока (Индия, Тибет, Непал) являют собой феномен подлинной многовековой духовности. Часто делается упор на социально-экономическую отсталость этих стран (бедность, малограмотность, примитивность быта) и сознательно игнорируется другая сторона жизнедеятельности этих стран и народов: великая философия и литература, многочисленные духовные практики, одухотворенность простых людей. Все это позволяет сделать два важных вывода: 1) смысл повсеместной подмены понятия «духовного» понятием «интеллектуальное», т. е. рациональное, состоит в попытке переориентировать человеческую психику из области высших ценностей в область утилитарных ценностей; 2) это стремление и его действительное поэтапное осуществление начиная со второй половины XX в., в гигантских масштабах по всему миру, являет собой одну из важных сторон современного этапа культурно-исторического процесса, направленного на то, чтобы общество незаметно для себя трансформировалось и не заметило, как у него вместо истинных ценностей появились другие.

Поэтому, чтобы противостоять данной тенденции, необходимо максимально использовать весь имеющийся потенциал для духовного роста, скрытый «фрактально» в самой социальной

структуре и системе общественных отношений (например, в технологиях организации социума и принятой гендерной политике).

Так, например, сегодня в мире имеются два основных типа социальных технологий организации социума, то есть общества «инновационного» и «традиционного» вида. Первый тип социальной организации общества появился в эпоху Древнего Рима и окончательно сформировался в XVII в. и характерен для всех европейских и с североамериканских сообществ. Второй тип общественного обустройства, т. е. «традиционный», возник еще во времена древних цивилизаций и характерен для всех восточных стран (включая и Россию).

Цель первого состоит в выживании общества за счет развития науки и техники, применения новых технологий и достижения за счет них конкурентных преимуществ по сравнению с другими странами. Цель второго – использовать все имеющиеся средства для сохранения своих традиционных связей и отношений, которые необходимы для сохранения своей самобытности.

В эпоху современной глобализации сообщества «традиционного типа» все более проигрывают в конкурентной борьбе с европейскими странами. Однако в этих социумах духовный потенциал сохранился в большей степени, нежели в сообществах «инновационного» типа, и этот скрытый потенциал в определенных условиях можно будет реализовывать в интересах всего человечества и самих этих стран. Этого, на наш взгляд, можно добиться, предложив новые критерии общественного процесса, изменив общественное мнение в пользу преимуществ иного пути развития человечества, а также разработав новые формы организации социумов.

Духовный потенциал общества можно также повысить путем изменения сложившейся системы гендерных приоритетов в культурном развитии. Анализ показывает, что сегодня в эпоху НТП в общественном сознании преобладают качества, более относящиеся к мужскому началу, – дерзость, гордыня, отвага, воинственность, стремление к жертвам во имя поставленных целей. И наоборот, многие человеческие качества (такие, как наличие сердечной теплоты, внутреннего изящества, мягкости, нежности и способности к самопожертвованию во имя близких людей) относятся, в большей степени, к женщинам. Исторически сложилось так, что мужчины в большей степени были связаны с развитием науки и техники, а женщины – с духовно-нравственным прогрессом через призму семейно-бытовых отношений, воспитания детей в духе традиционных ценностей, помощь больным и т. д. В первоначальный, архаический период времени женщина играла главенствующую роль в обществе. Впоследствии мужское начало поработило женское, а весь потенциал женской природы не мог быть раскрыт должным образом. Сегодня важно сделать так, чтобы максимально проявились подлинная глубина и оригинальность женской гениальности (отличной от мужской), столь необходимой современному общественному развитию. И реализация этого сделает возможным духовное просветление всего человечества [12].

На основании вышеизложенного можно сделать ряд теоретических выводов: 1) «духовное» и «культура» тесно связаны между собой; источником и смыслом бытия культуры является «духовное», а само «духовное» существует только путем самовыражения в культуре; 2) механизм воздействия «духовного» на «культуру» состоит в следующем: субъективно-индивидуальное осознание духовного ведет к изменению целостных ориентиров мировоззрения, расширению топологии социального пространства и, в конечном итоге, к увеличению числа духовных феноменов социальной реальности; 3) кризис духовности в современном мире обуславливает глобальный кризис культуры; 4) внутри некоторых социальных ячеек и общественных отношений имеются скрытые (фрактальные) механизмы духовного порядка, которые в определенных условиях могут быть активизированы; 5) для того, чтобы правильно активизировать «скрытый» духовный потенциал, необходимо провести тщательный философско-культурологический анализ таких понятий, как «дух», «духовное», «духовная культура» и т. д.

Примечания

1. Лайман Михаэль. Суть науки каббала. Т. 1. М. : ООО Изд. дом «София», 2006. С. 176.
2. Мень А. Мировая духовная культура, христианство, церковь : (лекции и беседы). М. : Фонд имени Александра Меня, 1997. 671 с.
3. Малиновский Б. Научная теория культуры. М. : ОГЛ, 1999. С. 47.
4. Амиров Р. Г. Кризис в бытии человека и культуре // Вестник КазГУКИ. 2015. № 2. Ч. I. С. 14.
5. Аникин Д. А. Топология социального пространства: от географии к социальной философии // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 5–9.
6. Андреев Д. Л. Роза мира. М. : Тов-во «Клышников – Комаров и К^о», 1993. 303 с.
7. Горохов В. Г. Концепции современного естествознания: учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2003. 412 с.
8. Швейцер А. Культура и этика. М. : Прогресс, 1973. С. 51.
9. Бердяев Н. А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики, техники) // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147–159.

10. Мень А. Магизм и единобожие. М. : Изд-во Эксмо, 2005. 704 с.
11. Андреев Д. Л. Указ. соч.
12. Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. 701 с.

Notes

1. Michael Lyman. *Sut' nauki kabbala* [The essence of the Kabbalah]. Vol.1. M. LLC Publishing House "Sofia". 2006. P. 176.
2. Men' A. *Mirovaya duhovnaya kul'tura, hristianstvo, cerkov' : (lekcii i besedy)* [World Spiritual Culture, Christianity, Church (lectures and discussions)]. M. Foundation of Alexander I. 1997. 671 p.
3. Malinowski B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [The scientific theory of culture]. M. Ogle. 1999. P. 47.
4. Amirov R. G. *Krizis v bytii cheloveka i kul'ture* [The crisis in human existence and culture] // *Vestnik KazGUKI* – Herald of KazSUCA. 2015, № 2, pt.I, p. 14.
5. Anikin D. A. *Topologiya social'nogo prostranstva: ot geografii k social'noj filosofii* [The topology of the social space, from geography to social philosophy] // *Izvestiya Sarat. un-ta. Novaya seriya. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* – News of Saratov Univ. New ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2014, vol.14, issue 1, p. 5-9.
6. Andreev D. L. *Roza mira* [Rose of peace] M. Comrade "Klyshnikov – Komarov and Co". 1993. 303 p.
7. Gorokhov V. G. *Koncepcii sovremennogo estestvoznaniya: ucheb. posobie* [Concepts of modern science: tutorial]. M. INFRA-M. 2003. 412 p.
8. A. Schweitzer *Kul'tura i ehtika* [Culture and Ethics]. M. Progress. 1973. P. 51.
9. Berdyaev N. A. *Chelovek i mashina (problema sociologii i metafiziki, tekhniki)* [Man and machine (the problem of sociology and metaphysics, technology)] // *Voprosy filosofii* – Questions of Philosophy. 1989, №2, pp. 147-159.
10. A. Men' *Magizm i edinobozhie* [Magism and Monotheism]. M. Eksmo Publishing House. 2005. 704 p.
11. Andreev D. L. Op. cit.
12. Berdyaev N. A. *Opyt paradoksal'noj ehtiki* [Experience of paradoxical ethics] M. LLL "Publishment AST". 2003. 701 p.

УДК 94(470)"1941/1942"

О. В. Рычкова

«Кремлёвское единство»: американские периодические издания о патриотической политике СССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам 1941–1942 гг.)*

В статье исследуются материалы американской прессы, посвящённые советскому государству; изучается восприятие американцами патриотической политики в СССР в условиях Второй мировой войны. Показаны задачи и методы советского правительства, связанные с идейной мобилизацией страны в начальный период Великой Отечественной войны; анализируются содержательные аспекты новой идеологической политики Москвы. Особое внимание уделено различиям в оценках, трактовках и восприятию американскими публицистами патриотического курса в Советском Союзе.

В работе использованы материалы ведущих американских новостных, академических и деловых изданий («**American Mercury**», «**Nation**», «**Fortune**», «**New Republic**», «**Current History**», «**Business Week**», «**Time**», «**Reader's Digest**», «**New Masses**», «**Communist**», «**Russian Review**», «**Foreign Affairs**», «**American Quarterly of the Soviet Union**»).

The article studies the materials of the American press devoted to the Soviet state, investigates American perception of the patriotic politics in the USSR in the conditions of World War II. Shows the tasks and methods of the Soviet government, associated with the ideological mobilization of the country in the initial period of the great Patriotic war, substantive aspects of the new ideological policy of Moscow are analyzes. Particular attention is paid differences in the evaluations and interpretations of the perception of American publicists Patriotic course in the Soviet Union.

We used materials from leading American news, academic and business publications («**American Mercury**», «**Nation**», «**Fortune**», «**New Republic**», «**Current History**», «**Business Week**», «**Time**», «**Reader's Digest**», «**New Masses**», «**Communist**», «**Russian Review**», «**Foreign Affairs**», «**American Quarterly of the Soviet Union**»).

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, американская пресса, патриотизм, общественное мнение, СССР, международные отношения.

Keywords: World War II, the Great Patriotic war, American press, Patriotic feeling, public opinion, USSR, international relations.

Начало Великой Отечественной войны значительным образом изменило жизнь Советского государства. Летом 1941 г., наряду с задачами организации отпора агрессии, военной мобилизации и перевода экономики на военные рельсы, исключительную актуальность приобрел вопрос: как объединить население страны, в которой социально-классовые, исторически обусловленные разногласия пока не были полностью преодолены? Запад, затаив дыхание, ждал, в каком направлении будет развиваться политика Кремля и насколько она будет результативной. Не исключалась возможность того, что вторжение вызовет в СССР реакцию распада, возбудив латентно сохранявшиеся после Гражданской войны классовые и национальные конфликты. В средствах массовой информации нередко высказывались сомнения в том, что Сталин сможет предпринять эффективные действия по сплочению населения страны и обеспечению целостности государства.

В первые недели войны внимание американских СМИ в первую очередь было приковано к положению дел на советско-германском фронте. Красная армия несла огромные потери, и имен-

но эта тема доминировала на страницах периодических изданий [1]. Стремительное продвижение войск Германии и её союзников в глубь страны на первых порах создавало впечатление, что Гитлеру удастся совершить блицкриг на Восточном фронте. На фоне угрозы скорого военного разгрома советских войск проблемы возможности сохранения единства народов России и способности советских людей проявлять чувство патриотизма в момент смертельной опасности в июне – августе 1941 г. многим американцам, очевидно, не казались существенными. Однако уже к началу осени стало очевидно, что нацистское вторжение развивается не по запланированному сценарию. К этому времени относится появление первых публикаций, в которых предпринимались попытки высказаться на тему внутренней уязвимости советского общества, поставить под сомнение его монолитность, а заодно и способность действующей власти управлять страной.

Одной из первых проблему сохранения внутреннего единства советского народа и его готовности подчиниться лидерству коммунистической партии затронула Фреда Атли, в 1939 г. переехавшая из Великобритании в США и с тех пор регулярно публиковавшаяся в американских периодических изданиях. Не понаслышке знакомая с советской действительностью [2], Атли утверждала, что два основных класса в Советском Союзе – рабочие и крестьяне – испытывают ненависть к власти, тирану Сталину, «коммунистическим надсмотрщикам», которые отобрали у людей землю, скот, права и свободы и абсолютно предали «надежды и чаяния 1917 г.» [3] Данная статья актуализировала серьёзнейшую внутреннюю проблему Советского Союза. И впоследствии многие американские издания, федеральные и региональные, новостные и аналитические, в большей или меньшей степени касались политики и идеологической работы Кремля, направленной на цементирование советского общества в единый, сплочённый фронт. Повышенный интерес американских изданий к этой теме начиная с осени 1941 г. вполне объясним: от исхода схватки на Восточном фронте начинал зависеть итог всей войны, а правильно выбранный советским руководством внутренний курс мог стать стержнем государственной целостности, от прочности которого зависели все остальные слагаемые победы. Отсюда такое пристальное внимание американцев к каждой акции Кремля, склонность к почти дословному анализу всех публичных выступлений Сталина и других советских руководителей.

Чрезвычайно широкий резонанс в американской прессе получил лозунг Сталина «Ни пяди земли врагу!». Речь вождя по радио 3 июля 1941 г. [4] и приказ Ставки от 17 ноября имели следствием применение на всей оставляемой Красной армией территории тактики «выжженной земли». Этот призыв Сталина был назван «безжалостно героической политикой» [5] и даже «национальным самоубийством» [6].

Эффективность пропагандистских акций Кремля отметили практически все американские СМИ. Но что особенно удивило американцев, так это глубина восприятия народом призыва Сталина к единению. Казалось, американцы не ожидали, что выступления вождя приведут к таким грандиозным результатам. М. Лернер отмечал: «Опалённая земля – это единственное, что остаётся после отступления русских» [7]. Американцев особенно поражало то, что, отступая, русские не только создают максимально возможные препятствия для дальнейшего продвижения немцев, но и делают это даже ценой ликвидации своих выдающихся трудовых достижений – в этом отношении наиболее резонансным стал взрыв днепропетровской плотины [8]. Масштабное советское сопротивление привело «к разрушению всей собственности, годной к употреблению в оставленных русскими районах страны, к эвакуации лошадей, тракторов, и сельскохозяйственных машин, которые немцы надеялись использовать. Отступающие русские делают свою работу так эффективно, что после них нет ни хлеба, ни соли...» [9]. Такие факты «невероятно эффективного и героического сопротивления» [10] Советской армии, успехи мобилизации и масштабная перестройка работы тыла заставляли и корреспондентов и читателей их материалов по-иному взглянуть на Большую Русскую Войну.

Ещё больший эффект возымели ноябрьские выступления советского лидера, которые были частично процитированы или дословно опубликованы во многих американских газетах и журналах. Если июльская речь Сталина делала акцент на врага, то в ноябре советский лидер существенное внимание уделил героическим страницам и именам отечественной истории: «У этих людей, лишённых совести и чести, людей с моралью животных, хватает наглости, чтобы призывать к разрушению великой русской нации – страны Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!» [11]

На параде 7 ноября глава Советского государства не только закрепил линию, направленную на реинкарнацию исторических ценностей, но и снабдил этот процесс объединяющим нацию лозунгом: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Алек-

сандра Суворова, Михаила Кутузова!» [12] Своевременность и политическую действенность такого приема трудно переоценить: «Таким образом война приобрела историко-патриотический контекст, был подчеркнут её отечественный характер» [13].

Анализируя эти выступления, «Time» выбрал очень точное название для редакционной статьи в ноябрьском номере 1941 г.: «Психологический фронт». По мнению авторов этой публикации, абсолютно верно осознав, что война – это не только фронт и экономика, Сталин повёл планомерную и хорошо продуманную психологическую работу, направленную на достижение двух целей: 1) укрепление решимости советских граждан бороться до конца; 2) духовное объединение страны. Выбранные вождём методы редакция «Time» оценила очень высоко: «С помощью точно выбранных аналогий (с героями российской истории) Иосиф Сталин достиг самого сердца своей страны. Действительно, знакомые всем имена вызывают понимание, а великие подвиги пробуждают чувство сопричастности к тем грандиозным событиям, что происходят сейчас» [14].

Новая система советских идеологических координат – «быть достойным своих предков» [15] – имела в практической плоскости самое разнообразное воплощение, и на это обстоятельство американские средства массовой информации обращали пристальное внимание [16].

В первую очередь, по мнению редакторов и авторов многих изданий, на основе этой кремлёвской политики складывалась новая система ценностей нации. Индивидуальная инициатива и героизм были восстановлены как добродетели после целого поколения пренебрежения; великие герои российской истории (Суворов, Кутузов, Ушаков и т. д.) теперь выступали в качестве эталонов для подражания советской молодежи, военные академии и школы пополнили свои учебные программы изучением важнейших сражений (Измаил, Бородино, Перекоп и др.); многие учебные заведения украсили свои стены изображениями известных в прошлом российских (царских) военных деятелей [17].

Заявленные Сталиным патриотические ценности транслировались не только через систему образования. Учреждения культуры также были охвачены волной патриотизма. «Исторические фильмы, спектакли, оперы и кантаты дали новую жизнь героическому прошлому России. Советские драматурги возвращались к ранним периодам русской истории – ста, двухсот и даже семисотлетней давности. Великие национальные герои старой России – Александр Невский, Минин и Пожарский, Иван Сусанин, Петр Великий, Суворов, Кутузов – все были возвращены к жизни на сценах и экранах новой России» [18].

Безусловно, американцы понимали, что здесь вряд ли можно говорить об общей ревизии базовой идеологии советского руководства. Заокеанского союзника интересовало другое: насколько этот кремлёвский патриотизм бы искренен? Действительно ли война задела в советском руководстве что-то непритворное, исконное? Или же это был патриотизм, основанный на жёстком функционализме? Рассуждения по этому поводу привели к постановке в американской прессе вопроса об инструментах реализации нового идеологического курса Кремля. Важнейшим среди них, по мнению американских авторов, стала системная идеологическая работа с военнослужащими, в организации которой огромная роль принадлежала политической работе в боевых частях, тщательному подбору политкомиссаров, регулярным политбеседам, армейской прессе.

Например, «American Quarterly of Soviet Union» очень высоко оценивал роль средств массовой информации в Советской армии. Ежедневно солдаты и офицеры Красной армии получали более двух миллионов копий ежедневных газет, каждое подразделение имело свою собственную печатную газету или стенгазету, издавались листовки, важные материалы размещались на информационных досках или досках почета. На этом основании делался вывод: «Полезность такого инструмента, как политическое просвещение, очевидна» [19].

Ещё более показательным было расширение функций комиссаров в армии. Комиссар в годы войны – «это и педагог, и практикующий психолог, и сторожевой пёс, и ученый, но главное – всегда патриот **с особым военно-политическим образованием и серьёзным стажем партийной работы**» [20]. Он был «моральным лидером своей части, первым защитником армейских материальных и духовных интересов»; «вдохновлял бойцов на борьбу», призывал солдат и командиров к «беспощадному отношению к трусам, паникёрам и дезертирам» [21]. Результат не заставил себя долго ждать: «Сотни тысяч молодых людей в Советской армии... – это не угнетённая, запуганная и невежественная молодёжь, как раньше; это мужественные молодые люди, осознающие своё человеческое достоинство, люди с высокими, разнообразными духовными требованиями» [22].

Вместе с тем нередко высказывались соображения иного рода: «Появление малоизвестной и малопонятной за рубежом должности комиссара было встречено с тревогой даже теми американскими комментаторами, которые выражали безграничное восхищение высоким моральным духом, продемонстрированным Красной армией в её борьбе против гитлеровского вермахта»

[23]. Конечно, вряд ли должность комиссара была малоизвестна за рубежом; но в том, что касалось конкретных функций этой фигуры в иерархии военных званий, то здесь у американцев не было ясности. Поэтому проблема, обозначенная автором-анонимом, формулировалась в терминах подозрительности: сегодня комиссары пропагандируют национальные, исторические ценности, но не вернутся ли коммунисты в погонах к идее мировой революции после войны?

Идеология – это квинтэссенция основополагающих ценностей, которые и раньше, и в годы Второй мировой войны каждой стороной понимались по-своему. И именно идеология закладывала содержательные рамки противоречий в довоенные годы. Поэтому американцев по меньшей мере настораживал сам факт присутствия в армии комиссаров, вследствие чего использование ими в своей пропагандистской работе портретного ряда российских героев было не до конца понятным, а потому воспринималось как потенциальная опасность.

Упомянутая выше Атли высказала мнение на этот счет следующим образом: «...их (комиссаров. – *О. Р.*) появление... стало зловещей новостью. Этот знак равнозначен официальному признанию ряда обстоятельств: 1. Сталин ведёт войну на два фронта. 2. Угроза внутривластной нестабильности в СССР стоит не менее остро, чем опасность военного поражения» [24].

Именно эта двойная угроза, по мнению журналистки, а также известная всем коммунистическая агрессивность, которая умеет приспосабливаться к любым обстоятельствам, вынудила Сталина преднамеренно «уклониться от официальных коммунистических лозунгов, сделав ставку на старомодный русский патриотизм» [25].

Безусловно, помимо субъективного фактора, эта авторская позиция строилась на культивировании страха перед советской идеологией довоенного времени. Патриотические призывы лидеров советского государства дали слишком мощный эффект, а Российское (тем более Советское) государство, по мнению Атли, всегда питало слабость к экспансионистским искушениям.

Критика американцев звучала не только по поводу деятельности комиссаров. Авторитетный американский журналист Л. Фишер так прокомментировал патриотическую агитацию Москвы: «Царское прошлое России, которое ненавидели все сознательные советские граждане, было возрождено и отреставрировано. Царь Иван, известный как “Грозный” даже во время монархии, стал Иваном Четвертым, Петр Великий, жестокий крепостник, – ещё один новый советский герой. Если ранее у Советского Союза связи с прошлым носили революционно-ориентированный характер – Герцен, Белинский, декабристы и другие революционеры, – то теперь символами исторических связей стали цари, князья, генералы, средневековые воины. И если исторический национализм Америки – это Вашингтон, который боролся за независимость колоний, это Джефферсон, который проповедовал демократию, это Линкольн, освободитель, то российский исторический национализм Сталина приветствует диктаторов и угнетателей» [26].

Позиция этого признанного за океаном специалиста по СССР, лично знакомого и с советской действительностью, и с вождями государства, акцентировала два существенных положения, хотя и не сводилась к ним:

1. Неуёмность советской системы, которая не знает или не признаёт никаких границ. Казалось бы, сама война даёт Сталину возможность «примирить» два режима – дореволюционный и коммунистический. Но неистовый дух советской системы опять впал в крайности, и на поверхность оказались поднятыми не только действительно героические фрагменты российской истории, но и иные, куда более мрачные.

2. Какая бы идейная оболочка ни использовалась советским режимом в соответствии с задачами текущей повестки дня, в конечном итоге всё сводится к воспеванию диктаторов, тиранов, деспотов, угнетателей.

Бывший Министр-председатель Временного правительства России, один из постоянных авторов респектабельного «American Mercury» А. Ф. Керенский, вторя Фишеру, также критически оценил новую советскую идейно-политическую ориентацию. «Зачем нужно было армию коммунистической России наполнять национальной и патриотической идеологией? Ответ кажется мне совершенно ясным: русский народ, молчавший все эти годы, но мыслящий и остро чувствующий, не пошел бы проливать кровь – а если и пошёл, то угрюмо и вяло – под знаменем чуждого им как русским кремлёвского правителя. Поэтому Сталин (грузин, а не русский) официально объявил новую, национально-патриотическую политику, которая переросла в творческий процесс по всей стране, активно стремясь к истокам именно русской культуры и истории. Когда молчание народа вынудило Кремль вернуть матушку-Россию, эта победа национального сознания над большевизмом была провозглашена как очередной акт мудрости Сталина» [27].

Позиция Керенского понятна: при том, что он с сарказмом пишет о том, что данный курс «провозглашен как очередной акт мудрости Сталина», он, тем не менее, вынужден признать, что эта политика оказалась результативной.

Один из самых желчных антисталинистов в США М. Истмэн тоже считал, что искренности в кремлёвском патриотическом призыве нет ни на грош. С присущей ему образностью журналист определил новую советскую национальную идею как «макиавеллизм Сталина и его апостолов», стремящийся к своей неизменной цели – «уничтожению западной демократии» [28].

Большинство американских политических обозревателей и журналистов в основном соглашались с Керенским в оценке результативности курса советского правительства: беспримерная сплочённость и самоотверженность советских граждан стали притчей во языцех уже к началу первой зимней кампании Красной армии. Даже У. Чемберлен, который весьма критично воспринимал и советскую государственную систему, и внешнюю политику Москвы [29], признал достигнутое единство советского народа в борьбе с немцами выдающимся достижением. Отдав должное Кремлю, он заметил, что важную роль в таком единении сыграло возрождение русского национального чувства, вызванного немецким вторжением и намеренно усиленное официальной пропагандой, работавшей в русле возрождения исторических боевых традиций [30].

Особая сила духа, размах патриотизма казались американцам поразительными. Известный корреспондент С. Сулсбергер, описывая колонны советских солдат, утомленных непогодой и уставших, замёрзших, несущих на себе и винтовки, и боеприпасы, – обращает внимание на молодого лейтенанта. Этот молодой русский парень, невзирая на то что немцы находились буквально у Москвы, сказал с уверенностью, до глубины поразившей Сулсбергера: «Мы возьмем Берлин» [31].

Эту всепоглощающую солидарность советского народа далеко не все американцы, как оказалось, были готовы принять: «Многие были крайне удивлены высокой моралью и монолитностью советского режима» [32]. Размышление над вопросом о советском сопротивлении и духовном единении людей привело журналистов, а через них и значительную часть американского народа, к пересмотру своего отношения ко всему советскому строю. Мог ли быть так уж плох советский политический строй, если сейчас, в условиях кровавой войны «миллионы рабочих и крестьян умирают в защиту Советского Союза...» [33]? Отсюда и иные, не менее существенные вопросы: добился ли Сталин своей изначальной цели? Сумел ли он объединить страну? В большинстве публикаций давался утвердительный ответ. «Больше нет разделительной линии между понятиями “Советский Союз” и “Россия”. Даже старики приняли это как должное» [34]. Как отмечал «New Republic», грани были стёрты не только между историческим прошлым и настоящим; Кремлю удалось преодолеть разобщённость, социально-классовый раскол общества: «...рабочие, крестьяне и интеллигенция вместе борются и умирают... Сегодняшняя Россия демонстрирует нам то, что мы никогда до конца не понимали: несмотря на недостаток политической демократии... российские люди не потеряли истоки, питающие культурно-исторический патриотизм» [35].

Естественно, как отмечали американские издания, гражданский патриотизм и национальное единение всегда актуализируются в условиях освободительной войны; но советский случай стал уникальным, в том числе благодаря «высокой эффективности советской административной системы» [36]. Эта система, дополненная идеологическими установками патриотического формата, получила у подавляющего большинства американских массовых изданий высокую оценку.

Безусловно, война стала испытанием коммунистического режима на прочность во всех смыслах, в том числе и на прочность единства. По мнению авторов публикаций в большинстве американских СМИ, какими бы исходными целями ни определялся новый идейный курс Кремля, Сталин уже в первые месяцы войны сумел достичь подлинного единения советских людей и укрепления государства.

Отдельные критики советской системы в первую очередь видели в этом курсе собственное признание Кремля в наличии внутренней дисгармонии, явное доминирование функциональных целей, отмечая не естественное возрождение национального чувства, а «подгонку» советских идей и ценностей под условия военного времени.

Но эта аргументация не получила широкого распространения на страницах американских изданий. Сохранение единства народов СССР, населения и власти, армии и тыла, неистовая любовь к Родине, решимость бороться до полной победы стали главным двигателем солдат Красной армии в бою, всех работников тыла, обеспечивая не только Советскому Союзу, но и Соединённым Штатам свободу и мир. Осознание этих реальностей на несколько военных лет стало в США преобладающим и способствовало признанию той особой роли, которую Советский Союз сыграл во Второй мировой войне.

Примечания

1. См. подробнее: Юнгблуд В. Т., Рычкова О. В. Геополитическое измерение «Большой Советской войны»: американская пресса 1941 года // Вестник Ярославского гос. пед. ун-та. 2010. № 4. С. 58–64; Юнгблуд В. Т. Германский блицкриг в России 1941 г.: исторические аналогии и стереотипы американского вос-

- приятия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 19–25; Рычкова О. В. Американская пресса о борьбе СССР против фашистской Германии в 1941 г. // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 23–25.
2. Уинфред (Фреда) Атли (1898–1978) – английский публицист, член коммунистической партии Великобритании. Вышла замуж за советского гражданина (А. Бердичевский), переехала в Москву, где и разочаровалась в советской системе. После того, как в 1936 г. ее мужа арестовали, она вернулась в Великобританию. Свое отношение к реалиям коммунизма Атли поведала в знаменитой работе «Потерянная мечта» («The Dream We Lost»).
3. *Utley F.* The Limits of Russian Resistance // *American Mercury*. 1941. Vol. 53. September. № 213. P. 295.
4. *Сталин И. В.* Выступление по радио 3 июля 1941 г. // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 15. М., 1997. С. 56–61.
5. *Werth A.* Russia Behind the Lines // *Nation*. 1942. Vol. 154. 18 April № 16. P. 456.
6. The Paradox of Oil and War // *Fortune*. 1941. Vol. 24. № 3. September. P.108.
7. *Lerner M.* Homage to a Fighting People // *New Republic*. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 643.
8. *White W.* On the Battle Front // *Current History*. 1941. Vol. 1. October. № 2. P. 139–140.
9. Strain in Reich // *Business Week*. 1941. 06 September. № 630. P. 63.
10. *Lerner M.* Homage to a Fighting People // *New Republic*. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 643.
11. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 года // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 15. М., 1997. С. 79.
12. *Сталин И. В.* Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 15. М., 1997. С. 86.
13. *Тихонов В. В.* Историки, идеология, власть в России XX века. М., 2014. С. 103. В. В. Тихонов отмечает, что работа по пропаганде патриотических ценностей с опорой на примеры из исторического прошлого России была начата в СССР еще накануне германского вторжения. В частности, еще в апреле 1941 г. было создано Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в мае того же года Сталин опубликовал статью, в которой выступил против оценки России как «жандарма Европы». В 1941 г. также было создано Бюро научной пропаганды АН СССР.
14. Russia at War: Psychological Front: What to Die For // *Time*. 1941 Vol. 38. November 17. № 20. P. 33.
15. *Levin A.* A Grim Soviet Anniversary // *Current History*. 1942. Vol. 1. January. № 5. P. 453.
16. Большой резонанс в американской прессе получило «примирение» церкви и Советского государства в начале войны. См.: *Юнгблуд В. Т.* Православная церковь и власть в СССР в годы Второй мировой войны в оценках прессы США // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. Т. 1. № 1. С. 46–53.
17. *Black C. E.* War Changes in Russia // *Current History*. 1942. Vol. 2. June. № 10. P.283; *Hindus M.* Report on Russia // *Reader's Digest*. 1942. Vol. 41. November. № 247. P. 93; Europe: We Missed the Point // *Fortune*. 1941. Vol. 24. December. № 6. P. 95; *Dana H. W., Williams A. R., Fisher H.* Soviet Culture Goes To War // *New Masses*. 1942. Vol. 45. 10 November. № 6. P. 11–12; War: Psychological Front: What to Die For // *Time*. 1941. Vol. 38. November 17 № 20. P. 33; *Werth A.* Russia Behind the Lines // *Nation*. 1942. Vol. 154. 18 April. № 16. P. 456; *Amter I.* What We Can Learn From the Soviet People // *Communist*. 1942. Vol. 21. № 1. January. P. 71.
18. *Dana H. W. L.* Patriotic Plays in Soviet Russia // *Russian Review*. Vol. 1. 1941. November. № 1. P. 65.
19. *R. M. S.* Red Army “Morale Builders” // *American Quarterly of the Soviet Union*. 1941. Vol. 4. October – November. № 4. P. 19–20.
20. *Ibid.* P. 25.
21. *Stowe L.* The Evolution of the Red Army // *Foreign Affairs*. 1943. Vol. 22. October. № 2. P. 94–95, 97, 104.
22. *R. M.S.* Red Army “Morale Builders” // *American Quarterly of the Soviet Union*. 1941. Vol. 4. October – November. № 4. P. 16.
23. *Ibid.* P.11.
24. *Utley F.* The Limits of Russian Resistance // *American Mercury*. 1941. Vol. 53. September. № 213. P. 297.
25. *Ibidem.*
26. *Fischer L.* Russia and the Peace // *Nation*. 1943. Vol. 156. 12 June. № 24. P. 835.
27. *Kerensky A.* Russia Is Ripe for Freedom // *American Mercury*. 1943. Vol. 56. August. № 236. P. 161.
28. *Eastman M.* Stalin's American Power // *American Mercury*. 1941. Vol. 53. December. № 216. P. 670.
29. Уильям Генри Чемберлен (1897–1970) – известный американский журналист, историк, чьи взгляды претерпели значительную эволюцию: от просоветской ориентации до критического отношения к советской системе; автор таких работ, как «Коллективизм: ложная утопия» (1937), «Русская революция 1917–1921» (1935) и др.
30. *Chamberlin W. H.* The Soviet-German War: Results and Prospects // *Russian Review*. 1942. Vol. 1. April. № 2. P. 6.
31. Winter Brings Happy Birthday to the Reds and their Ruler // *News Week*. 1941. Vol. 18. 29 December. № 26. P. 19.
32. *Scott J.* Administrators at Work // *New Republic*. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 654.
33. *Yugov A.* The Result of the Five Years Plans // *New Republic*. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 653.
34. *Werth A.* Russia Behind the Lines // *Nation*. 1942. Vol. 154. 18 April. № 16. P. 455.
35. *Lerner M.* Homage to a Fighting People // *New Republic*. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 643.
36. *Scott J.* Administrators at Work // *New Republic*. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 654.

Notes

1. See more: Jungblut V. T., Rychkova O. V. *Geopoliticheskoe izmerenie «Bol'shoj Sovetskoj vojny»: amerikanskaya pressa 1941 goda* [Geopolitical dimension of the "Great Soviet war": American press of 1941] // *Vestnik Yaroslavl'skogo gos. ped. un-ta* – Herald of the Yaroslavl State Ped. Univ. 2010, No. 4, p. 58-64; Jungblut V.T. *Germanskiy blickrieg v Rossii 1941 g.: istoricheskie analogii i stereotipy amerikanskogo vospriyatiya* [German blitzkrieg in Russia, 1941: historical analogies and stereotypes, American perception] // *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena* – Proceedings of the Russia State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen. 2012, No. 133, pp. 19-25; Rychkova O. V. *Amerikanskaya pressa o bor'be SSSR protiv fashistskoj Germanii v 1941 g.* [American press about the struggle of the USSR against Nazi Germany in 1941] // *Prepodavanie istorii v shkole* – Teaching history at school. 2010, No. 3, pp. 23-25.
2. Winfred (Freda) Utley (1898-1978) was an English journalist, member of the Communist party of Great Britain. She married a Soviet citizen (A. Berdichevsky), moved to Moscow, where became disillusioned with the Soviet system. After in 1936 her husband was arrested, she returned to the UK. Her attitude to the realities of communism Utley told in the famous work "The Dream We Lost".
3. Utley F. The Limits of Russian Resistance // *American Mercury*. 1941. Vol. 53. September. № 213. P. 295.
4. Stalin I. V. *Vystuplenie po radio 3 iyulya 1941 g.* [Speech on the radio July 3, 1941] // Stalin I. V. *Sochineniya* [Works]. Vol. 15. M. 1997. Pp. 56-61.
5. Werth A. Russia Behind the Lines // *Nation*. 1942. Vol. 154. 18 April № 16. P. 456.
6. The Paradox of Oil and War // *Fortune*. 1941. Vol. 24. № 3. September. P.108.
7. Lerner M. Homage to a Fighting People // *New Republic*. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 643.
8. White W. On the Battle Front // *Current History*. 1941. Vol. 1. October. № 2. P. 139-140.
9. Strain in Reich // *Business Week*. 1941. 06 September. № 630. P. 63.
10. Lerner M. Homage to a Fighting People // *New Republic*. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 643.
11. *Doklad na torzhestvennom zasedanii Moskovskogo Soveta deputatov trudyashchihsya s partijnymi i obshchestvennymi organizatsiyami goroda Moskvy 6 noyabrya 1941 goda* – The report at the solemn meeting of the Moscow council of workers' deputies with party and public organizations of city of Moscow. 6 Nov 1941 // Stalin I. V. *Sochineniya* [Works]. Vol. 15. M. 1997. P. 79.
12. Stalin I.V. *Rech' na Krasnoj ploshchadi 7 noyabrya 1941 goda* [Speech on Red square 7 Nov 1941] // Stalin I. V. *Sochineniya* [Works]. Vol. 15. M. 1997. P. 86.
13. Tikhonov V. V. *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka* [Historians, ideology, and power in twentieth-century Russia]. M. 2014. P. 103. Vladimir Tikhonov notes that the work to promote Patriotic values, drawing on examples from the historical past of Russia was launched in the USSR on the eve of the German invasion. In particular, in April 1941 the Office of propaganda and agitation of the Central Committee of the CPSU(b) was established, in May of that year, Stalin published an article in which he opposed the assessment of Russia as a "gendarme of Europe". In 1941 was also created the office of scientific propaganda of the USSR.
14. Russia at War: Psychological Front: What to Die For // *Time*. 1941 Vol. 38. November 17. № 20. P. 33.
15. Levin A. A Grim Soviet Anniversary // *Current History*. 1942. Vol. 1. January. № 5. P. 453.
16. Great response in the American press received the "reconciliation" of the Church and the Soviet state in the beginning of the war. See: Jongbloed V.T. *Pravoslavnyaya cerkov' i vlast' v SSSR v gody Vtoroj mirovoj vojny v otsenke pressy SSHA* [The Orthodox Church and the abstractities in the Soviet Union during the Second world war in the assessments of the US media] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2012, Vol. 1, No. 1, pp. 46-53.
17. Black C. E. War Changes in Russia // *Current History*. 1942. Vol. 2. June. № 10. P.283; Hindus M. Report on Russia // *Reader's Digest*. 1942. Vol. 41. November. № 247. P. 93; Europe: We Missed the Point // *Fortune*. 1941. Vol. 24. December. № 6. P. 95; Dana H. W., Williams A. R., Fisher H. Soviet Culture Goes To War // *New Masses*. 1942. Vol. 45. 10 November. № 6. P. 11-12; War: Psychological Front: What to Die For // *Time*. 1941. Vol. 38. November 17 № 20. P. 33; Werth A. Russia Behind the Lines // *Nation*. 1942. Vol. 154. 18 April. № 16. P. 456; Amter I. What We Can Learn From the Soviet People // *Communist*. 1942. Vol. 21. № 1. January. P. 71.
18. Dana H. W. L. *Patriotic Plays in Soviet Russia* // *Russian Review*. Vol. 1. 1941. November. № 1. P. 65.
19. R. M. S. Red Army "Morale Builders" // *American Quarterly of the Soviet Union*. 1941. Vol. 4. October – November. № 4. P. 19-20.
20. Ibid. P. 25.
21. Stowe L. The Evolution of the Red Army // *Foreign Affairs*. 1943. Vol. 22. October. № 2. P. 94-95, 97, 104.
22. R. M.S. Red Army "Morale Builders" // *American Quarterly of the Soviet Union*. 1941. Vol. 4. October – November. № 4. P. 16.
23. Ibid. P.11.
24. Utley F. The Limits of Russian Resistance // *American Mercury*. 1941. Vol. 53. September. № 213. P. 297.
25. Ibidem.
26. Fischer L. Russia and the Peace // *Nation*. 1943. Vol. 156. 12 June. № 24. P. 835.
27. Kerensky A. Russia Is Ripe for Freedom // *American Mercury*. 1943. Vol. 56. August. № 236. P. 161.
28. Eastman M. *Stalin's American Power* // *American Mercury*. 1941. Vol. 53. December. № 216. P. 670.
29. William Henry Chamberlain (1897-1970) – a famous American journalist, historian, whose views have undergone considerable evolution: from pro-Soviet orientation to a critical attitude to the Soviet system; the abstract of such works as «*Kollektivizm: lozhnaya utopiya*» ["Collectivism: a false utopia"] (1937), «*Russkaya revolyuciya 1917-1921*» ["The Russian revolution 1917-1921"] (1935), etc.

30. Chamberlin W. H. The Soviet-German War: Results and Prospects // Russian Review. 1942. Vol. 1. April. № 2. P. 6.
31. Winter Brings Happy Birthday to the Reds and their Ruler // News Week. 1941. Vol. 18. 29 December. № 26. P. 19.
32. Scott J. Administrators at Work // New Republic. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 654.
33. Yugov A. The Result of the Five Years Plans // New Republic. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 653.
34. Werth A. Russia Behind the Lines // Nation. 1942. Vol. 154. 18 April. № 16. P. 455.
35. Lerner M. Homage to a Fighting People // New Republic. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 643.
36. Scott J. Administrators at Work // New Republic. 1941. Vol. 105. 17 November. № 20. P. 654.

УДК 94(4)"1945/1946"

А. А. Калинин

Разногласия СССР и западных держав по греческому вопросу в 1945–1946 гг.*

В статье анализируется переговорный процесс СССР, США и Великобритании по политическому и территориальному аспектам греческого вопроса в 1945–1946 гг. Проведен анализ обсуждения греческого вопроса на Потсдамской конференции, сессиях Совета министров иностранных дел и Парижской мирной конференции. Затрагиваются советские планы получить базу торговых кораблей в Средиземном море. Процесс территориального урегулирования на Балканском полуострове и разногласия по вопросу проведения выборов в освобожденных странах рассматриваются в контексте генезиса холодной войны. На Парижской мирной конференции впервые столкнулись две враждебные коалиции стран во главе с США и СССР. Источниковую базу статьи составили американские и советские дипломатические документы и мемуары. Использованы материалы Архива внешней политики РФ, Государственного архива РФ и Российского государственного архива социально-политической истории.

The article analyzes the negotiation process of the USSR, USA and Great Britain for political and territorial aspects of the Greek issue in 1945–1946. The author examines the discussion on the Greek issue at the Potsdam Conference, sessions of the Council of Foreign Ministers and the Paris Peace Conference. The article also considers the soviet plans to gain a base of trade ships in the Mediterranean Sea. The process of territorial settlement on the Balkan Peninsula and disagreement on the issue of elections in the liberated countries are considered in the context of the origins of the Cold War. At the Paris Peace Conference it was the first time that two hostile coalitions of countries led by the USA and the USSR had clashed. The analysis is made referring to official American and Soviet diplomatic documents and memoirs, as well as materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Socio-Political History.

Ключевые слова: Вторая мировая война, послевоенное урегулирование, «Большая тройка», холодная война, территориальные споры, Балканы, Восточное Средиземноморье, Потсдамская конференция, Совет министров иностранных дел, Парижская мирная конференция, советская внешняя политика, внешняя политика США.

Keywords: Second World War, post-war settlement, "Big Three", Cold War, territorial disputes, Balkans, Eastern Mediterranean, Potsdam Conference, Council of Foreign Ministers, Paris Peace Conference, Soviet foreign policy, U. S. foreign policy.

В 1945–1946 гг. оформляются контуры послевоенного порядка. Всего за год характер отношений союзников по антигитлеровской коалиции заметно изменился. Академик А. О. Чубарьян для понимания генезиса холодной войны предлагает обратиться к глубокому анализу событий второй половины 1945 – начала 1946 гг., когда в Москве и в столицах западных держав закладывались основы нового видения международной ситуации [1]. Если Ялтинская конференция (4–11 февраля 1945 г.) стала апогеем сотрудничества держав, то всего через год, 22 февраля 1946 г. американский поверенный в Москве Дж. Кеннан отправляет в Вашингтон свою знаменитую «длинную телеграмму», в которой говорилось о «маниакальном» стремлении Москвы к экспансии. Еще через год, в марте 1947 г., президент Г. Трумэн выступил с известным посланием к Конгрессу о необходимости масштабной помощи Греции и Турции для «сдерживания коммунизма». Возникает вопрос: что произошло за это время? Почему за столь короткий срок в отношениях

держав-победительниц образовалась трещина? Одной из причин утраты взаимного доверия между Западом и Востоком стал греческий кризис.

Следует отметить, что конфликт в Греции второй половины 1940-х гг. в период холодной войны освещался однобоко как в отечественной, так и в западной историографии. Западные историки до 1970-х гг. ответственность за начало гражданской войны в Греции всецело возлагали на коммунистический «лагерь» во главе с Советским Союзом. Например, греческий историк С. Ксидис был убежден, что СССР стремился вывести Грецию из-под западного влияния, используя дипломатические инструменты, греческих коммунистов и просоветские режимы Албании, Болгарии и Югославии. Этому никак не могли допустить США [2]. Американские историки радикально-критической школы утверждали, что Соединенные Штаты решили вмешаться в греческие дела, прикрываясь надуманной советской угрозой. Историки-постревизионисты стремятся к сбалансированным оценкам советской политики в Греции, отвергая предположение ортодоксальных историков, что коммунистический мятеж в Греции был инициирован Москвой. П. Ставракис для характеристики внешней политики И. В. Сталина предложил термин «осторожный (расчетливый) экспансионизм». Ставракис отклоняет обе крайности, согласно которым СССР или стремился советизировать Грецию, или Москва не вмешивалась в греческий кризис. По его предположению, приоритетом Сталина были стратегические интересы Советского Союза, в Восточном Средиземноморье он стремился ослабить западное влияние. На Грецию Москва не претендовала и советским интересам вполне отвечала слабая, внутренне неустойчивая Греция, в которой постепенно будет возрастать коммунистическое влияние [3].

Контурь геополитического компромисса, который мог стать одной из основ послевоенного европейского порядка, были намечены в заключенном 9 октября 1944 г. «процентном соглашении» СССР и Великобритании. На юге Европы СССР был особо заинтересован в Румынии и Болгарии. В Югославии и Албании у власти утвердились коммунисты, что создавало новый геополитический расклад на Балканах в пользу Москвы. Сталина он вполне устраивал и Кремль согласился с британским преобладанием в Греции, чтобы не ставить под угрозу послевоенные отношения с ведущими западными державами. Интересы в Иране и Турции для Советского Союза также были гораздо более важными, чем в Греции. Анализ имеющихся архивных документов, показывает, что в Москве всерьез не рассматривали возможность прихода к власти коммунистов в Греции.

К середине 1945 г. греческий вопрос становится предметом разногласий держав «Большой тройки». Советское руководство придерживалось в своей политике логики сфер влияния и очень болезненно воспринимало требования американцев применить положения Ялтинской декларации к странам Восточной Европы. Между союзниками разгорелся острый спор о демократичности правительств освобожденных государств. С точки зрения реализации принципов Ялтинской декларации наиболее слабым звеном среди европейских стран западной сферы влияния была Греция. Поэтому ситуация в этой стране виделась Москве как удобный контраргумент в дипломатических схватках с западными державами по вопросу политических режимов в странах Восточной Европы.

Также СССР отклонил предложение об участии в контроле греческих выборов. Варкизским соглашением предполагалось участие США, Великобритании и СССР в наблюдении за греческими выборами и плебисцитом по вопросу о возвращении короля. Кремль воспринял процедуру наблюдения за выборами как новый инструмент вмешательства западных держав в дела стран Восточной Европы. В послании от 4 мая Сталин сообщил У. Черчиллю и Г. Трумэну об отказе СССР участвовать в комиссии по наблюдению за греческими выборами, расценив ее как «оскорбление» греческого народа и «грубое вмешательство в его внутреннюю жизнь». При этом принцип отказа от наблюдения за выборами Сталин предлагал распространить и на бывших сателлитов Германии, которые потом объявили войну Рейху и встали на сторону союзников [4].

В памятной записке для Госдепартамента (июнь 1945 г.) Форин Офис в связи с отказом Советского Союза направить своих наблюдателей в Грецию предложил пригласить наблюдателей из Франции. США и Великобритания договорились вновь предложить СССР направить наблюдателей на греческие выборы. Англичане считали новый советский отказ неизбежным, так как трехстороннее наблюдение избирательного процесса в Греции стало бы «хорошим прецедентом» для стран Восточной Европы [5].

К середине 1945 г. проблема реакционного греческого правительства стала для Советского Союза важным аргументом в его дипломатическом противостоянии с западными державами по вопросу о политических режимах стран «народной демократии». При этом СССР не ставил под сомнение принадлежность Греции к западной сфере интересов и всячески избегал вмешательства во внутренние дела страны, а его поддержка Коммунистической партии Греции была минимальной.

На Потсдамской конференции Г. Трумэн твердо заявил, что США не собираются признавать недемократические правительства в странах Восточной Европы. На первом же заседании глав правительств 17 июля американский президент потребовал немедленной реорганизации правительств Румынии и Болгарии. В американском меморандуме также предлагалось в «свое время» оказать помощь Румынии и Болгарии в проведении свободных выборов по образцу Греции. На третьем заседании 19 июля Черчилль и Трумэн подвергли резкой критике югославский режим [6]. Во время совместного обеда с Черчиллем 18 июля Сталин сказал, что очень уязвлен американским требованием сменить правительства Румынии и Болгарии. «Он не вмешивается в греческие дела, и поэтому американцы поступают несправедливо», – вспоминал позднее Черчилль логику советского вождя [7].

На конференции советская делегация использовала ситуацию в Греции, во-первых, как щит от критики западными державами политики Москвы в Румынии, Болгарии, а также политики И. Б. Тито в Югославии. Видимо Кремль был не против «обменять» признание прозападного греческого правительства на признание США и Великобританией просоветских болгарского и румынского правительств. Во-вторых, советское руководство надеялось также оказать воздействие на внутривнутриполитическое развитие Греции и укрепить позиции левых сил в стране.

20 августа Госдепартамент официально объявил, что в соответствии с Ялтинским соглашением Соединенные Штаты направят миссию для наблюдения за греческими выборами [8]. Советский Союз отреагировал сообщением ТАСС от 24 августа, в котором говорилось, что практика контроля национальных выборов «нарушает принципы демократизма и ущемляет суверенитет той страны, где хотят применить названный контроль» [9].

Споры между СССР и западными державами по вопросу реализации Декларации об освобожденной Европе возобновились на I сессии Совета министров иностранных дел великих держав (СМИД), проходившей в Лондоне 11 сентября – 2 октября 1945 г. Во время бесед с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым 16 и 19 сентября госсекретарь Дж. Бирнс подтвердил, что американское правительство не собирается подписывать мирные договоры с существующими правительствами Румынии и Болгарии и не сможет признать свободными выборы в этих странах. В качестве контраргумента советский нарком поднимал греческий вопрос. По его словам, большинство греческого народа не поддерживает нынешнее правительство, в отличие от румынского правительства, которое опирается на поддержку населения. Молотов предположил, что правительство Румынии не нравится американцам, потому что оно «дружественно расположено к Советскому Союзу». В то же время США всячески поддерживают проанглийское «недемократическое» правительство Греции, которое американцы прикрывают «своей широкой спиной от критики, не мешая ему проводить террор в отношении демократических элементов». Бирнс в ответ на критику заметил, что было бы «весьма полезно» присутствие советских наблюдателей на греческих выборах. Молотов ответил, что Советский Союз не хочет участвовать в этом «грязном деле» [10].

Формирование в ноябре либерального кабинета во главе с Ф. Софулисом позволило на время несколько приглушить критику греческих властей со стороны Советского Союза. 28 ноября было объявлено о решении Москвы впервые после освобождения Греции направить советского посла в Афины. Им стал контр-адмирал К. К. Родионов, который служил военно-морским атташе в Греции в 1939–1941 гг., а в 1945 г. являлся исполняющим обязанности начальника Разведывательного управления Главного Морского Штаба. Через месяц советское руководство направило телеграммы с новогодними поздравлениями на имя регента Дамаскиноса, премьер-министра Софулиса и министра иностранных дел И. Софьянопулоса, что свидетельствовало о признании нового греческого правительства [11]. 30 декабря Родионов прибыл в Афины.

На декабрьском совещании СМИД 1945 г. в Москве советская делегация не настаивала на смене греческого правительства, вместо этого требуя вывода британских войск из Греции [12]. Однако от критики внутренней ситуации в Греции Москва отказываться не собиралась. Накануне совещания в НКВД под руководством И. М. Майского была подготовлена записка «О военно-политическом вмешательстве Великобритании во внутренние дела других стран», в которой содержался обширный материал по трем военно-политическим интервенциям англичан – в Греции, Индонезии и Индокитае. «Наиболее выгодным для использования против англичан» в записке признавался случай с британской интервенцией в Греции. Майский указывал не только на факт использования английских войск для «подавления левых партий в Греции», но и на «самую откровенную политическую интервенцию в пользу греческого короля Георга и поддерживающих его право-монархических элементов», что способствовало нарушению Варкизского соглашения [13]. В подготовленном НКВД меморандуме подчеркивалось, что их присутствие «в ряде случаев» используется «реакционными элементами» для давления на демократические силы страны,

вследствие чего Греция «не может выйти из постоянных правительственных кризисов» [14]. Делегация СССР предложила внести греческий вопрос в повестку дня. Москва связывала вопрос о выводе британских войск из Греции с вопросом пребывания советских войск в Иране. 18 декабря глава британской дипломатии Э. Бевин выразил недовольство Молотову по поводу новой постановки греческого вопроса, хотя раньше Москва давала понять, что «оставляет греческие дела на усмотрение Англии». Британский министр заявил советскому коллеге, что Лондон стремится установить в Греции демократический режим, не допустив ни левой, ни правой диктатуры. «В начале, – говорил Бевин, – опасность исходила от левых элементов, и эта опасность грозила разрастись в гражданскую войну. Теперь опасность исходит от правых». Британское правительство приняло все меры к тому, чтобы провести в Греции свободные и справедливые выборы. Как только в стране будет учреждено прочное правительство, заверил глава Форин Офиса, британские войска уйдут из Греции. Однако Молотов продолжал настаивать на своем, заявив, что «хозяевами в Греции... являются англичане». «Также как в Болгарии хозяевами являются русские», – парировал Бевин. Он подчеркнул, что хочет, чтобы в пунктах, где «соприкасаются» интересы Лондона и Москвы, «например, в Греции, Турции, Персии, между Великобританией и Советским Союзом не возникало трений вследствие того, что они не понимают мотивов друг друга» [15]. В итоге было, по предложению Дж. Бирнса, принято решение не включать в повестку дня вопросы о выводе войск союзников из Китая, Индонезии, Ирана и Греции, но они могли рассматриваться в ходе неофициального обмена мнениями [16].

В январе 1946 г. СССР решил воспользоваться новой возможностью поставить на обсуждение греческий вопрос, направив жалобу на присутствие британских войск в Совет Безопасности ООН. За два дня до этого, 19 января Иран при поддержке Великобритании и США обратился в Совет с жалобой на присутствие советских войск в Северном Иране. Советское руководство восприняло эту жалобу как крайне недружественный шаг западных держав и в ответ последовала жалоба на пребывание британских войск в Греции.

Во время дебатов в Совете Безопасности (1–6 февраля 1946 г.) глава советской делегации в ООН первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский не стеснялся в выражениях, обвиняя англичан в поддержке «белого террора», развязанного «греческими фашистами». Британский министр иностранных дел Бевин давал жесткий отпор этим заявлениям, считая их пропагандой [17]. Греческая правая печать увидела в советской жалобе желание Москвы превратить Грецию в «советскую республику». Позиция советской делегации оценивалась как «антигреческая» или продиктованная «империалистическими интересами» [18].

Позиция Москвы не нашла поддержки в ООН. 6 февраля Совет Безопасности согласился принять к сведению заявления, сделанные СССР, Великобританией и Грецией, а также мнения других членов Совета по вопросу пребывания британских войск в Греции и считать вопрос исчерпанным. Он не ставился на голосование и был исключен из повестки дня [19].

В целом позиция Советского Союза по Греции оставалась сдержанной. Поддержка Москвой левых сил в это время ограничивалась пропагандой. Левые греческие политики, с которыми встречался советский посол К. К. Родионов, выражали надежду на усиление внимания к Греции со стороны СССР, восстановление греко-советской торговли и культурных связей, а также моральную поддержку с его стороны демократических сил в стране. Родионов же постоянно подчеркивал, что не намерен вмешиваться во внутренние дела Греции и не готов давать советов по тем или иным аспектам греческой политики [20].

В январе – феврале 1946 г. Советский Союз посетила делегация Национально-освободительного фронта (ЭАМ), принятая достаточно прохладно. Молотов запретил проводить ее официальную встречу и проводы [21]. Во встрече со Сталиным и Молотовым грекам было отказано [22]. Делегаты просили проконсультировать их по вопросам внутренней политики. Только при выезде делегации грекам было сказано, что «по мнению соответствующих товарищей, компартии Греции и ЭАМ следовало бы принять участие в выборах». Компартии также рекомендовали воздержаться от курса на вооруженное восстание, развертывать «массовую борьбу за демократизацию в сочетании с массовой самообороной» [23].

Еще одним источником разногласий Советского Союза и западных держав стали планы Москвы получить базу в Средиземном море. К середине 1945 г. США и Великобритания согласовали передачу Греции Додеканесских островов. Советская сторона в целом не возражала против такого решения этого вопроса, однако Москва решила не делать «бесплатных» уступок своим партнерам и увязать вопрос о передаче Додеканеса грекам с удовлетворением советских претензий в отношении предоставления СССР опеки над Триполитанией (Западной Ливией) и аренды базы торговых кораблей на одном из Додеканесских островов.

Этот вопрос был впервые обсужден на I сессии СМВД в Лондоне. На третьей встрече министров иностранных дел 14 сентября глава советской делегации В. М. Молотов заявил, что готов обсуждать Додеканес только вместе с вопросом об итальянских колониях [24]. Полностью поддержали передачу Греции этого архипелага (а также его демилитаризацию) делегации Франции и Китая. Однако Молотов 15, 17 и 19 сентября, не высказываясь против передачи островов грекам, потребовал дополнительного изучения вопроса перед тем, как принять окончательное решение. Он отметил, что данная область представляет интерес для СССР ввиду ее близости к входу в Черное море. Бирнс никак не мог понять, чего добивается советский нарком. Госсекретарь даже предложил отложить вопрос до проведения греческих выборов, но все равно не получил от Молотова определенного ответа [25].

Бирнс и Бевин явно рассчитывали быстро согласовать вопрос о Додеканесских островах, но натолкнулись на упорное нежелание Молотова сказать «да» даже по вопросу, не вызывающему разногласий. Столкновение с неуступчивым «мистером нет» вызвало некоторое замешательство глав американской и британской дипломатий.

Во время беседы Молотова и Бевина 23 сентября в советском посольстве глава Форин Офиса попытался развеять опасения Москвы относительно британских замыслов. Он заметил, что не понимает, почему нарком отказался дать ему определенный ответ по поводу Додеканеса. В ответ Молотов предложил сделку: СССР готов был согласиться на передачу Додеканесских островов Греции в обмен на советскую базу в Средиземном море. Советский нарком выразил удивление, что Великобритания так интересуется Черноморскими проливами, отметив, что «Черное море – внутреннее море для прибрежных стран и вместе с тем небезопасный район для Советского Союза». Он напомнил, что в период Первой мировой войны британское правительство обещало России отдать Константинополь. Теперь же, подчеркнул Молотов, советское правительство готово ограничиться «хотя бы одной мандатной территорией в Средиземном море – Триполитанией». Бевин признался: «Британская империя сильно опасается того, как бы чего-нибудь не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части». В отношении Додеканеса Бевин сказал, что Великобритания хочет поскорее отдать его грекам, а вопрос о демилитаризации архипелага передать на рассмотрение Совета Безопасности [26]. Британскому общественному деятелю, председателю Общества культурных связей с СССР в Лондоне Д. Н. Притту 28 сентября Молотов сказал, что Советский Союз «имеет большой опыт в разрешении национального вопроса, и этот опыт мог бы быть с пользой применен в Триполитании. Кроме того, Советский Союз хотел бы иметь точку опоры для своего торгового флота в Средиземном море, где в связи с выпадением Италии и Франции как крупных средиземноморских держав Англия не может претендовать на монопольное положение» [27].

1 октября во время встречи в советском посольстве Бевин вновь задал вопрос Молотову о советской позиции по Южным Спорадам. В ответ глава НКВД заявил о желательности для СССР получить хотя бы «угол» в Триполитании и Киренаику в опеку на 10 лет. Он предположил, что нежелание англичан согласиться с предложениями советской стороны связано с их планами установить свое монопольное господство в Средиземном море. Бевин ссылаясь на неблагоприятную реакцию в Англии на то, если какая-либо держава получит базу вблизи жизненно важной для Британской империи линии коммуникаций, заверяя в своей «совершенной честности». Молотов жаловался, что правительство Черчилля согласилось отдать СССР Кёнигсберг, а новое лейбористское правительство не хочет идти ни на какие уступки Москве [28]. Столкнувшись с негативной реакцией западных держав на это предложение, советская сторона заблокировала передачу Додеканеса Греции. В результате решение этого вопроса затянулось на 10 месяцев.

Вплоть до лета 1946 г. советские дипломаты в соответствии с инструкциями неизменно связывали вопрос о Додеканесе с судьбой итальянских колоний или требовали отложить его обсуждение. В «Директивах для советской делегации на Совещании заместителей в Совете министров иностранных дел в Лондоне», утвержденных Политбюро ЦК ВКП(б) 7 января 1946 г., давалось указание «обеспечить, чтобы в предварительных переговорах с греками было обусловлено, что согласие на передачу островов Додеканеса может быть дано, если Советскому Союзу будет предоставлена на условиях аренды база для торговых кораблей на одном из Додеканесских островов» [29].

В Москве также решили попробовать арендовать базу у греческого правительства. Послу К. К. Родионову было дано указание «прощупать» отношение греческого правительства к идее предоставления СССР на условиях аренды базы торговых кораблей на одном из островов. Беседа Родионова и Софулиса состоялась 18 февраля 1946 г. Родионов начал разговор с мысли о необходимости скорейшего восстановления торговых связей Москвы и Афин, но при этом отметил, что советский торговый флот понес в годы войны серьезные потери и остро нуждается в промежу-

точных базах. Посол предположил, что советское торговое пароходство могло бы арендовать участок территории на одном из Додеканесских островов для создания базы торговых кораблей. Родионов отметил, что этот шаг благоприятно бы сказался на восстановлении греко-советской торговли и решении вопроса по этим островам в пользу Греции. Адмирал несколько раз подчеркивал, что якобы высказывает свое «личное мнение». Софулис уклонился от прямого ответа, сказав, что не может высказать своего мнения по поставленному вопросу до парламентских выборов [30]. Победа на выборах монархической Народной партии сделала эти надежды Москвы несбыточными и переговоры с К. Цалдарисом по Додеканесу СССР не вел.

Вопреки просьбе Родионова относительно конфиденциального характера разговора, информация о советском предложении была немедленно доведена до Госдепартамента и Форин Офиса, а также проникла в греческую прессу, вызвав негативную реакцию многих газет [31]. Хотя в дальнейшем советский посол не упоминал о своем предложении, зондаж Родионова был воспринят греками очень серьезно и оценивался как свидетельство намерений Москвы добиваться создания советской военной базы на Додеканесе. Греция надеялась на твердую поддержку США, Великобритании и Франции [32]. Советский посол вынужден был публично опровергнуть существование советских планов получить военную базу, заявив, что речь идет лишь об использовании одного из островов Эгейского моря для обеспечения углем советских торговых судов [33].

Подозрения греков и их западных покровителей относительно планов создания советской военной базы на Додеканесских островах, вероятно, не были лишены оснований. Так, Молотов во время переговоров по вопросу предоставления СССР опеки над Триполитанией открыто говорил лишь о «базах для советского торгового флота». В то же время в инструкциях Сталина говорилось об организации военно-морской базы, а в качестве возможной «уступки» союзникам вождь предлагал вариант предоставления советским военным кораблям «в ограниченном количестве» возможности стоянки в триполитанских портах [34]. Такой вариант вполне мог быть применен и к базе на Додеканесе.

С началом второй части парижской сессии СМВД (15.06–12.07.1946 г.) СССР продолжал придерживаться тактики отсрочки решения вопроса о Додеканесских островах под различными предложениями, хотя его несколько раз поднимали Бевин и Бирнс [35]. Однако внезапно советская позиция изменилась. 27 июня на двадцать восьмом заседании СМВД в Париже Бирнс сказал, что следует еще решить вопрос о Додеканесе. Молотов абсолютно спокойно заявил, что у советской делегации по этому вопросу нет никаких возражений. Не поверивший своим ушам госсекретарь переспросил, имелось ли в виду, что Молотов согласен на передачу островов Греции. Глава советской дипломатии подтвердил, что именно это он и имел в виду. Госсекретарь в течение одной или двух минут не мог прийти в себя после столь неожиданного ответа [36]. Видимо к лету 1946 г. Москва поняла, что западные державы не пойдут на уступки по бывшим итальянским колониям. Поэтому Советский Союз в преддверии нового раунда торга по мирным договорам с сателлитами Германии предпочел не вставлять палки в колеса при решении уже давно согласованного вопроса. В июне 1946 г. Москва фактически отказалась от планов получения опорных пунктов в Средиземном море. Кремль продемонстрировал, что готов идти на уступки, если встречает жесткий отпор со стороны США и Великобритании.

К 1945 г. сложились неблагоприятные условия для удовлетворения греческих территориальных требований к северным соседям. СССР последовательно поддерживал просоветские режимы в Албании и Болгарии и категорически отверг «национальные требования» греков в отношении Северного Эпира и части территории Болгарии. В западных столицах в целом также считали греческие претензии чрезмерными и несущими угрозу углубления противоречий между балканскими государствами. На Парижской мирной конференции (июль – октябрь 1946 г.) Советский Союз выступал в роли «опекуна» Албании, Югославии и Болгарии, отстаивая их интересы по территориальному и репарационному вопросам. Западные державы, в свою очередь, защищали интересы Греции. В период конференции в связи с территориальными притязаниями Афин в советской прессе усилилась антигреческая кампания. Советская пропаганда эксплуатировала претензии греческого правительства как доказательство шовинистического характера афинского режима. «Правда» подвергла сокрушительной критике «греческую монархо-фашистскую клику», которая «бряцает оружием и рассыпает угрозы по адресу своих соседей» [37].

Такая позиция Москвы способствовала росту антисоветских настроений в Греции. Как писала в октябре 1946 г. греческая газета «Акрополис», «у г. Молотова имеется мусорная корзина, куда он выбросил все наши жертвы, героизм и свои обязательства». Тогда же газета «Катимерини» в заметке «Молотов против Греции» отмечала, что советский министр «несправедлив к Греции и скандально дружески расположен к Болгарии» [38].

После первой неудачи в Совете Безопасности в феврале 1946 г. Москва решила вновь поставить греческий вопрос в ООН в конце лета на фоне эскалации внутреннего конфликта в стране. Представитель Украинской ССР в ООН Д. З. Мануильский 24 августа обратился к Генеральному секретарю Трюгве Ли с жалобой по поводу ситуации в Греции и прямого вмешательства англичан во внутренние дела этой страны. Однако «украинская жалоба» была отвергнута. Советский проект резолюции был отклонен 9 голосами (Австралия, Бразилия, Китай, Египет, Франция, Мексика, Нидерланды, Соединенное Королевство, США) против 2 (СССР и Польша). Советский представитель вынужден был воспользоваться правом «вето», чтобы не допустить принятия американского проекта резолюции: «за» было подано 8 голосов, против – 2 (СССР и Польша), австралийский представитель воздержался. В итоге греческий вопрос был снят с повестки дня Совета Безопасности [39]. Попытки СССР направить обсуждение в русло выяснения характера политического режима в Греции и вопроса о присутствии британских войск провалились. Западные державы все настойчивее ставили «неудобный» для Советского Союза и его балканских союзников вопрос о вмешательстве в греческие дела со стороны Албании, Болгарии и Югославии. Обсуждение греческого вопроса со всей очевидностью продемонстрировало нарастающую враждебность в отношениях между недавними союзниками и поляризацию Совета Безопасности.

Середина 1946 г. стала переломным моментом в отношениях СССР и Запада. В августе «красная угроза» Турции и Греции стала поводом для начала разработки программы сдерживания Советского Союза в Восточном Средиземноморье. Нельзя не отметить парадокс: в то время как Кремль летом 1946 г. фактически отказался от своего «средиземноморского проекта» – попыток получить базу в Триполитании или на Додеканесских островах, в США, напротив, усилились самые худшие опасения относительно советских планов. Американские аналитические материалы конца 1946 – начала 1947 г. рисовали совершенно фантастические картины советских замыслов [40].

Проблема адекватности американского восприятия «красной угрозы» Греции давно привлекает внимание историков. Рассекречивание части документов отечественных архивов позволяет сделать вывод о том, что опасения американцев были очень сильно преувеличены. К настоящему времени нет никаких достоверных свидетельств того, что Сталин в 1946 г. вынашивал планы советизации Греции. Имеющиеся прямые и косвенные данные указывают на прямо противоположное: советское руководство по-прежнему считало Грецию частью западной «сферы» и рекомендовало греческим коммунистам принять участие в выборах и не разжигать гражданскую войну. Советские дипломаты в Греции также вели себя очень осторожно, постоянно напоминая своим собеседникам о нежелании Москвы вмешиваться в греческие внутренние дела.

Как и в Вашингтоне, в Москве в этот период усиливались опасения относительно замыслов оппонента. Советское восприятие западной «империалистической» политики отразила известная «Записка Новикова», составленная в сентябре 1946 г. послом СССР в США Н. В. Новиковым, занимавшим до перевода в Вашингтон пост советского посла при эмигрантских правительствах Греции и Югославии. В ней говорилось о стремлении Вашингтона к мировому господству, что требовало закрепиться в Средиземноморье. По мнению советского дипломата, политика администрации Г. Трумэна была направлена на ограничение или вытеснение влияния СССР из соседних стран. Новиков считал, что существует негласная договоренность между США и Великобританией о частичном разделе мира на сферы влияния, в частности на Дальнем Востоке и в Южной Азии. В то же время в бассейне Средиземного моря и на Ближнем Востоке такое соглашение пока не было достигнуто. США, по предположению Новикова, были заинтересованы не в помощи и поддержке Лондона в Средиземноморском бассейне, а в том, чтобы самим основательнее проникнуть туда, а также в богатый нефтью Ближний Восток. Посещения американским флотом портов Греции и Турции, свидетельствовали, с одной стороны, о планах США закрепиться в этом регионе, но, с другой стороны, подобные шаги являлись военно-политической демонстрацией против СССР. Появление пунктов базирования американского флота в Восточном Средиземноморье означало для Советского Союза возникновение новой угрозы безопасности его южных рубежей. Новиков обращал внимание на политическую поддержку Соединенными Штатами британских шагов на международной арене и, в частности, тесную координацию политики двух стран на последних международных конференциях и в Совете Безопасности ООН, особенно при организации противодействия Советскому Союзу. Отмечалось также, что США оказывают Великобритании «морально-политическую помощь в ее реакционной политике в Греции...». Не осталось без внимания интенсивное сотрудничество Вашингтона и Лондона в военной сфере и, в частности, участие английских кораблей в маневрах американского флота в Средиземном море. Таким образом, наметились контуры англо-американского союза против СССР, хотя в Москве и не верили в его долговечность [41].

В целом советская дипломатия на греческом направлении преследовала ограниченные цели. На переговорах с союзниками по антигитлеровской коалиции СССР пытался разыграть греческую карту в собственных интересах, добываясь от западных союзников уступок по значимым для Москвы вопросам. Затем СССР использовал ситуацию в Греции как щит против любой критики советской политики в Восточной Европе.

Разногласия держав «Большой тройки» в 1945–1946 гг. означали, что возможность трехстороннего участия в урегулировании внутреннего кризиса в Греции была упущена. Уже в конце 1945 г. Великобритания и США склонны были действовать согласованно по ограничению советских послевоенных притязаний в Европе. Так, две англосаксонские державы выступили единым фронтом против советских предложений о выводе британских войск из Греции. Сессии СМВД 1946 г. и Парижская мирная конференция проходили в обстановке ухудшения отношений Запада и Востока, что не могло не сказаться и на советско-американском диалоге по греческому вопросу. Ведущие западные державы использовали греческие претензии для обострения полемики на конференции. Дипломатические баталии 1946 г. обозначили постепенное формирование биполярности международных отношений. Советский блок (СССР, Польша, Югославия и Чехословакия) действовал скоординировано, отстаивая интересы балканских стран народной демократии. США и Великобритания, в свою очередь, как правило, получали поддержку остальных стран. Дискуссии и голосования на международных форумах и в ООН все больше превращались в столкновение двух враждебных коалиций во главе с США и СССР, при этом американцы имели заметный перевес.

Примечания

1. Чубарьян А. О. Сталин и возникновение холодной войны: идеология и реальная политика // Чубарьян А. О. XX век: взгляд историка. М., 2009. С. 365.
2. Xydis S. G. Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”. Thessaloniki, 1963. P. 509–510.
3. *Stavrakis P. J.* Moscow and Greek Communism, 1944–1949. Ithaca; L., 1989.
4. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. Изд. 2-е. М., 1976. Т. 1. С. 411; Т. 2. С. 242; Черчилль У. Вторая мировая война : в 6 т. Т. 6 : Триумф и трагедия. М., 1998. С. 285.
5. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1945. Vol. 8. P. 126–128.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция. М., 1984. С. 43, 81–84, 295–296; FRUS. 1945. Berlin. Vol. 2. P. 643–644.
7. Черчилль У. Указ. соч. Т. 6. С. 361; Xydis S. G. Greece and the Yalta Declaration // American Slavic and East European Review. Vol. 20, No. 1 (Feb., 1961). P. 19.
8. Department of State Bulletin. Wash., 1945. Vol. XIII. № 322. August 26, 1945. P. 283.
9. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : документы и материалы : в 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 492; Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 31. Д. 436. Л. 12; FRUS. 1945. Vol. 8. P. 150.
10. Советско-американские отношения. 1945–1948 / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2004. С. 20–24, 28–33; FRUS. 1945. Vol. 2. P. 194–200, 243–247; АВП РФ Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 4. Д. 18. Л. 22–23.
11. *Stavrakis P. J.* Op. cit. P. 98; Richter H. British Intervention in Greece: From Varkiza to Civil War, Feb. 1945 to Aug. 1946. L., 1986. P. 372.
12. FRUS. 1945. Vol. 2. P. 612–613, 616.
13. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 21. Д. 229. Л. 1–4.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 99. Л. 150; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 31. Д. 431. Л. 22–23; Ф. 0430. Оп. 2. П. 5. Д. 14. Л. 1–2.
15. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 3. Д. 36. Л. 120–125.
16. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. Conferences and conversations, 1945: London, Washington and Moscow. L., 1985. P. 724–725; FRUS. 1945. Vol. 2. P. 612–616.
17. *Johnson E.* Early Indications of a Freeze: Greece, Spain and the United Nations, 1946–47 // Cold War History. Vol. 6, No. 1 (Feb. 2006). P. 47–48; *Κόντης Β.* Η αγγλοαμερικανική πολιτική και το ελληνικό πρόβλημα, 1945–1949. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 131–132.
18. Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5264. Л. 19.
19. Совет безопасности ООН. Резолюции 1946 года. Греческий вопрос. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1946/res12.pdf>; АВП РФ. Ф. 47. Оп. 2. П. 6. Д. 24. Л. 2; United Nations. Yearbook of the United Nations, 1946–1947. N. Y., 1947. P. 337–338; Правда. 1946. 7 февр. С. 5; Department of State Bulletin. Wash., 1946. Vol. XIV. № 346. February 17, 1946. P. 233–234.
20. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 34. П. 139. Д. 8. Л. 24–25, 61–62, 89–90; Д. 9. Л. 52.
21. Там же. Ф. 06. Оп. 8. П. 29. Д. 451. Л. 1.
22. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1186. Л. 56–60; Д. 1187. Л. 35.
23. Там же. Д. 1187. Л. 86.

24. FRUS. 1945. Vol. 2. P. 162; Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 156.
25. FRUS. 1945. Vol. 2. P. 188, 203–209, 466, 470; Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 196.
26. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 33. Л. 85–89; Мазов С. В. СССР и судьба бывших итальянских колоний (1945–1950 гг.) // Россия и Италия. Вып. 3. XX век. М., 1998. С. 220–221.
27. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 33. Л. 132.
28. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 454.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 7.
30. АВП РФ. Ф. 084. Оп. 34. П. 139. Д. 8. Л. 27–32.
31. Там же. Ф. 84. Оп. 29. П. 26. Д. 17. Л. 24–25.
32. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 119–120.
33. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5255. Л. 1.
34. «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...» (Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре – декабре 1945 г.) / публ. В. О. Печатнова // Источник: документы русской истории. 1999. № 2(38). С. 72–73.
35. FRUS. 1946. Vol. 2. P. 563, 579–582; Byrnes J. F. Speaking Frankly. N. Y.; L., 1947. P. 278–279.
36. FRUS. 1946. Vol. 2. P. 661, 664; АВП РФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 10. Д. 40. Л. 16.
37. Правда. 1946. 17 авг. С. 4.
38. АВП РФ. Ф. 84. Оп. 29. П. 26. Д. 21. Л. 10, 16.
39. Заседания Совета Безопасности ООН в 1946 году и принятые на них решения. Документ S/PV.70. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.70>; ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 5259. Л. 141, 149–159; United Nations. Yearbook of the United Nations, 1946–1947. N. Y., 1947. P. 359–360.
40. Калинин А. А. «Красная угроза» в Греции в оценках американских дипломатов в 1946–1949 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(1). С. 55–65.
41. Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 312–321.

Notes

1. Tchubaryan A. O. *Stalin i vozniknovenie holodnoj vojny: ideologiya i real'naya politika* [Stalin and the emergence of the cold war: ideology and real politics] // Tchubarian A. O. *XX vek: vzglyad istorika* [Twentieth century: the view of the historian]. М. 2009. P. 365.
2. Xydis S. G. Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”. Thessaloniki, 1963. P. 509–510.
3. *Stavrakis P. J. M. and Greek Communism, 1944–1949*. Ithaca; L., 1989.
4. *Perepiska Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR s Prezidentami SSHA i Prem'er-ministrami Velikobritanii vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. : v 2 t.* – Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the U.S. Presidents and Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic war of 1941–1945: in 2 volumes. Ed. 2nd. М. 1976. Vol. 1. P. 411; Vol. 2. P. 242; Churchill W. *Vtoraya mirovaya vojna : v 6 t.* [The Second World War : in 6 vol. Vol. 6: Triumph and tragedy]. М. 1998. P. 285.
5. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (hereafter FRUS). 1945. Vol. 8. Pp. 126–128.
6. *Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciyah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* – The Soviet Union at international conferences during the Great Patriotic war of 1941–1945, vol. 6 The Berlin (Potsdam) conference. М. 1984. Pp. 43, 81–84, 295–296; FRUS. 1945. Berlin. Vol. 2. Pp. 643–644.
7. Churchill W. Op. cit., vol. 6. P. 361; Xydis S. G. Greece and the Yalta Declaration // *American Slavic and East European Review*. Vol. 20, No. 1 (Feb., 1961). P. 19.
8. Department of State Bulletin. **Wash.**, 1945. Vol. XIII. № 322. August 26, 1945. P. 283.
9. *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 : dokumenty i materialy : v 2 t.* – Soviet-American relations during the Great Patriotic war, 1941–1945: documents and materials: in 2 vol. Vol. 2. М. 1984. P. 492; The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (hereinafter AVP RF). F. 06. Inv. 7. Folder 31. File 436. Sh. 12; FRUS. 1945. Vol. 8. P. 150.
10. *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. 1945–1948* – Soviet-American relations. 1945–1948, ed. by G. N. Sevostyanova. М. 2004. Pp. 20–24, 28–33; FRUS. 1945. Vol. 2. Pp. 194–200, 243–247; AVP RF, F. 0431/1. Inv. 1. Folder 4. File 18. Sh. 22–23.
11. *Stavrakis P. J.* Op. cit. P. 98; Richter H. British Intervention in Greece: From Varkiza to Civil War, Feb. 1945 to Aug. 1946. L. 1986. P. 372.
12. FRUS. 1945. Vol. 2. Pp. 612–613, 616.
13. AVP RF. F. 06. Op. 7. P. 21. D. 229. L. 1–4.
14. Russian State Archive of Socio-Political History (hereinafter RGASPI). F. 558. Inv. 11. File 99. Sh. 150; AVP RF. F. 06. Inv. 7. Folder . 31. File 431. Sh. 22–23; F. 0430. Inv. 2. Folder 5. File 14. Sh. 1–2.
15. AVP RF. F. 06. Inv. 7. Folder 3. File 36. Sh. 120–125.
16. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. Conferences and conversations, 1945: London, Washington and Moscow. L. 1985. Pp. 724–725; FRUS. 1945. Vol. 2. Pp. 612–616.
17. *JJohnson E.* Early Indications of a Freeze: Greece, Spain and the United Nations, 1946–47 // *Cold War History*. Vol. 6, No. 1 (Feb. 2006). P. 47–48; *Κόντης Β.* Η αγγλοαμερικανική πολιτική και το ελληνικό πρόβλημα, 1945–1949. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 131–132.
18. State Archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF). F. P-4459. Inv. 27. File 5264. Sh. 19.

19. *Sovet bezopasnosti OON. Rezolyucii 1946 goda. Grecheskij vopros* – The UN Security Council. Resolution 1946. The Greek question. Available at: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/1946/res12.pdf>; AVP RF. F. 47. Inv. 2. Folder 6. File 24. Sh. 2; United Nations. Yearbook of the United Nations, 1946-1947. N. Y. 1947. Pp. 337-338; Truth. 1946. 7 Feb. P. 5; Department of State Bulletin. Wash., 1946. Vol. XIV. No. 346. February 17, 1946. Pp. 233-234.
20. AVP RF. F. 084. Inv. 34. Folder 139. File 8. Sh. 24-25, 61-62, 89-90; File 9. Sh. 52.
21. Ibid. F. 06. Inv. 8. Folder 29. File 451. Sh. 1.
22. RGASPI. F. 82. Inv. 2. File 1186. Sh. 56-60; File 1187. Sh. 35.
23. Ibid. File 1187. Sh. 86.
24. FRUS. 1945. Vol. 2. P. 162; Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 156.
25. FRUS. 1945. Vol. 2. Pp. 188, 203-209, 466, 470; Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 196.
26. AVP RF. F. 06. Inv. 7. Folder 2. File 33. Sh. 85-89; Mazov S. V. *SSSR i sud'ba byvshih ital'yanskih kolonij (1945–1950 gg.)* [The Soviet Union and the fate of former Italian colonies (1945-1950 gg.)] // *Rossiya i Italiya – Russia and Italy*. Vol. 3. XX century. M. 1998. Pp. 220-221.
27. AVP RF. F. 06. Inv. 7. Folder 2. File 33. Sh. 132.
28. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 454.
29. RGASPI. F. 17. Inv. 162. File 38. Sh. 7.
30. AVP RF. F. 084. Inv. 34. Folder 139. File 8. Sh. 27-32.
31. Ibid. F. 84. Inv. 29. Folder 26. File 17. Sh. 24-25.
32. FRUS. 1946. Vol. 7. Pp. 119-120.
33. GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 5255. Sh. 1.
34. «*Soyuzniki nazhimayut na tebya dlya togo, chtoby slomit' u tebya volyu...*» (*Perepiska Stalina s Molotovym i drugimi chlenami Politbyuro po vneshnepoliticheskim voprosam v sentyabre – dekabre 1945 g.*) – "Allies press on you to break your will..." (Correspondence between Stalin and Molotov and other Politburo members on foreign policy issues in September – December 1945) / publ. V. O. Pechatnov // *Istochnik: dokumenty russkoj istorii* – Source: documents of Russian history. 1999. No. 2(38). Pp. 72-73.
35. FRUS. 1946. Vol. 2. Pp. 563, 579-582; Byrnes J. F. *Speaking Frankly*. N. Y.; L. 1947. Pp. 278-279.
36. FRUS. 1946. Vol. 2. P. 661, 664; AVP RF. F. 0431/II. Inv. 2. Folder 10. File 40. Sh. 16.
37. Truth. 1946. 17 Aug. P. 4.
38. AVP RF. F. 84. Inv. 29. P. 26. File 21. Sh. 10, 16.
39. *Zasedaniya Soveta Bezopasnosti OON v 1946 godu i prinyatyje na nih resheniya. Dokument S/PV.70* – Meetings of the UNO Security Council in 1946 and adopted solutions. Document S/PV.70. Available at: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/PV.70>; GARF. F. P-4459. Inv. 27. File 5259. Sh. 141, 149-159; United Nations. Yearbook of the United Nations, 1946-1947. N. Y. 1947. Pp. 359-360.
40. Kalinin A. A. «*Krasnaya ugroza*» v *Grecii v ocenkah amerikanskih diplomatov v 1946–1949 gg.* ["Red menace" in Greece in the assessments of American diplomats in the years 1946-1949] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2012, No. 4(1), pp. 55-65.
41. Soviet-American relations. 1945-1948. Pp. 312-321.

УДК 94

И. В. Смольняк

Средиземноморский рубеж сдерживания: кипрская проблема в американско-турецких отношениях, 1962–1978 гг.*

В статье рассматривается политика Соединенных Штатов Америки и Турецкой Республики во время Кипрского кризиса 1962–1978 гг. Представлены региональные особенности американской политики в отношении Турецкой Республики и острова Кипр. Выявлены факторы, повлиявшие на принятие и реализацию Вашингтонских решений по проблемам, связанным с обеспечением безопасности и политикой сдерживания СССР в восточном Средиземноморье. Особое внимание уделяется истории двусторонних отношений между Анкарой и Вашингтоном в контексте взаимоотношений турецкого правительства с Афинами по вопросу урегулирования Кипрского конфликта. Автор приходит к выводу, что расхождение взглядов Турции и США на решение Кипрской проблемы заняли ведущее место среди причин преимущественной ориентации Турции после 1980 г. на Западную Германию и Европейский союз.

The article is devoted to the policy of the United States of America and the Republic of Turkey during the Cyprus crisis in 1962–1978. The author presents the regional peculiarities of transformation of American policy in respect of the Turkish Republic and the Cyprus. He also tries to define factors that influenced the adoption and im-

plementation of Washington's decisions on issues related to the problems of security and containment of the USSR in the eastern Mediterranean. Special attention is paid to the history of bilateral relations between Ankara and Washington in the context of the Turkish government's relations with Athens on the settlement of the Cyprus conflict. The author comes to the conclusion that the divergence of views of Turkey and the United States in solving the Cyprus problem have taken a leading place among the causes of dominant position of Turkey after 1980 to the West Germany and the European Union.

Ключевые слова: НАТО, Госдепартамент, сдерживание, Джонсон, Форд, Конгресс, СССР, Турция, Греция, Кипр.

Keywords: NATO, US State Department, Containment, Johnson, Ford, Congress, the Soviet Union, Turkey, Greece, Cyprus.

Отправной точкой развития американско-турецких отношений после окончания Второй мировой войны следует считать дискуссии в рамках антигитлеровской коалиции вокруг послевоенных территориальных требований СССР относительно зоны Проливов и изменения Конвенции Монрё. Несовпадение подходов правительств СССР и Турции по вопросу о пересмотре Конвенции способствовало укреплению американско-турецких отношений.

Значимость Турции для американских стратегических интересов как барьера против советского проникновения на Ближний Восток привела к тому, что страна стала получать помощь в рамках «доктрины Трумэна». Однако Анкара отказывалась сотрудничать с Вашингтоном без обязательств по защите Турции. Данная проблема была отчасти решена путем принятия Турции в НАТО на правах равноправного члена.

Однако в начале 60-х гг. усложнение обстановки в восточном Средиземноморье и конфликт Турции с другим членом НАТО – Грецией привел к резкому осложнению американско-турецких отношений.

Остров Кипр, занимающий стратегическое положение в восточном Средиземноморье, вплоть до окончания Второй мировой войны оставался под контролем Великобритании. Греческое большинство – около 80% населения – добивалось независимости, а в идеале – присоединения к Греции (движение энозис. – *И. С.*) [1]. Турки-киприоты выступали против независимости, опасаясь остаться в меньшинстве. В 1959–1960 гг. в результате консультаций между Великобританией, Турцией и Грецией в Лондоне, а затем в Цюрихе было подписано соглашение, по которому Кипр провозглашался независимым государством, территориальная целостность которого гарантировалась странами-подписантами [2].

Конституция Кипра запрещала энозис и закрепляла пост президента за греком, а должность вице-президента – за турком. До 40% мест в органах власти, армии и полиции закреплялось за турецким меньшинством. Кроме того, Великобритания, Греция и Турция получили право вмешиваться во внутренние дела острова в случае нарушения одной из сторон достигнутых договоренностей.

Однако едва успели высохнуть чернила на соглашении, как возникли первые разногласия между двумя общинами. Одним из источников конфликта была деятельность известного борца против английского владычества, полковника Георгиоса Гриваса [3]. Во время английского управления он был вынужден перебраться на материковую Грецию, однако вскоре после провозглашения независимости вернулся на Кипр и заявил о намерении посвятить свою жизнь борьбе за энозис. Турецкое меньшинство обвиняло президента Кипра архиепископа Макариоса [4] в потворстве деятельности Гриваса и саботаже Лондонских соглашений в части установленных квот на представительство турецкой диаспоры в органах власти.

Кроме того, и у греков, и у турок имелись глубокие разногласия по поводу внешней политики: турецкое меньшинство выступало за сотрудничество с США, НАТО и Западной Европой, тогда как греческое большинство во главе с президентом симпатизировало СССР. В напряженной обстановке любое действие противоборствующих сторон могло послужить детонатором для взрыва.

Такое событие произошло 5 декабря 1963 г., когда Макариос уведомил правительства Великобритании, Греции и Турции о своем решении отменить соглашение по квотам для турецкого меньшинства в правительстве и армии. Решение президента нарушало лондонские соглашения, противоречило Конституции Кипра и стало причиной беспорядков. 21 декабря греки-киприоты атаковали турецкий квартал в столице – Никосии. Это событие стало началом гражданской войны [5].

Ситуация на острове вызвала серьезную озабоченность турецкого правительства. Анкара обратилась к Лондону и Афинам с предложением немедленно потребовать от греков-киприотов прекратить нападения на турок. Однако греки-киприоты проигнорировали предупреждения

стран-гарантов, не оставив выбора руководству Турецкой Республики. В результате Турция решила на односторонние действия – самолеты ВВС Турции начали полеты над островом на низкой высоте. Одновременно турецкий военно-морской флот расположился недалеко от береговой линии Кипра, готовый в любой момент высадить десант. Турецкие военные маневры сопровождались дипломатическими мерами. Анкара обратилась за помощью к США с просьбой вмешаться и остановить насилие [6].

В январе 1964 г. начались интенсивные переговоры с участием ответственных лиц из Вашингтона и Анкары. Со стороны США в этом процессе принимал участие заместитель госсекретаря Джордж Болл, которого Л. Джонсон наделил полномочиями специального представителя президента США, ответственного за урегулирование Кипрского конфликта.

В вовлечении США в разрешение конфликта были заинтересованы и англичане, которые к этому времени уже потеряли контроль над островом и не желали тратить свои ресурсы, надеясь, что их интересы будут отстаивать американцы.

В середине января 1964 г. во время встречи в Вашингтоне с Д. Боллом английский посол Д. Ормсби-Гор дал понять, что Великобритания рассчитывает на решение кипрской проблемы в рамках НАТО посредством переброски на остров достаточного для наведения порядка воинского контингента. Предполагалось, что это будут англо-американские подразделения. На вопрос американского коллеги, почему бы не обратиться за помощью к ООН и не отправить на остров полицейский международный контингент, посол заметил, что подобное развитие событий может привести к вмешательству в конфликт СССР [7].

25 января Болл доложил президенту Джонсону о ходе переговоров. По словам дипломата, сначала президент с большой неохотой согласился выслушать его, однако во время встречи он проявил интерес и поручил ему подготовить приемлемое решение возникшей проблемы [8].

Действуя в соответствии с указаниями президента, Болл разработал план, согласно которому на Кипр под флагом НАТО должен был отправиться англо-американский военный контингент (в состав которого входило 1200 американских военнослужащих) сроком на три месяца. На это время Турции и Греции было запрещено вмешиваться в ситуацию. Дальнейшее развитие событий показало, что Болл не зря привлек внимание президента к кипрской проблеме. 28 января турецкий премьер-министр Исмет Инёню пригласил к себе американского посла Реймонда Хаэра и попросил сообщить в Вашингтон, что если США не откликнутся на просьбу турецкого правительства о помощи в разрешении конфликта, то турецкие войска незамедлительно вторгнутся на остров с целью защиты турецкого меньшинства [9]. Окружению Макариоса почти сразу стало известно о разрабатываемом в Вашингтоне плане. Архиепископ немедленно дал понять американцам, что он решительно против вмешательства НАТО во внутренние дела Кипра и намерен обратиться за помощью в ООН. Тем временем обстановка на острове резко ухудшилась. 4 февраля в американском посольстве в Никосии произошел взрыв бомбы. Ответственность за теракт была возложена на греческих экстремистов.

Для скорейшего прекращения разгорающегося конфликта Джонсон поручил Боллу убедить все заинтересованные стороны сесть за стол переговоров. 8 февраля заместитель госсекретаря приступил к выполнению поручения президента и за несколько дней посетил Лондон, Анкару, Кипр и Афины. В ходе этих визитов позиции враждующих сторон стали более ясными. Турция настаивала на решении, которое исключало присоединение Кипра к Греции, и не возражала против размещения на острове миротворческого контингента для защиты турецкого меньшинства. Таким образом, она была готова принять англо-американский план, предполагавший использование американско-английского контингента под флагом НАТО. Позиция турецкого правительства импонировала Боллу, который в своих отчетах отмечал его конструктивный настрой. И напротив, представитель президента нелицеприятно выражался в адрес греческой стороны, говоря, что она не в состоянии выполнять взятые на себя обязательства.

Еще более жестко Болл отзывался об архиепископе Макариосе. Он описывал владыку как жесткого и циничного человека, для которого ряса является всего лишь прикрытием для воплощения честолюбивых замыслов. Во время встречи с ним Макариос вновь выразил несогласие с любыми планами, основанными на участии НАТО, и подтвердил намерение обратиться за помощью в ООН. По мнению заместителя госсекретаря, это означало, что главной задачей архиепископа было не допустить вмешательство в конфликт турецкой армии, чтобы греки-киприоты спокойно могли вырезать турок. Болл был также возмущен фривольным тоном, в котором архиепископ обсуждал с ним недавно произошедшее убийство пятидесяти турок-киприотов в Лимасоле. Он предупредил Макариоса, что мировое сообщество не будет пассивно наблюдать, как архиепископ превращает остров в личный расправный полигон. В телеграмме, отправленной Джонсону, заместитель госсекретаря четко сформулировал свое отношение к кипрской проблеме: «Греки-киприоты не хотят

вмешательства в свои дела никаких посторонних сил. Они просто хотят, чтобы их оставили в покое для того, чтобы они могли безнаказанно убивать турок-киприотов» [10].

Непреклонная позиция архиепископа, отвергавшего любую помощь НАТО в разрешении конфликта, утвердила Болла в мысли, что если дело дойдет до высадки на остров миротворческих сил, то это должно быть сделано под эгидой ООН. Во время своего очередного визита в Анкару американский дипломат попытался убедить в этом Инёню. После долгих раздумий тот согласился на вариант, предложенный Боллом, но предупредил, что в случае повторения насилия над турками, у его правительства не останется вариантов, кроме как действовать самостоятельно [11].

На обратном пути в США через Лондон у Болла возник еще один план, который мог устроить все заинтересованные стороны. План изначально не предусматривал согласия с ним правительства Макариоса, который, по мнению американского дипломата, не был заинтересован в мирном разрешении конфликта. Болл решил, что на остров должны высадиться совместные англо-греко-турецкие полицейские подразделения для несения патрульной службы до тех пор, пока ООН не выработает приемлемое для всех участников конфликта решение. Однако его предложение было отклонено англичанами, которые дали понять, что не желают брать на себя ответственность за Кипр. Вернувшись в середине февраля в Вашингтон, Болл, докладывая президенту об итогах поездки, заявил, что, по его мнению, единственная сила, которая сможет примирить всех, – это ООН и что настала пора обратиться за помощью в эту организацию. Президент, в свою очередь, отметил, что урегулирование кипрской проблемы из-за её взрывоопасного характера является важной задачей для мирового сообщества, поэтому США должны приложить энергичные усилия для разрешения этого конфликта мирным путем, не поддерживая ни одну из сторон [12].

В Вашингтоне, оценивая возможные варианты эскалации конфликта, решили, что наиболее вероятными являются два сценария. Согласно первому не исключался военный конфликт между двумя членами НАТО – Турцией и Грецией, что, безусловно, негативным образом могло сказаться на прочности альянса и привести к ослаблению его позиций в Средиземноморском регионе. Логическим развитием такой ситуации могло стать обращение Макариоса к Москве с просьбой о помощи, тем более что ранее он заявлял о симпатиях к СССР. В Вашингтоне не исключали, что при таком повороте событий Правительство СССР воспользуется моментом для укрепления позиций в этом стратегически важном регионе. Основания для таких ожиданий у американцев имелись. Еще 7 февраля Н. Хрущёв в личном послании президенту Джонсону и другим главам государств-членов НАТО предостерег их от поспешных силовых решений с использованием ресурсов альянса в отношении Кипра. Кроме того, к концу февраля было открыто прямое авиационное сообщение между Москвой и Никосией. Это событие негативно было воспринято в Анкаре. Министр иностранных дел Турции Феридун Эркин предостерегал американцев, что Кипр может стать «средиземноморской Кубой» [13].

5 марта 1964 г. Совет Безопасности ООН принял решение о создании Сил Организации Объединенных наций на Кипре (UNFICYP). Они комплектовались военнослужащими Канады, Ирландии, Швеции, Финляндии и Великобритании. Командовал ими индийский генерал-лейтенант Прем Сингх Гиани. Распоряжением Генерального секретаря ООН У. Тана финский дипломат Сакари Севери Туомиоя был назначен специальным представителем Генерального секретаря на Кипре. Первый контингент войск ООН прибыл на Кипр 27 марта. К концу апреля их численность достигла 7500 человек [14]. Однако при выполнении своей задачи по поддержанию мира они сразу же столкнулись с трудностями. Турция возражала против организации совместных патрулей сил ООН и греческой полиции острова на том основании, что это якобы ущемляло права турок-киприотов. Кроме того, международным силам не удалось предотвратить случаи кровопролития и захвата заложников. Две противоборствующие стороны, как правило, обвиняли друг друга в этих преступлениях. Поляризация греческой и турецкой общин продолжалась и негативным образом сказывалась на отношениях между Анкарой и Афинами.

Ситуация на острове продолжала оставаться напряженной во многом из-за позиции греческого правительства, возглавляемого выигравшим выборы 18 февраля 1964 г. Георгиосом Папандреу, в тайне поощрявшим греческих боевиков на острове и поддерживавшим Макариоса в его стремлении присоединиться к материковой Греции. По словам Болла, он был «безнадежно слабым лидером, шел на поводу у сторонников объединения Кипра и Греции, заигрывал с архиепископом и его сторонниками и находился под влиянием своего сына, Андреаса, которого американцы прямо называли коммунистом» [15].

Присутствие сил ООН на острове не смогло предотвратить стычки между греческой и турецкой общинами. Турецкое правительство, недовольное развитием ситуации, обвиняло США, Великобританию и ООН в неспособности навести порядок. Для предотвращения дальнейшего нагнетания враждебности Анкара в середине апреля 1964 г. предложила план создания федеративного го-

сударства, по которому остров делился бы на греческую и турецкую части в соотношении 62 на 38% соответственно. План был с негодованием отвергнут Макариосом, которого поддержал Папандреу, настаивавший на полном суверенитете Кипра и отказе от соглашения, подписанного по итогам переговоров в Лондоне и Цюрихе, ограничивавшего, по мнению греческого премьера, суверенитет Кипра [16]. Тем временем вооруженные отряды греков-киприотов продолжали нападать на турецкие поселения. Оценивая ситуацию как критическую, в Вашингтоне пришли к выводу, что изначально выбранная тактика равноудаленности и от Анкары и от Афин не принесла своих плодов. Американцам не добавляла оптимизма и позиция греческого премьера Папандреу, которого в Вашингтоне подозревали в связях с Москвой. Подозрения подогревались ростом антиамериканских настроений в Греции. На следующий день после выборов в Афинах состоялась массовая демонстрация, во время которой митингующие сожгли чучело американского президента. По словам Болла, это событие произвело на Джонсона удручающее впечатление, он не мог понять, почему греки сожгли его чучело? [17] Спустя некоторое время чувства президента Джонсона оказались задеты снова, но на этот раз это сделали турки. В некоторых турецких городах прошли демонстрации, во время которых участники несли плакаты с оскорбительными надписями в адрес США и президента. Но если греческие демонстранты обвиняли США во вмешательстве в греческие дела, то турецкие, напротив, обвиняли США в недостаточном вмешательстве. Во время одного из таких мероприятий демонстранты несли плакат с надписью «Подкаблучник Джонсон, не слушай свою греческую жену! Вспомни, что ты мужчина и действуй самостоятельно!» [18].

В свете этих событий кипрская проблема всерьез стала беспокоить президента США. Джонсон вновь решил прибегнуть к услугам специального эмиссара. На этот раз выбор пал на сенатора Джеймса Фулбрайта, который был направлен в Грецию и Турцию в начале мая 1964 г. для того, чтобы еще раз попытаться примирить враждующие стороны. По возвращении в Вашингтон в середине мая сенатор заявил, что он воодушевлен перспективами окончательного урегулирования конфликта. Как показали дальнейшие события, оптимизм Фулбрайта был преждевременным: к концу мая ситуация на Кипре ухудшилась до такой степени, что турецкое вторжение казалось неизбежным. В турецком генштабе была даже определена дата – 4 июня [19]. Было ясно, что американская политика, направленная на примирение враждующих сторон, не принесла ожидаемых результатов. По мнению американского историка Дж. Ленцовски, причина неудачи заключалась в том, что в Вашингтоне так и не смогли решить, кто в данном случае является агрессором, а кто жертвой [20].

К началу июня стало очевидно, что Вашингтон должен решить, будут ли США добиваться прекращения греческого давления на турецкое население Кипра, или главной целью должно стать предотвращение турецкой интервенции на остров. Джонсон без консультаций с Боллом выбрал второй вариант. На его выбор повлиял госсекретарь Дин Раск. Вместе со своими заместителями Х. Кливлендом и Дж. Сиско госсекретарь подготовил текст послания президента, адресованного Инёню, в котором: 1. Президент настаивал на соблюдении Турцией действующих соглашений. 2. Требовал, чтобы Турция не принимала никаких решений по Кипру без консультаций с Вашингтоном. 3. Напоминал, что Турция является членом НАТО и поэтому не может действовать самостоятельно. 4. Намекал, что если Анкара решится на интервенцию, то НАТО может и не воспользоваться 5-й статьей Устава, дающей право прийти на помощь Турции в случае советского вторжения. 5. Прямо указывал, что поставляемое турецкой армии современное американское оружие может быть использовано только для защиты от советской агрессии, и никак иначе. Президент ясно дал понять, что США недовольны турецкой политикой в отношении Кипра и могут пересмотреть свои отношения с Анкарой [21] и подчеркнул, что он будет выступать против любых односторонних действий Турции, направленных на разделение острова и прямо противоречивших соглашению 1960 г. [22]

Необходимо отметить, что договор 1960 г. запрещал объединение Кипра и Греции в единое государство. Тем не менее американский президент не стал напоминать греческим властям о недопустимости поощрения греков-киприотов в их стремлении добиться присоединения острова к Греции. И это несмотря на то, что власти Греции открыто обещали грекам-киприотам военную поддержку. Письмо, таким образом, имело яркую антитурецкую направленность. В нем вина за разжигание конфликта целиком возлагалась на турецкую сторону.

Когда Болл ознакомился с содержанием письма, он сказал Раску: «Это нота является дипломатическим эквивалентом атомной бомбы. Я полагаю, что на некоторое время она сможет предотвратить турецкое вторжение. Но я боюсь что она вызовет эффект бумеранга» [23].

Президент Джонсон не ограничился письмом. Он отдал приказ генералу Л. Лемницеру, главнокомандующему объединенными силами НАТО в Европе, вылететь в Турцию и потребовать от турецкого правительства прекратить все приготовления к высадке десанта на территорию

Кипра. Получив послание Джонсона, запрещавшее использовать новейшее американское оружие за пределами Турции, Инёню согласился отложить вторжение на неопределенный срок [24]. Жесткость тона послания можно объяснить тем, что президент Джонсон и его советники опасались, что НАТО не сможет защитить своего союзника в случае советского вторжения в Турцию. Высадка турецких войск на Кипре могла вызвать именно такую реакцию Москвы. Кроме того, в Вашингтоне опасались негативной реакции ООН. Возникла угроза политической изоляции Турции. Хотя Джонсону удалось убедить турецких политиков отказаться от военного вмешательства в конфликт на Кипре, то, в каком тоне это было сделано, поставило под вопрос возможность продолжения турецко-американских отношений на прежней основе [25].

Турки были оскорблены действиями американцев и не собирались скрывать этого. Джонсон, очевидно понимая, что перегнул палку, предпринял попытку сгладить ситуацию. Он поручил Боллу отправиться в Анкару и убедить Инёню, что США по-прежнему остаются другом и союзником Анкары. По пути в столицу Турции американский дипломат остановился в Афинах, где во время беседы с Папандреу довольно жестко заявил, что кипрская проблема является серьезной угрозой для безопасности и стабильности в регионе. На этот раз эскалации конфликта удалось избежать, но в следующий раз США не будут жертвовать своими отношениями с Турцией. Болл подчеркнул, что греческое правительство также должно нести ответственность за свои действия и ему следует прекратить поддержку греков-киприотов [26].

В Анкаре Болла ждал вежливый, но холодный прием. Он заверил премьер-министра, что в Вашингтоне понимают, что ответственность за ухудшение обстановки на Кипре несут обе стороны. Кроме того, американский дипломат дал понять, что президент и его советники не доверяют Макариосу и передал Инёню личное приглашение Джонсона посетить Вашингтон. Турецкий премьер принял приглашение [27]. Однако такой опытный политический деятель, каким, без сомнения, являлся Исмет Инёню, не мог оставить без ответа письмо американского коллеги. 13 июня 1964 г. он направил Джонсону личное послание, в котором выразил разочарование тоном письма президента США и отменил упреки в том, что Турция действовала самостоятельно, без консультаций с Вашингтоном, отметив, что турецкие дипломаты неоднократно обращались в ООН и непосредственно к своим американским коллегам за помощью в разрешении кипрского кризиса. Инёню уверял своего визави, что его страна всегда неукоснительно придерживалась решений, принятых ООН в отношении Кипра, и поэтому воздержалась от военного вмешательства. Он также отметил неэффективность сил ООН на Кипре, которые не смогли помешать антитурецкой политике архиепископа Макариоса, и выразил обеспокоенность в связи с террористическими актами в отношении турецкого населения острова. Ссылаясь на 4-ю статью договора 1960 г., турецкий премьер отметил, что Турция как одна из стран-гарантов вправе предпринимать односторонние действия для обеспечения порядка и законности на острове. Инёню подчеркивал, что целью Турции не является разделение Кипра на греческую и турецкую части [28].

Смысловой доминантой письма Инёню являлся пункт, касавшийся взаимоотношений США и Турции в рамках Североатлантического Договора. Турецкий руководитель болезненно отреагировал на слова Джонсона о том, что в случае советского вторжения Альянс не придет Турции на помощь. Он напомнил, что это заявление противоречит 5-й статье устава НАТО и подвергает сомнению его основополагающие принципы. Именно этот пункт в письме американского президента, по словам турецкого премьера, вызвал глубокую озабоченность его правительства, поскольку Североатлантический Договор зиждется на ответственности всех участников, каждый из которых обязан незамедлительно прийти на помощь любому члену альянса, ставшему жертвой агрессии. Единственное, что подлежит обсуждению в этой ситуации, это масштабы и характер такой помощи. А если члены НАТО, вместо того чтобы поддержать своего союзника, начнут обсуждать, чем была вызвана агрессия против него, то в таком случае само существование НАТО потеряет всякий смысл. В тексте письма имелось недвусмысленное пояснение, что, говоря о государстве-агрессоре, автор имеет в виду СССР.

Визит Инёню в Вашингтон, который состоялся 22–23 июня 1964 г., на некоторое время снял негативный фон с американо-турецких отношений. В совместном коммюнике президент и премьер-министр подтвердили приверженность Договору, назвав его краеугольным камнем урегулирования кипрского конфликта. 24 июня в США прибыл греческий премьер Папандреу. Однако эта встреча носила больше протокольный характер. Более того, на совместной пресс-конференции греческий премьер заявил, что, по его мнению, Лондонские соглашения больше не имеют силы [29].

Таким образом, несмотря на то, что американской дипломатии удалось в 1964 г. предотвратить турецкое вторжение на Кипр, сама Кипрская проблема была далека от разрешения. В дальнейшем это обстоятельство скажется на американо-турецких отношениях.

В июле 1964 г., пытаясь найти решение затянувшегося конфликта, президент Джонсон обратился за помощью к бывшему госсекретарю Дину Ачесону с просьбой организовать встречу всех заинтересованных сторон в Женеве. Ветеран американской дипломатии, имевший большой авторитет как в Греции, так и в Турции, в августе 1964 г. разработал план урегулирования кипрской проблемы. Идея Ачесона заключалась в объединении Кипра и Греции в одно государство с условием передачи Додеканесских островов Турции. Греческому правительству предлагалось позволить туркам-киприотам иммигрировать и выплатить им денежную компенсацию. На острове предполагалось создать два турецких анклава. Этот план не получил поддержки. Одним из его результатов стала волна антиамериканских демонстраций в Турции [30].

В августе 1964 г. ситуация на Кипре опять стала напряженной. Греки-киприоты совершили несколько скоординированных нападений на турецкие поселения. В ответ турецкие ВВС нанесли удар по греческим поселкам. Архиепископ Макариос обратился к СССР с просьбой вмешаться в конфликт. В Вашингтоне был создан кризисный штаб на случай начала военных действий между Анкарой и Афинами.

В свою очередь, в Москве, взвесив все за и против, отказались вмешиваться. 12 августа Н. С. Хрущев в послании Макариосу, выразив сочувствие правительству Кипра и всему греческому народу, посоветовал прекратить стрельбу и сесть за стол переговоров ради укрепления мира и спокойствия [31]. Не ожидавший отказа, Макариос был вынужден отдать распоряжение о прекращении огня. С таким же обращением к туркам-киприотам обратилось турецкое правительство. На некоторое время раздираемый на части этническим конфликтом остров получил мир. Подводя итог этому периоду в истории кипрского кризиса, можно отметить, что американская дипломатия добилась некоторых успехов. В результате энергичных действий президента Джонсона удалось предотвратить полномасштабную войну между двумя странами-членами НАТО, которая могла отрицательно отразиться на судьбе Североатлантического Альянса. Кроме того, оказавшись в роли арбитра, США смогли сохранить дружеские отношения как с Грецией, так и Турцией.

Однако мир и спокойствие оказались недолговечными. В апреле 1967 г. военный переворот в Греции привел к падению правительства Папандреу и приходу к власти Георгиоса Пападопулоса и «черных полковников». Последствия переворота немедленно сказались на ситуации вокруг Кипра: полковник Гривас высадился на острове с 20 тыс. солдат, к которым примкнули 15 тыс. греков-киприотов, и начал боевые действия против турецких сил самообороны.

Анкара немедленно потребовала от Афин вывести регулярные греческие войска с территории острова. Эти требования были подкреплены полетами турецкой авиации над позициями греков-киприотов на низкой высоте. Одновременно у берегов Кипра началось боевое развертывание турецкого военно-морского флота. На этот раз ситуация коренным образом отличалась от предыдущих кризисов тем, что нападение было организовано греческим правительством, а не правительством архиепископа Макариоса, у которого отношения с режимом «черных полковников» не заладились с самого начала. Режим Пападопулоса был ориентирован на тесное сотрудничество с Западом, тогда как Макариос в международных делах тяготел к Москве, где, безусловно, не приветствовали приход к власти в Греции хунты. Кроме того, Макариос не был заинтересован в присоединении острова к Греции. Его цель заключалась в создании на Кипре режима личной власти. В результате конфликт, который до этого времени развивался преимущественно между Анкарой и Никосией, был перенесен в плоскость отношений между Анкарой и Афинами. Под давлением турецкой военной демонстрации греческая хунта выполнила требования Анкары. Гривас был отозван в Грецию а греческие регулярные части покинули занимаемые ими позиции и вскоре были выведены с острова.

Сложившаяся ситуация не могла не волновать президента Джонсона, который испытывал озабоченность по поводу единства НАТО. На этот раз с посреднической миссией в статусе специального эмиссара на Кипр отправился заместитель министра обороны Сайрус Вэнс. В декабре усилия, предпринимаемые Вэнсом, принесли свои плоды. Конфликтующие стороны подписали соглашение, согласно которому с территории Кипра подлежали эвакуации все регулярные греческие войска. Стороны также высказали намерение придерживаться заключенных ранее договоренностей. Эти события открывали новую главу в истории, казалось, нескончаемого кризиса. Но успех посреднической миссии Вэнса был недолговечным. Несмотря на то, что Инёню выразил удовлетворение его деятельностью, общественное мнение в Турции чувствовало себя оскорбленным, полагая, что НАТО украл у Турцию победу. В результате в Турции вновь вспыхнули антиамериканские акции [32]. Все, чего добились США на этот раз, – это заморозить конфликт, отодвинув его решение на неопределенное время.

Начиная с 1967 г. ситуация в треугольнике Турция – Греция – Кипр продолжала постепенно ухудшаться. Правительство архиепископа Макариоса в своей внешней политике продолжало придерживаться курса на укрепление отношений со странами социалистического лагеря и СССР. В 1972 г. оно заключило договор на поставку оружия с Чехословакией. В 1973 г. Макариос нанес дружеский визит ливийскому диктатору полковнику Каддафи. На Кипре архиепископ проводил политику, направленную на укрепление своей личной власти. Он попытался поставить под свой контроль кипрскую греческую национальную гвардию, проведя для этого чистку офицерского корпуса.

Эти действия превратили Макариоса в персону нон грата как в Афинах, так и в Вашингтоне. Планы «черных полковников» по свержению режима Макариоса нашли поддержку в Вашингтоне, где надеялись заменить правительство просоветского архиепископа более прозападным, рассчитывая тем самым предотвратить расширение советского влияния в восточной части Средиземного моря. Устранение Макариоса отвечало интересам и Афин и Вашингтона. Однако там не принимали во внимание, как на это отреагирует Анкара, где свержение законного конституционного кипрского правительства могли воспринять как освобождение Турции от ранее взятых на себя обязательств в отношении Кипра.

15 июля 1974 г. Макариос был свергнут в результате государственного переворота, организованного афинским правительством. Его сменил член парламента от Прогрессивной партии, активный сторонник воссоединения Кипра и Греции Никос Сампсон, который немедленно заявил о начале процедуры воссоединения острова с Грецией. Эти события вызвали цепную реакцию. 19 июля премьер-министр Турции Мустафа Бюлент Эджевит отдал приказ войскам начать операцию по захвату острова. К утру 20 июля турецкие воздушно-десантные силы взяли под свой контроль населенные пункты с турецким населением.

Переворот на Кипре и последовавшее вторжение на остров турецких войск поставили крест на хунте «черных полковников». 23 июля, в результате переворота в Греции было восстановлено демократическое правительство во главе с премьер-министром Константиносом Караманлисом. В середине августа 1974 г. новое правительство заявило о выходе Греции из военной структуры НАТО. К этому моменту турецкая армия расширила зону оккупации на Кипре и взяла под контроль около 40% территории. Ситуация стала еще более усугубляться после убийства 19 августа американского посла на Кипре Роджера Дэвиса. Предположительно он был застрелен греческими партизанами. Президент США Джеральд Форд, занявший этот пост всего за несколько дней до гибели посла, с пониманием отнесся к действиям турецкой стороны. В Вашингтоне ожидали, что если на Кипре продолжатся беспорядки, то Турция может оккупировать весь остров [33].

23 августа советское правительство выступило против оккупации турецкими войсками севера Кипра, потребовало немедленного их вывода и передачи решения кипрского вопроса на рассмотрение международной конференции. Турция проигнорировала этот демарш Москвы [34].

Ровно через месяц, после убийства посла, 19 сентября, Сенат США принял резолюцию, обязывавшую президента Форда прекратить поставки американского оружия в Турцию. Поводом для принятия резолюции стало использование новейшего американского оружия на Кипре, что прямо нарушало закон об иностранной помощи, принятый Конгрессом в 1961 г., который запрещал оказывать помощь любому государству, которое грубо нарушает международное право. По мнению сенаторов, осуществив вторжение на Кипр, Турция грубо нарушила взятые на себя обязательства и должна была быть наказана. Палата представителей поддержала сенаторов [35]. Однако президент Форд, опасаясь, что принятие этой резолюции приведет к ухудшению американо-турецких отношений и ослабит восточный фланг НАТО, воспользовался правом вето и 14 октября отклонил законопроект. В ответ Палата представителей 16 октября приняла еще одну резолюцию, которая прямо запрещала правительству США оказывать Турции любую военную помощь без согласования с Конгрессом [36]. Президент наложил вето и на этот законопроект. В итоге, опасаясь, что деятельность конгрессменов помешает переговорному процессу по Кипру, президент принял компромиссное решение. Он внес в законопроект поправки, приостанавливающие поставки оружия Турции до 10 декабря 1974 г. и прямо запрещающие применять американское оружие на Кипре [37].

В то время как Конгресс и президент скрещивали копыя, в турецкой газете «Хурриет» вышла статья, в которой говорилось, что по сведениям, полученным из официальных источников, турецкое правительство готово рассмотреть вопрос о закрытии американских военных баз на территории страны в случае, если США перестанут оказывать военную помощь. В начале ноября студенты Стамбульского университета вновь провели антиамериканскую демонстрацию, обвиняя правительство США в двуличной политике в отношении Турции и Кипра. Несмотря на это, 5 февраля американцы остановили военные поставки [38].

Реакция турецкого руководства последовала незамедлительно. 13 февраля 1975 г. лидер тюрк-киприотов Рауф Раиф Денкташ провозгласил создание Турецкого федеративного государства Северного Кипра. Это событие вызвало политический кризис в США. Палата представителей требовала от президента решительных действий в отношении Турции. Президент, не желавший терять стратегического союзника на Ближнем Востоке, был склонен к компромиссным решениям. Администрация президента попыталась надавить на конгрессменов. 15 июня 1975 г. Совет национальной безопасности постановил, что закон о запрете поставок в Турцию оружия является прямым нарушением соглашений США с этой страной. 11 июля комитет по внешним связям Палаты представителей согласился выделить Турции кредит в размере 184,9 млн долларов, но, несмотря на предупреждения администрации президента, что Анкара может в качестве ответной меры закрыть все американские военные базы на своей территории, эмбарго на продажу оружия не было снято [39]. Дальнейшее развитие событий показало, что в Белом доме не ошиблись относительно реакции Анкары. 25 июля турецкое правительство объявило о немедленном закрытии всех двадцати шести американских баз, за исключением базы Инджирлик, которую Турция разрешила использовать только для нужд НАТО. Помимо этого Турция приняла ряд мер. Во-первых, было официально заявлено, что даже в случае отмены со стороны США эмбарго на поставки оборудования и вооружений американские военные объекты на ее территории все равно будут закрыты. Во-вторых, представитель Турции в НАТО предупредил, что Турция может прекратить покупать американское оружие и найти альтернативный источник. В-третьих, Турция закрывала свои порты для американских военных судов всех классов и запрещала пролет американской авиации над своей территорией. (Последнее ограничение могло самым серьезным образом сказаться на американских планах в случае военного конфликта с СССР.) И в-четвертых, Турция отвергла запоздалое предложение военной помощи на сумму в 50 млн долларов в обмен на повторное открытие баз США. Президент Форд был раздосадован «безответственным и недальновидным» поведением Конгресса, занявшим «неконструктивную» позицию по турецкому вопросу. И президент и его советники отдавали себе отчет в том, что подобного рода действия усложняют и без того напряженные американо-турецкие отношения. И действительно, когда Форд отправился в Хельсинки, чтобы принять участие в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, он столкнулся с волной холода, которой его обдал турецкий премьер-министр Сулейман Демирель, очень быстро отменивший все запланированные встречи и вернувшийся в Анкару [40].

На турецкой территории располагались станции слежения за территорией СССР. В Вашингтоне отдавали себе отчет в том, что закрытие американских военных объектов в Турции может самым серьезным образом сказаться на соотношении сил в рамках противостояния США – СССР и НАТО – ОВД. Американцам было чего опасаться. Разочарование турецкого руководства действиями США было таким сильным, что предшественник Демиреля, Мустафа Бюлент Эджевит, находившийся в то время в оппозиции, советовал руководству страны выдворить американских военных с территории Турции и закрыть все военные объекты. Более того, он призывал пересмотреть внешнюю политику страны и выстраивать более тесные отношения с СССР и странами Восточной Европы. С учетом того, что в это время американо-советские отношения переживали период разрядки, у Вашингтона не было оснований упрекать турецкую сторону в улучшении отношений с Советским Союзом.

Таким образом, в результате событий, связанных с Кипром, американо-турецкие отношения оказались в глубоком кризисе, а стратегические позиции США в восточном Средиземноморье серьезно ослабли. Именно в этот период начали активно развиваться советско-турецкие отношения. В конце декабря 1975 г. на церемонию открытия Искендерунского металлургического комбината прибыл глава советского правительства А. Н. Косыгин. Во время этого визита была достигнута договоренность о подготовке политического документа по широкому спектру вопросов советско-турецких отношений [41]. При активной помощи СССР в Турции сооружалось более 20 промышленных и других объектов. Для того чтобы продемонстрировать Вашингтону, что Турция вправе проводить самостоятельную внешнюю политику, турецкие власти разрешили проход через Проливы советского подводного ракетного крейсера в сопровождении эсминца. В Вашингтоне это было воспринято как пощечина.

Президент Форд и его советники понимали, что необходимо срочно предпринять меры для нормализации американо-турецких отношений. Ключом к успеху являлось скорейшее разрешение Кипрского кризиса. Однако переговорный процесс затянулся на несколько лет. Несмотря на усилия, предпринимаемые Вашингтоном и ООН, Афины и Анкара не могли договориться друг с другом. Ситуация вокруг Кипра еще более накалилась, когда Рауф Денкташ был избран президентом Турецкого федеративного государства Кипр, которое немедленно было признано Турецкой Республикой.

К октябрю 1975 г. президенту Форду удалось убедить Конгресс изменить свое отношение к проблеме продажи оружия Турции. 3 октября 1975 г. Сенат США принял закон, отменяющий эмбарго. В тот же день президент Форд заявил, что США стремятся восстановить отношения с Турцией в сфере безопасности. В ответ глава турецкого правительства выразил удовлетворение в связи с решением американских законодателей, но предупредил, что для восстановления американских военных баз понадобится определенное время.

В декабре 1975 г. госсекретарь Г. Киссинджер и министр иностранных дел Турции Ихсан Сабри Чаглаянгиль обсудили возможность повторного открытия американских военных баз на территории Турции. Переговоры были продолжены в январе 1976 г. Они привели к подписанию в марте того же года американо-турецкого соглашения, в соответствии с которым Турция открывала все американские военные объекты на своей территории в обмен на 1 млрд долларов кредитов и инвестиций в турецкую экономику. Но, несмотря на восстановление отношений между Анкарой и Вашингтоном, до конца президентства Форда кипрская проблема так и не была решена. Тем не менее поставки американского оружия в Турцию в конце 1970-х гг. были возобновлены в полном объеме. Отчасти это было вызвано событиями в Иране, где в январе 1978 г. началась исламская революция, в результате которой позиции США на Ближнем и Среднем Востоке были серьезно ослаблены: Иран вышел из СЕНТО, а американские военные объекты в этой стране, в том числе центр радиоэлектронного слежения за советской территорией, были ликвидированы. Турция оставалась единственным союзником США на южных границах с СССР.

В процессе урегулирования кипрского конфликта американской дипломатии пришлось столкнуться с несколькими вызовами, для преодоления которых потребовались серьезные материальные затраты и масштабная политическая работа. Политика США развивалась по линии последовательной смены приоритетов: на начальной стадии развития конфликта главная задача Вашингтона заключалась в том, чтобы не допустить превращение Кипра в «остров свободы» в Восточном Средиземноморье; однако уже в середине 1960-х гг. на первое место вышло устранение угрозы ослабления или даже разрушения НАТО, поскольку в определенный момент конфликт Анкары и Афин казался непримиримым и грозил перерасти в полномасштабную войну между двумя членами Организации Североатлантического договора; в первой половине 1970-х гг. действия американской дипломатии в существенной степени мотивировались стремлением обеспечить стратегические интересы и геополитическое влияние США в регионе с учетом возобладавшего в тот момент курса на разрядку напряженности в американо-советских отношениях. На каждом из этапов американская дипломатия в целом справлялась с поставленными задачами. Однако после завершения холодной войны груз «кипрской истории» продолжал обременять внешнюю политику США: в американо-турецких отношениях регулярно проявляются следы «воспоминаний» о кризисных событиях, что служит одним из факторов переориентации политики Анкары внутри западного альянса, все чаще демонстрирующей намерения укреплять связи с ФРГ и Евросоюзом при очевидном дистанцировании от США.

Примечания

1. Энозис – союз, объединение, единство. Ирредентистское движение за воссоединение с исторической родиной, а также идейные и военные установки на присоединение к суверенной Греции в XIX–XX вв. в регионах с преобладающим греко-христианским населением, находящихся под управлением других государств (в первую очередь, Османской империи, позднее Турции, а также Великобритании, Италии, Болгарии, Албании и др.). Движение, с одной стороны, помогло возродить и сохранить греческий язык и греко-православную культуру на более или менее значительном пространстве, а с другой – привело к ряду неразрешённых конфликтов в регионе. В особенности на территории Республики Кипр.

2. *Lenczowski G. American Presidents and the Middle East. L., 1990. P. 92. McGhee G. The US-Turkish-NATO Middle East Connection. How the Truman Doctrine Contained the Soviets in the Middle East. N. Y., 1990. P. 162.*

3. Георгийос Гривас – политический деятель, борец за освобождение Кипра, руководитель Национальной организации освобождения Кипра – подпольной организации греков-киприотов, основанной в середине 1950-х гг., ставившей целью изгнать британцев и присоединить Кипр к Греции), генерал греческой армии.

4. Архиепископ Мака́рий (Мака́риос) – предстоятель автокефальной Кипрской православной церкви (1950–1977 гг.), избранный первым Президентом Республики Кипр (на посту в 1960–1977 гг.).

5. *Lenczowski G. Opt. cit. P. 93.*

6. *Ibidem. P. 93.*

7. *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P. 2.*

8. *Ibid. P. 3.*

9. *Lenczowski G. Opt. cit. P. 95.*

10. *Ball G. W. The Past Has Another Pattern: Memoirs. N. Y., 1982. P. 345.*

11. *Ball G.W.* Opt. cit. P. 345.
12. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P. 67–68.
13. *Harris G. S.* Troubled Alliance: Turkish-American Problems in Historical Perspective, 1945–1971. Wash., 1972. P.111.
14. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P.69–71.
15. *Harris G. S.* Opt. cit. P. 112.
16. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P.77.
17. *Ball G. W.* Opt. cit. P. 349.
18. *Harris G. S.* Opt. cit. P. 118.
19. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P. 87–88; 104–105.
20. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 99.
21. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P. 108–110.
22. Имеется в виду соглашение, подписанное в Лондоне и Цюрихе в 1959–1960 гг. между Республикой Кипр, Грецией, Турцией и Великобританией. Статья I запрещала Кипру участвовать в любом политическом или экономическом союзе с любым другим государством. Статья II обязывала подписавшие стороны гарантировать независимость, территориальную целостность и безопасность Кипра. Статья IV предоставляла право стране-гаранту принять меры, для восстановления положений, указанных в договоре. В 1974 г. Турция использовала этот договор в качестве оправдания своего вторжения на Кипр.
23. *Ball G. W.* Opt. cit. P. 350.
24. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P. 111.
25. *Harris G. S.* Opt. cit. P. 118.
26. *Ball G. W.* Opt. cit. P. 352–355.
27. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P. 133–134.
28. Текст письма см: *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 102.
29. Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P. 147–148; 152–159.
30. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 103.
31. *Еремеев Д. Е.* Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М., 2005. С. 170.
32. *Harris G. S.* Opt. cit. P. 123.
33. Foreign Relations of the United States, 1969–1976, Vol. XXX, Greece; Cyprus; Turkey 1973–1976. Wash. : USGPO, 2007. P. 456–462.
34. *Еремеев Д. Е.* Указ. соч. С. 176.
35. Congressional Record (далее – CR). Vol. 120. Part. 21. Wash., 1974. P. 28827–28828.
36. CR. Vol. 120. Part. 27–28. Wash., 1974. P. 35900–35901.
37. Foreign Relations of the United States, 1969–1976, Vol. XXX, Greece; Cyprus; Turkey 1973–1976. Wash. : USGPO, 2007. P. 698–699.
38. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 144.
39. Foreign Relations of the United States, 1969–1976, Vol. XXX, Greece; Cyprus; Turkey 1973–1976. Wash. : USGPO, 2007. P. 766.
40. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 145.
41. *Еремеев Д. Е.* Указ. соч. С. 182.

Notes

1. Enosis – Union, unity. Irredentist movement for reunification with their historical homeland, as well as the ideological and military installation to join the sovereign of Greece in XIX–XX centuries in regions with a predominantly Greek-Christian population under the control of other states (primarily the Ottoman Empire, later Turkey and the United Kingdom, Italy, Bulgaria, Albania, etc.). Movement, on the one hand, helped to revive and preserve the Greek language and Greek-Orthodox culture on a more or less considerable space, and on the other – has led to a number of unresolved conflicts in the region. Especially on the territory of the Republic of Cyprus.
2. *Lenczowski G.* American Presidents and the Middle East. L., 1990. P. 92. McGhee G. The US-Turkish-NATO Middle East Connection. How the Truman Doctrine Contained the Soviets in the Middle East. N. Y., 1990. P. 162.
3. Georgios Grivas – politician, a fighter for the liberation of Cyprus, head of the National organization for liberation of Cyprus – the underground organization of the Greek Cypriots, was founded in the mid 1950s, purposed to expel the British and to join Cyprus to Greece, general of the Greek army.
4. Archbishop Makarios (Makarios) is a Primate of the Autocephalous Cypriot Orthodox Church (1950-1977), was elected as the first President of the Republic of Cyprus (1960–1977).
5. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 93.
6. *Ibid.* P. 93.

7. Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. USGPO. 2000. P. 2.
8. Ibid. P. 3.
9. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 95.
10. *Ball G. W.* The Past Has Another Pattern: Memoirs. N. Y., 1982. P. 345.
11. *Ball G.W.* Opt. cit. P. 345.
12. Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. USGPO. 2000. Pp. 67-68.
13. *Harris G. S.* Troubled Alliance: Turkish-American Problems in Historical Perspective, 1945-1971. Wash. 1972. P.111.
14. Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. USGPO. 2000. Pp. 69-71.
15. *Harris G. S.* Opt. cit. P. 112.
16. Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P.77.
17. *Ball G. W.* Opt. cit. P. 349.
18. *Harris G. S.* Opt. cit. P. 118.
19. Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. Pp. 87-88; 104-105.
20. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 99.
21. Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. USGPO. 2000. Pp. 108-110.
22. This refers to the agreement signed in London and Zurich in 1959-1960 between the Republic of Cyprus, Greece, Turkey and Britain. Article I forbade Cyprus to participate in any political or economic Union with any other state. Article II obliges the signatory parties to guarantee the independence, territorial integrity and security of Cyprus. Article IV grants the right to the guarantor to take measures for the restoration of the provisions specified in the contract. In 1974, Turkey used the Treaty as justification for its invasion of Cyprus.
23. *Ball G. W.* Opt. cit. P. 350.
24. Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. : USGPO, 2000. P. 111.
25. *Harris G. S.* Opt. cit. P. 118.
26. *Ball G. W.* Opt. cit. Pp. 352-355.
27. Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. USGPO. 2000. Pp. 133-134.
28. The text of the letter see: *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 102.
29. Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XVI, Cyprus; Greece; Turkey. Wash. USGPO. 2000. Pp. 147-148; 152-159.
30. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 103.
31. D. E. Eremeev *Turciya v gody Vtoroj mirovoj i «holodnoj» vojn (1939-1990)* [Turkey in the Second world war and cold war (1939-1990)]. M. 2005. P. 170.
32. *Harris G. S.* Opt. cit. P. 123.
33. Foreign Relations of the United States, 1969-1976, Vol. XXX, Greece; Cyprus; Turkey, 1973-1976. Wash. USGPO. 2007. Pp. 456-462.
34. Eremeev D. E. Op. cit. P. 176.
35. Congressional Record (hereafter CR). Vol. 120. Part. 21. Wash. 1974. Pp. 28827-28828.
36. CR. Vol. 120. Part. 27-28. Wash. 1974. Pp. 35900-35901.
37. Foreign Relations of the United States, 1969-1976, Vol. XXX, Greece; Cyprus; Turkey, 1973-1976. Wash. USGPO. 2007. Pp. 698-699.
38. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 144.
39. Foreign Relations of the United States, 1969-1976, Vol. XXX, Greece; Cyprus; Turkey, 1973-1976. Wash. USGPO. 2007. P. 766.
40. *Lenczowski G.* Opt. cit. P. 145.
41. Eremeev D. E. Opt. cit. P. 182.

Участие США в ослаблении советского влияния в Восточной Европе в период президентства Р. Рейгана (1981–1989 гг.)*

Статья посвящена политике США в отношении Восточной Европы на завершающем этапе холодной войны. С завершением периода разрядки международной напряжённости большую роль в реализации стратегии Вашингтона стали играть инструменты невоенного воздействия – экономические, идеологические, информационные. Одним из главных элементов новой политики стала деятельность неправительственных организаций, через которые осуществлялось финансирование оппозиционных групп в социалистических странах. В наибольшей степени вмешательство США во внутренние дела социалистических стран проявилось в Польше, где власть столкнулась с масштабным оппозиционным движением, возглавленным профсоюзом «Солидарность». В статье обосновывается вывод о том, что комплексное использование Вашингтоном дестабилизирующих факторов способствовало обострению кризиса в странах Восточной Европы.

The article is devoted to the U.S. policy toward Eastern Europe in the final stage of the Cold War. At the end of the détente instruments of non-military influence (economic, ideological, information) became major instruments in the realization of U.S. strategy began to play. One of the main elements of the new policy was the non-governmental organizations, funding the activity of opposition groups in the socialist countries. At highest degree U.S. Intervention in the internal affairs of the socialist countries was shown in Poland, where the government faced with massive opposition movement headed by trade union "Solidarity". The article proves the conclusion that the integrated use of Washington's destabilizing factors contributed to the aggravation of the crisis in Eastern Europe.

Ключевые слова: холодная война, Восточная Европа, Р. Рейган, М. С. Горбачёв, неправительственные организации, «Солидарность», антикоммунизм.

Keywords: Cold War, Eastern Europe, R. Reagan, M. S. Gorbachev, non-governmental organization "Solidarity", anti-communism.

Одним из ключевых регионов, где сталкивались интересы СССР и США в годы холодной войны, была Восточная Европа. Уделяя ей первостепенное значение при разработке основ внешней политики, американские стратеги ставили задачу «сдерживания», а затем и «отбрасывания» коммунизма из этого региона с последующим полным его освобождением от советского влияния. Для достижения этой цели предполагалось использовать широкий спектр средств – от экономических санкций и радиопропаганды до поощрения различных «еретических версий» коммунизма наподобие «титоизма» и ведения подрывной деятельности в странах Восточной Европы. Уроки Венгерского восстания, Берлинского и Карибского кризисов заставили руководство противоборствующих сверхдержав проявлять большую осторожность и избегать открытых провокаций. В этих условиях возрастало значение факторов непрямого, несилового давления [1]. Это, в частности, выразилось в т. н. дифференцированной политике Вашингтона – выстраивании отношений с восточноевропейскими странами с учётом их политического курса в рамках Организации Варшавского договора и поощрении стран, стремящихся к независимости от Кремля.

Разрядка международных отношений в 1970-е гг. способствовала временному снижению советско-американской напряжённости, однако в начале 80-х гг. она вновь стала нарастать. Начало «второй (новой) холодной войны» было связано с событиями в Афганистане, Польше и с приходом к власти в США Рональда Рейгана [2]. Новый президент заявил о намерении начать «крестовый поход» против коммунизма и покончить с ним как с историческим недоразумением. Уже к концу десятилетия социалистическая система стала стремительно рушиться в Восточной Европе, а за этим последовал крах коммунизма и в Советском Союзе, который распался впоследствии на несколько независимых республик. Насколько эти события были связанными друг с другом – до сих пор является одним из дискуссионных вопросов.

Начало «новой холодной войны» пришлось на последние годы президентства Дж. Картера. Его именем была названа новая американская доктрина, провозглашённая 23 января 1980 г. в связи с вводом советских войск в Афганистан [3]. Однако в полной мере открытый антисоветский курс возродил новый президент Рональд Рейган (20 января 1981 г. – 20 января 1989 г.). В своих выступлениях он неоднократно делал довольно резкие выпады в адрес советской «империи зла»

и ставил амбициозные задачи. В мае 1981 г. президент заявил, что «Запад не будет сдерживать СССР, он будет трансформировать коммунизм... – эту причудливую главу в истории человечества...» [4].

В общем виде цели и задачи внешней политики США были сформулированы в ряде президентских директив, принятых Советом национальной безопасности [5].

В директиве NSDD-54 «Политика США в отношении Восточной Европы» от 2 сентября 1982 г. главной долгосрочной целью США в регионе называлось ослабление советского влияния и усиление влияния Запада [6]. В частности, это предполагало стимулирование развития либеральных и демократических тенденций, защиту прав и свобод человека, поощрение рыночных отношений, поддержку независимых от государства профсоюзов, меры по подрыву военного потенциала Организации Варшавского договора.

В политическом арсенале США имелись различные средства: дипломатические (от благоволения Вашингтона, например, во многом зависело принятие восточноевропейских стран в международные организации), экономические (ограничительные меры в области экспорта, предоставление или отказ от выдачи новых кредитов, предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле), культурные (программы научного, культурного и образовательного обмена).

На особом счету среди восточноевропейских стран стояла Югославия, которая не причислялась к советским сателлитам. Ей была посвящена директива NSDD-133 от 14 марта 1984 г. Федеративная республика рассматривалась как главное препятствие для советского экспансионизма в Южной Европе и как наглядный пример для остальных восточноевропейских стран, демонстрирующий преимущества независимой от Москвы политики и прозападной ориентации. Отсюда главной целью американской политики называлось поддержание независимой, экономически жизнеспособной и сильной в военном отношении Югославии. Вместе с тем была обозначена задача постепенной внутренней либерализации страны [7].

Политика в отношении СССР была обозначена в директиве NSDD-75 от 17 января 1983 г. [8] Главной угрозой международной безопасности в директиве назывался «советский империализм», и США должны были использовать все возможности для борьбы с ним как изнутри, так и снаружи. Это предполагало поощрение процессов демократизации во внутренней политике СССР и стимулирование отхода советских сателлитов от Москвы [9]. Восточная Европа (наряду с Афганистаном, Кубой и другими союзниками из «третьего мира») называлась одним из тех слабых мест советской системы, куда целесообразнее всего было наносить удары.

Среди инструментов воздействия на СССР и страны Варшавского договора особенно важное место занимала экономика. Весной 1982 г. специалистом по экономическим вопросам из Национальной разведки Морисом Эрнстом был подготовлен специальный меморандум под заголовком «Финансовые проблемы советского блока как источник западного влияния» [10]. В приведенном анализе отмечалось наличие глубоких финансово-экономических проблем в СССР и странах советского блока, обусловленных недостатками социалистической экономической модели, огромными валютными долгами, оторванностью от мирового рынка и другими причинами. В годы разрядки торговые связи между Востоком и Западом существенно расширились (табл. 1), в результате чего усилилась и зависимость социалистических стран от импорта продовольствия и высококачественного оборудования.

Таблица 1

«Доля импорта из развитых капиталистических стран в товарообороте стран советского блока» [11]

	Доля в общем объеме импорта (в %)	
	1970 г.	1980 г.
СССР	24	35,3
Польша	26	33,7
Восточная Германия	28	30,8
Румыния	40	33,3
Венгрия	27,1	30,3
Чехословакия	24,8	24
Болгария	19,3	17,7

В течение 1970-х гг. особенно сильно выросла зависимость социалистических стран от западных кредитов (табл. 2). Почти десятикратный рост внешнего государственного долга за десять лет поставил эти страны, особенно Польшу и Румынию, перед угрозой банкротства.

«Валовой внешний долг стран советского блока» в 1970 и 1980 гг. [12]

	Валовой долг в твёрдой валюте (млн долл.)	
	1970 г.	1980 г.
СССР	1800	18 300
Польша	1103	26 000
Восточная Германия	1416	14 500
Румыния	1639	10 700
Венгрия	601	8700
Чехословакия	564	4620
Болгария	681	2975
Суммарно:	7804	85 795

Данные обстоятельства, по мнению автора меморандума, давали Западу уникальную возможность усилить своё влияние на политическое развитие стран советского блока и через них оказать давление на СССР [13]. Такое воздействие могло быть оказано посредством предоставления или непредоставления социалистическим странам новых кредитов или рассрочкой уже взятых, по принципу «кнута и пряника». Ужесточение финансовой политики Запады могло вызвать дефолт восточноевропейских экономик и вынудить СССР взять на себя их дальнейшую поддержку, усилив его и без того чрезмерное бремя; с другой стороны, поощрение восточноевропейских стран (особенно Польши, Венгрии и Румынии) новыми кредитами могло способствовать усилению их независимости от Москвы. Таким образом, финансово-экономические манипуляции казались почти беспроигрышным средством. Существовала, однако, вероятность, что европейские партнёры США, имевшие тесные торговые связи с Востоком, могли воспротивиться участию в этих манипуляциях ради достижения целей Вашингтона, но и в этом М. Эрнст видел возможность организации политического торга между США и Европой [14]. Более опасной представлялась перспектива спровоцировать агрессивную ответную реакцию советского руководства и побудить его к расширению военных программ и объявлению моратория на все выплаты в пользу западных стран [15].

Помимо экономических рычагов Соединённые Штаты располагали и другими средствами ослабления советского влияния и пропаганды западных ценностей. Расширение культурных связей между капиталистическим и социалистическим миром в годы разрядки способствовало развитию туризма и обслуживающей сферы, ориентированной на иностранных гостей, что также способствовало своего рода демонстрации культурных достижений Запады. Проникновение западных ценностей, одежды, образа жизни по ту сторону «железного занавеса» также рассматривалось в меморандуме в качестве одного из факторов, способствовавших «коррозии коммунизма» [16].

Продолжали и расширяли деятельность в 1980-е гг. американские радиостанции – правительственный «Голос Америки», неправительственные «Радио Свободная Европа» и «Радио Свобода». О признании важности этого направления свидетельствовало увеличение его финансирования со стороны американского правительства и неправительственных организаций. Так, по сведениям, приводимым болгарским историком И. Боевым, с 1975 по 1985 г. расходы на функционирование РСЕ и РС выросли с 50 до 124 млн долл., а расходы на Американское информационное агентство (USIA) с 1983 до 1987 г. выросли с 545,4 млн до 887,9 млн долл. [17] О значимой роли западных радиостанций в поддержке диссидентского движения в Восточной Европе говорили и сами их «адресаты»: так, Лех Валенса признавал, что для него передачи РСЕ были «самым прекрасным подарком Запады» [18].

Советское руководство предпринимало меры по глушению «вражеских голосов», но к концу 1980-х гг. началась постепенная «легализация» наиболее умеренных из них. Ещё в сентябре 1986 г. в Политбюро выдвигались предложения прекратить глушение таких радиостанций, как «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Радио Пекин», «Радио Корея», и перенаправить высвободившиеся ресурсы на усиление подавления РС, РСЕ, «Дойчевелле» и «Коль Исраэль» [19]. Аналогичные решения принимались и в республиках Восточной Европы. Таким образом, возможности Вашингтона транслировать свои пропагандистские материалы населению социалистических стран по официальным каналам расширялись.

С целью усиления невоенного давления на СССР Рейган в 1983 г. выдвинул перед Конгрессом план создания ряда неправительственных организаций (НПО) с задачей продвижения демократических ценностей и поддержки прав человека (т. н. проект «Демократия»). В 1983 г. было

создано несколько новых организаций, формально не зависевших от правительства США, хотя и частично финансировавшихся за его счёт [20] (в этой связи их иногда причисляли к числу QUANGO – квазинеправительственных организаций).

Одной из главных НПО стал «Национальный фонд в поддержку демократии» (NED, National Endowment for Democracy), целью которого стало распространение либеральных и демократических идей во всём мире, «открытие» «закрытых» обществ, к которым причислялись СССР и его союзники.

Средства Национального фонда демократии, получаемые от Конгресса, АМР США и частных фондов, перенаправлялись в свою очередь в пользу других фондов и организаций, среди которых крупнейшими были:

- Международный комитет спасения (International Rescue Committee, IRC) и Институт свободных профсоюзов (Free Trade Union Institute, FTUI) – по поддержке профсоюзного движения;
- Центр международного частного предпринимательства (Center for International Private Enterprise, CIPE) – по развитию рыночных реформ и частного бизнеса;
- НПО «Фридомхаус» (Freedom House) – по поддержке независимой прессы;
- Национальный демократический институт (National Democratic Institute, NDI) и Международный республиканский институт (International Republican Institute, IRI) – по проведению исследований в области демократии и поддержке оппозиционных деятелей.

Вновь принятые администрацией Рейгана политические установки и созданные организации получили применение на практике в связи с событиями в Польше 1980-х гг. В августе 1980 г. началась забастовка на судовой верфи в Гданьске, вынудившая польские власти пойти на уступки и легализовать оппозиционный профсоюз «Солидарность». Забастовочное движение, однако, получило новый импульс, и 13 декабря 1981 г. председатель Совета министров ПНР В. Ярузельский объявил в стране военное положение, после чего начались массовые аресты оппозиции.

Американская реакция последовала весьма скоро. Недавно вступивший в должность Рейган весной 1981 г. направил советскому руководству предостережение о том, что Вашингтон не потерпит военного вторжения в Польшу, как это было в Венгрии и Чехословакии [21]. С этого времени вмешательство в польские события стало одним из ключевых направлений политики США по подрыву позиций советского блока наряду с поддержкой афганских моджахедов и манипуляциями на нефтяном рынке [22].

В принятой в мае 1982 г. директиве NSDD-32 «Стратегия национальной безопасности США» одной из главных целей Вашингтона провозглашалась дестабилизация польского правительства и поддержка оппозиционных коммунистических сил [23].

В октябре 1982 г. с Польской Народной Республики был снят режим наибольшего благоприятствования в торговле с США, помимо этого на неё был наложен ряд экономических санкций. Был ограничен экспорт польских товаров, польским судам было запрещено вести рыболовство в американских водах, приостановлено действие привилегий в области гражданской авиации. Торговый оборот между Польшей и США упал с 7,5 млрд долл. в 1980 г. до 1 млрд долл. в 1983 г. [24] Поскольку в торговом отношении ПНР среди прочих восточноевропейских стран была наиболее тесно связана со странами Запада, то сокращение этих связей оказалось для неё особенно болезненным.

Параллельно с этим началось финансирование «демократического движения» в Польше со стороны ряда американских НПО, частных лиц, правительственных агентств. Среди отправителей средств на поддержку польской оппозиции в документах и исследованиях фигурировали, в частности, Агентство США по международному развитию, Коммерческая палата США, Сенат Конгресса США, Американская федерация труда, Национальный фонд в поддержку демократии, «Фридомхаус», бизнесмен Дж. Сорос и шеф ЦРУ У. Кейси (пожертвовавший 50 тыс. долл. как частное лицо) [25].

Общая сумма денежных перечислений в пользу оппозиции не поддаётся точному учёту ввиду множественности каналов и их засекреченности. В связи с этим исследователи называют разные цифры, но в основном сходятся во мнении, что общая сумма средств, выделенных в 1980-е гг., составила около 30–50 млн долл. [26]

Выделенные средства направлялись, прежде всего, «Солидарности» и её заграничным комитетам в Чикаго и Брюсселе и предназначались для оказания материальной помощи участникам забастовочного движения и их семьям, поддержки политических заключённых, публикации и распространения подпольной прессы (в частности, газеты «Tygodnik Mazowsze», имевшей тираж в 70–80 тыс. экземпляров) [27] и пр.

К польской кампании была привлечена и католическая церковь, тем более, что в Польше она традиционно имела сильное влияние, а папой римским с 1978 г. был Иоанн Павел II, поляк по

происхождению (Кароль Юзеф Войтыла). Ватикан стал не только идейным вдохновителем польских оппозиционеров, но и одним из каналов поставки материальных средств и оборудования для них. Исследователь П. Кенгор назвал «монументальной» роль папы римского в польских событиях и указывал на его связи с бывшим советником президента Картера Збигневом Бжезинским, однако подробностей участия понтифика не раскрывает [28].

Кенгор и Гейтс, опять же не углубляясь в детали, писали об участии ЦРУ в информационной поддержке польского подполья, публикации фактов подавления прав человека в ПНР [29]. Техническая поддержка со стороны западных спецслужб позволяла подпольным группам производить вторжения в теле- и радиоэфир с лозунгами, призывающими к сопротивлению коммунистам и сплочению вокруг «Солидарности». Так, например, накануне визита папы римского в июне 1987 г. в вечернем телеэфире прозвучал призыв к участию в народных демонстрациях. В мае 1987 г. начало работу «Радио Солидарность», спонсировавшееся Западом, а в октябре 1988 г. ЦРУ организовало первую спутниковую телепередачу в Польшу об освещении польских рабочих выступлений в западноевропейских СМИ [30].

Не меньшее значение имела моральная поддержка со стороны США, которая демонстрировала одобрение Западом действий польской оппозиции и вдохновляла её на продолжение борьбы. Свидетельством этой поддержки стали участвовавшие визиты американских политиков в ПНР. По словам Р. Тиеля, в 1986–1990 гг. почти «две трети Сената посетило Польшу» и установилась прочная традиция приёма оппозиционеров в американском посольстве в Варшаве [31].

Комплексное финансовое, экономическое и информационное давление со стороны Запада стало важным фактором, переломившим ситуацию в Польше в пользу «Солидарности». Ещё в июле 1983 г. был снят режим военного положения, а в феврале 1989 г. руководство ПНР согласилось на организацию «круглого стола» с представителями оппозиции. Эти переговоры в конечном итоге привели к падению власти коммунистов и избранию на свободных демократических выборах Валенсы президентом Польской Республики.

Несмотря на то, что основные усилия американской политики были сосредоточены на Польше, другие страны Восточной Европы также не оставались без внимания. Финансовые отчёты НФД (табл. 3), в частности, свидетельствуют о выделении неправительственными организациями средств на поддержку диссидентов (например, правозащитного движения «Хартия 77» в Чехословакии) и деятелей «независимой культуры» в социалистических странах, публикацию подпольных новостных изданий, распространение информации о рабочем движении в советском лагере и т. д.

Таблица 3

Финансирование через «Национальный фонд в поддержку демократии» (при поддержке АМР США и других организаций) проектов в отношении восточноевропейских стран (не считая общерегиональных программ) в 1984–1989 гг., в тыс. долл. США

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	Итого по странам
Польша	187,8	606	934,7	1920,7	1955	3329,8	8934
Чехословакия	–	30	147,7	163,3	361	217,5	919,5
Венгрия	–	–	55	16,5	71,5	468,1	611,1
Румыния	–	–	–	35	50	50,5	135,5
Югославия	–	–	–	–	20	35	55
Болгария	–	–	–	–	–	–	–
Албания	–	–	–	–	–	–	–
Итого по годам	187,8	636	1137,5	2135,5	2457,5	4100,9	10655,2

Для давления на коммунистические правительства в рамках борьбы за права человека был задействован национальный вопрос. Американское руководство акцентировало внимание на фактах ущемления прав национальных меньшинств, в частности венгерского в Румынии и турецкого в Болгарии, выдвигая исправление этноконфессиональной политики в качестве необходимого условия продолжения нормальных дипломатических отношений и продления экономических преференций. Так, в 1987 г. нарушение прав венгерского меньшинства стало предлогом для лишения Румынии режима наибольшего благоприятствования в торговле с США [32].

Упадку коммунистического влияния в странах Восточной Европы в немалой степени способствовали и политические пертурбации в СССР. Смерть Л. И. Брежнева (10 ноября 1982 г.),

кратковременное правление Ю. В. Андропова (до 9 февраля 1984 г.) и К. У. Черненко (до 10 марта 1985 г.) ослабляли контроль Кремля над событиями в Восточной Европе. В ещё большей степени этому способствовал приход к власти М. С. Горбачёва, приверженца «нового политического мышления», считавшего необходимым отказаться от «доктрины Брежнева» в отношении стран Варшавского договора и дать им большую самостоятельность.

Опасные тенденции в социально-экономическом и политическом развитии восточноевропейских государств и в их отношениях с СССР и Западом не остались незамеченными советскими аналитиками и руководством. На заседании Политбюро в марте 1988 г. Горбачёв отметил растущее значение западных товаров для Восточной Европы и упадок значения СССР как торгового партнёра [33]. Не единичными были предсказания скорого экономического коллапса социалистических стран. Видный экономист Р. А. Белоусов, в частности, предсказывал наступление такого коллапса на 1989–1990 гг. [34]

Развёрнутый анализ ситуации в советском блоке был подготовлен в феврале 1989 г. комиссией Богомолова для Александра Яковлева – члена Политбюро ЦК КПСС и главного советника по вопросам внешней политики Горбачёва [35]. В отчёте констатировалось наличие множества проблем, с которыми столкнулись правящие режимы соцстран. Перед ГДР и Чехословакией остро стояла проблема дефицита товаров и возросшего государственного долга, Польша и Югославия стояли на пороге экономического коллапса [36]. Повсеместно наблюдалось ослабление позиций компартий вследствие падения доверия к ним со стороны населения. Аналитиками признавалось, что принесённая в страны Восточной Европы после Второй мировой войны социально-экономическая система испытывала «недостаток легитимности» и была неспособна дать адекватный ответ на вызовы научно-технической революции [37]. На этом фоне усилились прозападные тенденции в регионе, восточноевропейские страны оказались в «сильнейшем магнитном поле экономического роста и социального благосостояния западноевропейских государств» [38].

В представленном анализе высказывалось предположение, что негативные процессы в советском блоке уже приобрели необратимый характер и могли привести к скорому крушению социалистической идеи [39]. Военное вторжение СССР в соседние страны для поддержания своего влияния признавалось недопустимым, поскольку это положило бы конец «перестройке», привело бы к потере доверия со стороны мирового сообщества и могло привести к вооружённым столкновениям с местным населением. Вместо этого выдвигались идеи «финляндизации» Восточной Европы и превращения её в «мост» между западным миром и Советским Союзом.

В условиях упадка советского влияния советские аналитики уповали на благоразумие восточноевропейских и американских политиков. Предполагалось, что даже в случае отказа от социалистической идеи страны Варшавского договора будут придерживаться союза с СССР: «Польша определённо не пойдёт на выход из ОВД, поскольку это противоречит её национально-государственным, геополитическим интересам. Венгрия также вряд ли поставит этот вопрос в обозримом будущем... Не поставит вопроса о выходе из ОВД и ГДР...». Отмечалось, что с Болгарией и Чехословакией такой вариант также был маловероятен [40]. Высказывалось предположение, что ответственные круги в США, в свою очередь, поймут, что, сотрудничая с реформаторскими кругами в СССР и Восточной Европе, они смогут добиться большего, чем пытаются «вырвать» отдельные страны из советской сферы влияния [41].

Авторами анализа делалось оптимистическое заключение, что обострившиеся проблемы советского блока были неизбежным следствием переходного периода, за которым должна была последовать стабилизация и приведение целей СССР в соответствие с его возможностями. Также ожидалось, что политика невмешательства в восточноевропейские дела будет способствовать укреплению престижа СССР и подтолкнёт США к ответным уступкам: «Отказ от диктата в отношении социалистических стран создаст более благоприятный образ СССР у общественности этих стран и во всём мире, побудит США к более серьёзной коррекции своей внешней политики по отношению к Восточной Европе» [42]. Итоговый вывод сводился к нереалистичному прогнозу: «Дальнейшее постепенное сокращение нашего присутствия в Восточной Европе по нашей инициативе... создаст там благоприятные условия для демилитаризации Центральной Европы и возможной её нейтрализации, уменьшения американского присутствия на европейском континенте» [43].

Оценка событий в Восточной Европе американскими экспертами была неоднозначной. В их докладах прослеживались идеи, схожие с теми, что содержались в вышеприведённых советских документах, в частности относительно глубокого кризиса стран советского блока, высокой вероятности политического взрыва в Польше и Венгрии [44], невозможности военного вмешательства СССР [45]. В то же время в Вашингтоне с известной долей опасения следили за трансформацией советской политики, видя в ней опасную уловку, направленную на ослабление бдительности западных держав. В докладе ЦРУ от 11 апреля 1989 г. высказывалось предостережение, что на фоне новой «разрядки»

сплочённость НАТО может снизиться быстрее, чем в ОВД, и советская сторона может воспользоваться этим обстоятельством в своих целях. СССР по-прежнему назывался главным противником Запада [46], и потому с ответными уступками американцы явно не торопились.

Несмотря на то, что Рейган внёс большой вклад в ускорение процессов децентрализации советского блока, сам он немного не успел застать в прежней должности кульминационный момент – начало антикоммунистических революций в конце 1989 г. Пожинать плоды «осени народов» [47] довелось уже новому президенту – Джорджу Бушу-старшему, официально вступившему в должность 20 января 1989 г. Тем не менее в памяти восточноевропейских народов прочно утвердился образ «дядюшки Рейгана» [48] как неистового борца с коммунизмом, нанесшего советской «империи зла» непоправимый удар. Об этом писали и говорили многие современники и участники событий. Кенгор приводит слова бывшего высококорангового сотрудника польского МВД Г. Пьецуха: «Рональд Рейган некоторыми в нашей стране, особенно в низах “Солидарности”, считался богом» [49]. Другие слова принадлежали Леху Валенсе: «Мы стояли по обе стороны искусственно возведённой стены. “Солидарность” ломала эту стену с восточной стороны, а на западной стороне это делал ты [Рейган]», «Мы, поляки, обязаны ему свободой» [50]. Образ 40-го президента США как один из символов победы Запада в холодной войне до сих пор пользуется популярностью, о чём говорит открытие памятников в его честь и присвоение его имени некоторым городским топонимам в Восточной Европе [51].

В исторической литературе существуют различные оценки вклада Рейгана в ликвидацию коммунизма и выведение Восточной Европы из-под советского влияния [52]. Представители «триумфалистского» направления (П. Швейцер, Р. Гейтс, Дж. Гэддис) напрямую связывали крах советской системы с внешнеполитическими усилиями США. По мнению известного историка польского происхождения Ричарда Пайпса, Рейган в начале 1980-х гг. проявил «гораздо более глубокое понимание» ситуации в Польше, в отличие от скептиков из Госдепартамента, готовых было списать эту страну со счетов; и в результате именно поддержка Вашингтона помогла «Солидарности» выжить и впоследствии одержать верх над коммунистами [53]. С этим мнением соглашались и другие исследователи [54].

Согласно другой версии, Рейгану лишь посчастливилось занимать президентское кресло в Белом доме в то время, когда в Восточной Европе обострился кризис, вызванный внутренними причинами, а в Кремле у власти находился миротворец Горбачёв [55]. Дж. Домбер отмечал, что решающую роль в революциях играли внутренние факторы: в частности, «Солидарность» выросла не из американской помощи, а из собственных корней, питавшихся выступлениями рабочих в Познани 1956 г., Гданьске 1970 г., Радоме 1976 г. [56]

Обе точки зрения не являются полностью взаимоисключающими. Помощь рейгановской администрации антикоммунистическим силам в Восточной Европе легла на благоприятную почву, уже подготовленную как внутренним оппозиционным движением, так и предшествовавшей политикой США. В то же время вмешательство внешних сил сыграло важную роль в поддержке оппозиции в критический период и в значительной степени ускорило падение коммунистических режимов. Степень такого вмешательства была разной в каждой отдельной стране, наибольшие усилия Вашингтона были сосредоточены на Польше, в гораздо меньшей степени – на остальных странах Варшавского договора. Тем не менее польский пример воодушевил оппозиционные силы во всей Восточной Европе, спровоцировал цепную реакцию, благодаря которой США смогли добиться своих целей и при меньших вложениях сил и средств.

Примечания

1. И. Л. Шейдина приводит свой вариант классификации типов внешнеполитического воздействия, выделяя среди них военное, экономическое, политико-дипломатическое, идеологическое, физическое невоенное (в частности, посредством воздействия на природную среду), культурно-психологическое. См.: Шейдина И. Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. М.: Наука, 1984. С. 21–22.

2. Рональд Рейган (1911–2004) – губернатор Калифорнии в 1967–1975 гг., сороковой президент США с 20 января 1981 г. по 20 января 1989 гг.

3. Суть доктрины была изложена Картером на заседании Конгресса 23 января 1980 г.: «Советский Союз должен заплатить за свою агрессию конкретную цену. В условиях продолжения этого вторжения мы и другие государства мира не можем продолжать вести дела с Советским Союзом как прежде. ...Советский Союз должен осознать, что его решение прибегнуть к военной силе в Афганистане подорвет все ценимые им политические и экономические взаимоотношения. ...Пусть наша позиция будет абсолютно ясна всем: попытка внешней силы овладеть контролем над Персидским заливом будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено всеми необходимыми средствами, включая военную силу». Доктрина Картера // История США в документах. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/doktrina-kartera.php>

4. Fischer B. A. U. S. Foreign Policy under Reagan and Bush // The Cambridge History of the Cold War. Vol. III / ed. by M. P. Leffler, O. A. Westad. Cambridge, 2010. P. 269–270; Nau H. R. Conservative Internationalism: Armed Diplomacy under Jefferson, Polk, Truman, and Reagan. Princeton, 2013. P. 176.
5. Совет национальной безопасности – консультативный орган при президенте США, куда входили его ближайшие советники, руководители разведывательных и военных структур, Госдепартамента.
6. National Security Decision Directive 54. United States Policy toward Eastern Europe. September 2, 1982. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf>
7. National Security Decision Directive 133. United States Policy toward Yugoslavia. March 19, 1984. URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm>
8. National Security Decision Directive 75. U.S. Relations with USSR. January 17, 1983. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-75.pdf>
9. Ibid. P. 4.
10. The Soviet Bloc Financial Problem as a Source of Western Influence. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0000273390>
11. Ibid. P. 7.
12. Ibid. P. 1.
13. Ibid. P. 5.
14. Ibid. P. IV, 9–11.
15. Ibid. P. 7.
16. Bideleux R., Jeffries I. A History of Eastern Europe Crisis and Change. Routledge, 2007. P. 513.
17. Боев И. Политиката на САЩ на Балканите 1975–1985. София : Партиздат, 1988. С. 141.
18. Kengor P. The Crusader: Ronald Reagan and the Fall of Communism. N. Y., 2006. P. 289.
19. Memorandum to the CC CPSU of Ye. Ligachev and V. Chebrikov, 25 September 1986. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121556>.
20. Система организации помощи иностранным государствам была реорганизована в США после принятия в 1961 г. Акта о зарубежной поддержке и создания централизованного Агентства США по международному развитию (АМР США) (United States Agency for International Development, USAID). Через этот орган американское правительство помимо прочего выделяло средства на финансирование номинально независимых НПО.
21. President Ronald Reagan. "President Reagan Discusses the crisis in Poland" // Making the History of 1989. Item #58. URL: <https://chnm.gmu.edu/1989/items/show/58>
22. Швейцер П. Указ. соч. С. 6.
23. National Security Decision Directive 32. U.S. National Security Strategy. May 20, 1982.
24. Thiel R. Nested Games of External Democracy Promotion: The United Nation and the Polish Liberalization 1980–1989. VS Verlag, 2010. P. 217, 219–220.
25. Kengor P. Op. cit. P. 289; Sussman G., Krader S. Template Revolutions: Marketing U. S. Regime Change in Eastern Europe // Westminster Papers in Communism and Culture. 2008. Vol. 5(3). P. 93.
26. Kengor P. Op. cit. P. 288; Thiel R. Op. cit. P. 198.
27. Kengor P. Op. cit. P. 288
28. Ibid. P. 290.
29. Kengor P. Op. cit. P. 288; Gates R. M. From the Shadows: The Ultimate Insider's story of Five Presidents and How they won the Cold War. N. Y. : Simon and Schuster, 1997. P. 450.
30. Gates R. M. Op. cit. P. 451.
31. Thiel R. Op. cit. P. 208.
32. Белевцева С. Н. Позиция Конгресса и президента США в отношении «Особого курса» Румынии во второй половине 1980-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4. С. 120.
33. Mikhail Gorbachev. "Gorbachev Discusses the Impact of Western Goods in the Eastern Bloc" // Making the History of 1989. Item # 152. URL: <https://chnm.gmu.edu/1989/items/show/152>
34. Service R. The End of the Cold War: 1985–1991. N. Y., 2015. P. 316.
35. К стратегии отношений с европейскими социалистическими странами. URL: http://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastEurope89/1989.02.00%20Strategy%20of%20relations%20with%20Eastern%20Europe.pdf; Перемены в Восточной Европе и их влияние на СССР. URL: http://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastEurope89/1989.02.00%20Changes%20in%20Eastern%20Europe.pdf
36. Перемены в Восточной Европе... С. 1.
37. Там же. С. 1, 2, 30.
38. Там же. С. 2.
39. Там же. С. 1.
40. Там же. С. 23.
41. Там же. С. 22.
42. Там же. С. 24.
43. Там же. С. 28–29.
44. Soviet Policy Toward Eastern Europe Under Gorbachev. National Intelligence Estimate. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/at-cold-wars-end-us-intelligence-on-the-soviet-union-and-eastern-europe-1989-1991/16526pdffiles/NIE1112-9-88.pdf>; Gates R. M. Op. cit. P. 464.

45. National Intelligence Council. "CIA National Intelligence Estimate – Soviet Policy Towards the West: The Gorbachev Challenge" // Making the History of 1989. Item #349. URL: <https://chnm.gmu.edu/1989/items/show/349>. С. 4.(122).

46. Ibid.

47. «Осенью народов» называют события рубежа 1980-х – 1990-х гг., связанные с ликвидацией монополии коммунистических партий на власть в странах Восточной Европы и установление в них демократических правительств.

48. Kengor P. Op. cit. P. 290.

49. Ibidem. P. 290.

50. Ibid. P. 290–291.

51. В 2005 г., через год после смерти Рейгана, в его честь был установлен памятник в Будапеште. В 2011 г., по случаю столетия со дня рождения Рейгана, ему были установлены памятники в Варшаве и Тбилиси, одна из пражских улиц была названа в честь президента. В 2012 г. был открыт памятник, посвящённый Рейгану и Иоанну Павлу II в Гданьске.

52. Бредихин А. В., Крысенко Д. С. Эволюция политики США относительно СССР в период администрации Р. Рейгана (1981–1989) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2015. № 2(56). С. 111.

53. Цит. по: Kengor P. Op. cit. P. 289.

54. Knott S. F., Chidester J. L. The Reagan Years. Checkmark Books, 2005. P. 72.

55. Thiel R. Op. cit. P. 271–272.

56. Domber G. F. Emigre Networks, the National Endowment for Democracy and American Support to Solidarnosc. Miami : University of North Florida, 2009. P. 13.

Notes

1. I. L. Sheydina offeres her variant of classification of types of foreign policy impact, highlighting among them the military, economic, political-diplomatic, ideological, physical non-military (particularly by the impact on the natural environment), cultural and psychological. See: I. L. Sheydina *Nevoennye faktory sily vo vneshnej politike SSHA* [Non-military power factors in US foreign policy]. M. Nauka. 1984. Pp. 21-22.

2. Ronald Reagan (1911-2004) – Governor of California, 1967-1975., fortieth President of the United States from 20 January 1981 to 20 January 1989.

3. The essence of the doctrine was expressed at the meeting of the Congress by Carter on the 23 Jan 1980: "The Soviet Union must pay for its aggression a specific price. In terms of the continuation of this invasion, we and other nations of the world can not continue to do business with the Soviet Union as before. ...The Soviet Union must realize that its decision to resort to military force in Afghanistan will undermine all appreciated by them political and economic relations. ...Let our position be absolutely clear: an attempt by external forces to seize control of the Persian Gulf will be regarded as an assault on the vital interests of the United States of America and such an assault will be repelled by any necessary means, including military force." *Doktrina Kartera – Carter doctrine // Istoriya SSHA v dokumentah – History of the United States in documents*. Available at: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/doktrina-kartera.php>

4. Fischer B. A. U. S. Foreign Policy under Reagan and Bush // The Cambridge History of the Cold War. Vol. III / ed. by M. P. Leffler, O. A. Westad. Cambridge, 2010. P. 269–270; Nau H. R. Conservative Internationalism: Armed Diplomacy under Jefferson, Polk, Truman, and Reagan. Princeton, 2013. P. 176.

5. The National Security Council is an advisory body under the President of the United States, which included his closest advisers, heads of military and intelligence agencies, and the state Department.

6. National Security Decision Directive 54. United States Policy toward Eastern Europe. September 2, 1982. Available at: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf>

7. National Security Decision Directive 133. United States Policy toward Yugoslavia. March 19, 1984. Available at: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm>

8. National Security Decision Directive 75. U.S. Relations with USSR. January 17, 1983. Available at: <https://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-75.pdf>

9. Ibid. P. 4.

10. The Soviet Bloc Financial Problem as a Source of Western Influence. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0000273390>

11. Ibid. P. 7.

12. Ibid. P. 1.

13. Ibid. P. 5.

14. Ibid. P. IV, 9–11.

15. Ibid. P. 7.

16. Bideleux R., Jeffries I. A History of Eastern Europe Crisis and Change. Routledge, 2007. P. 513.

17. I. Воев. Политиката на САЩ на Балканите 1975–1985. Sofia. Partizdat. 1988. P.141.

18. Kengor P. The Crusader: Ronald Reagan and the Fall of Communism. N. Y., 2006. P. 289.

19. Memorandum to the CC CPSU of Ye. Ligachev and V. Chebrikov, 25 September 1986. Available at: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121556>.

20. The system of organization of aid to foreign countries was reorganized in the United States after the adoption in 1961 of the Act on foreign support and the creation of a centralized U.S. Agency for international devel-

opment (USAID) (United States Agency for international development, USAID). Through this body, among other things, the US government has allocated funding nominally independent NGOs.

21. President Ronald Reagan. "President Reagan Discusses the crisis in Poland" // Making the History of 1989. Item #58. Available at: <https://chnm.gmu.edu/1989/items/show/58>

22. Schweitzer P. Op. cit. P. 6.

23. National Security Decision Directive 32. U.S. National Security Strategy. May 20, 1982.

24. Thiel R. Nested Games of External Democracy Promotion: The United Nation and the Polish Liberalization 1980–1989. VS Verlag, 2010. P. 217, 219–220.

25. Kengor P. Op. cit. P. 289; Sussman G., Krader S. Template Revolutions: Marketing U. S. Regime Change in Eastern Europe // Westminster Papers in Communism and Culture. 2008. Vol. 5(3). P. 93.

26. Kengor P. Op. cit. P. 288; Thiel R. Op. cit. P. 198.

27. Kengor P. Op. cit. P. 288

28. Ibid. P. 290.

29. Kengor P. Op. cit. P. 288; Gates R. M. From the Shadows: The Ultimate Insider's story of Five Presidents and How they won the Cold War. N. Y. : Simon and Schuster, 1997. P. 450.

30. Gates R. M. Op. cit. P. 451.

31. Thiel R. Op. cit. P. 208.

32. Belevtseva S. N. *Poziciya Kongressa i prezidenta SSHA v otnoshenii «Osobogo kursa» Rumynii vo vtoroj polovine 1980-h gg.* [The position of the U.S. Congress against the President and the "Special rate" of Romania in the second half of the 1980s] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2012, No. 4, p. 120.

33. Mikhail Gorbachev. "Gorbachev Discusses the Impact of Western Goods in the Eastern Bloc" // Making the History of 1989. Item # 152. Available at: <https://chnm.gmu.edu/1989/items/show/152>

34. Service R. The End of the Cold War: 1985–1991. N. Y. 2015. P. 316.

35. *K strategii otnoshenij s evropejskimi socialisticheskimi stranami* – To the strategy of relations with European socialist countries. Available at: http://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastEurope89/1989.02.00%20Strategy%20of%20relations%20with%20Eastern%20Europe.pdf; The changes in Eastern Europe and their impact on the Soviet Union. Available at: http://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastEurope89/1989.02.00%20Changes%20in%20Eastern%20Europe.pdf

36. *Peremeny v Vostochnoj Evrope...* The changes in Eastern Europe... P. 1.

37. Ibid. Pp. 1, 2, 30.

38. Ibid. P.2.

39. Ibid. P. 1.

40. Ibid. P. 23.

41. Ibid. P. 22.

42. Ibid. P.24.

43. Ibid. Pp. 28-29.

44. Soviet Policy Toward Eastern Europe Under Gorbachev. National Intelligence Estimate. Available at: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/at-cold-wars-end-us-intelligence-on-the-soviet-union-and-eastern-europe-1989-1991/16526pdf/files/NIE1112-9-88.pdf>; Gates R. M. Op. cit. P. 464.

45. National Intelligence Council. "CIA National Intelligence Estimate – Soviet Policy Towards the West: The Gorbachev Challenge" // Making the History of 1989. Item #349. Available at: <https://chnm.gmu.edu/1989/items/show/349>. C. 4.(122).

46. Ibid.

47. "Autumn of Nations" is called the events of the 1980s – 1990s associated with the elimination of the monopoly of the Communist parties in power in Eastern Europe and the establishment in them of democratic governments.

48. Kengor P. Op. cit. P. 290.

49. Ibid. P. 290.

50. Ibid. Pp. 290-291.

51. In 2005, a year after Reagan's death, in his honor, a monument was erected in Budapest. In 2011, on the occasion of the centenary of the birth of Reagan, monuments in honor of him were installed in Warsaw and Tbilisi, one of Prague's streets was named in honor of the President. In 2012 was opened the monument dedicated to the Reagan and John Paul II in Gdansk.

52. Bredikhin A. V., Krysenko D. S. *EHvoluciya politiki SSHA otnositel'no SSSR v period administracii R. Rejgana (1981–1989)* [The evolution of U.S. policy concerning the USSR during the administration of Ronald Reagan (1981-1989)] // *ZHurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnyh issledovanij* – Historical, political science and international studies. 2015, No. 2(56), p. 111.

53. Cit. by: Kengor P. Op. cit. P. 289.

54. Knott S. F., Chidester J. L. The Reagan Years. Checkmark Books, 2005. P. 72.

55. Thiel R. Op. cit. P. 271–272.

56. Domber G. F. Emigre Networks, the National Endowment for Democracy and American Support to Solidarnosc. Miami. University of North Florida. 2009. P. 13.

Союзники и/или враги?: городские корпорации «Малой России» и процесс интеграции региона в состав Российского государства (1654–1669 гг.)*

Автор анализирует влияние политической активности городских корпораций, самоуправлявшихся по Магдебургскому праву, на российское военно-административное присутствие и процесс интеграции «Малой России» в состав России в 1654–1669 гг. Автор показывает, что, с одной стороны, политическая активность городских корпораций способствовала укреплению царской власти и, соответственно, разрушению казацкого проекта государственности. С другой стороны, в результате их действий, направленных на получение как можно большего количества налоговых привилегий, произошло сужение российского присутствия в регионе (после 1668 г.) и отказ от проведения налоговой реформы (вплоть до 1722 г.).

The author analyzes the impact of the political activity of municipal corporations, self-managed by the Magdeburg law to the Russian military and administrative presence and the integration of «Little Russia» in 1654-1669. The author shows that, on the one hand, the political activity of the municipal corporations contributed to the strengthening of tsar power and, consequently, the destruction of the Cossack state project. On the other hand, as a result of their actions, to obtain the largest possible number of tax benefits, had led to a narrowing of the Russian presence in the region (after 1668) and the refusal of the tax reform (until 1722).

Ключевые слова: Малая Россия, городские корпорации, Магдебургское право, украинская государственность.

Keywords: Little Russia, municipal corporations, magdeburg law, ukrainian statehood.

Фраза, вынесенная в заголовок статьи, отражает, на наш взгляд, ключевую проблему, с которой столкнулось Российское государство в процессе интеграции «Малой России» – наличие тонкой грани в действиях местных сословных групп, которые могли быть и союзниками, и врагами, и теми и другими одновременно в зависимости от политических конъюнктур. Это предопределило мучительный поиск российским правительством социальной опоры и политического баланса, необходимых для установления устойчивого контроля над территорией присоединенных украинских земель. Попытки выстроить отношения с местными корпорациями через силовые и/или договорные стратегии приводили к разным политическим последствиям, расширявшим или сужавшим военно-административное присутствие в «Малой России». Важную роль в этом процессе сыграли корпорации городов, самоуправлявшихся по Магдебургскому праву. Соответственно, в настоящей статье анализируется влияние политической активности этих городских корпораций на российское военно-административное присутствие и процесс интеграции «Малой России» в состав России в 1654–1669 гг.

История взаимоотношений с городскими корпорациями, самоуправлявшихся по Магдебургскому праву, начинается с вхождения «Малой России» в состав Российского государства в 1654 г. Городские корпорации были не единственной сословной группой, пополнившей число новых подданных московского царя. Изначально «Малая Россия» имела сложную социально-политическую структуру, включавшую также Войско Запорожское (Гетманская Украина), местную православную церковь и до некоторого времени немногочисленную православную шляхту, поддержавшую восстание Б. М. Хмельницкого. По этой причине царское правительство и его агенты на местах изначально были поставлены в сложную ситуацию, где переплетались интересы различных сословных групп. Впервые о себе корпорации городов с «магдебургиями» заявили в 1654 г. во время второго (московского) этапа переговоров царского правительства и казацких посланников Б. М. Хмельницкого.

Первоначально, в ходе первого (перяяславского) раунда переговоров царское правительство признавало формат взаимоотношений, при котором исключительная роль в управлении регионом отводилась институтам казацкого самоуправления, а присутствие царских администраторов и их

функционал сводились к минимуму. Казацкие представители также становились посредниками в исполнении фискальных функций в пользу царской казны [1]. Уверенность в своей политической позиции позволяла казацким делегатам в Москве настаивать на законодательном закреплении в царских жалованных грамотах такой модели управления. Сначала 13 марта 1654 г. казацкие послы пошли на определенные уступки – признание наличия царских воевод только в «больших городах» (Киеве, Чернигове), где они не имели права судить мещан, казаков и шляхту. Однако 14 марта ими были поданы пункты, в которых не упоминалось вообще о присутствии царских воевод в Киеве и Чернигове, а право сбора податей следовало отдать «посланникам нашим», так как «воевода права бы ломати имел и установы какия чинил, и то бы быть имело с великою досадою» [2]. Свои претензии казацкая сторона пыталась подкрепить 17 марта документальными свидетельствами (списки привилеев польских королей, Зборовского договора и др.) [3]. Однако данные документы произвели обратный эффект. У царского правительства возникли сомнения в правомочности претензий казацкой стороны на власть в регионе. Сомнения укрепились, когда о своих правах заявили корпорации городов, самоуправлявшихся по Магдебургскому праву.

14 марта 1654 г. делегаты Переяславля, прибывшие в составе казацкого посольства, подали две челобитные. Первая из них содержала прошение о подтверждении городу привилегий по Магдебургскому праву (на независимое самоуправление и суд). Вторая касалась подтверждения прав городским цехам. Самым старым из привилеев, подданных в качестве доказательства, являлся привилей Сигизмунда III 1620 г. Согласно его содержанию, в самоуправлении города и решении судебных вопросов участвовали бурмистр, войт и лавники (все – выборные чины городского самоуправления), но не «казацкие урядники». Кроме того, в городе имелись представители коронной администрации, которые сидели в *замке* – укрепленной части города, отдельной от посада. 14 марта переяславские мещане были удостоены жалованной грамоты, в которой специально оговаривалось, что «своим прежним правам и вольностям» переяславским купцам разрешалось торговать свободно «безо всякие неволи во всем» [4]. О возможном влиянии переяславской делегации можно судить по решению, данному на казацкие предложения 14 марта. В вопросе о сборах податей указывалось: «...а быть урядникам – войтам, бурмистрам, райцам, лавникам, и доходы денежные и хлебные и всякие на государя собирать им и отдавать в государеву казну тем людям, кого для тоя сборныя казны государь пришлет, и тем людям над сборщики смотреть, чтоб делали правду» [5]. Об этом казацкие посланники были уведомлены 19 марта, когда были на государевом дворе. Относительно присутствия московских воевод в «Малой России» бояре заметили: «Воеводам чтоб быть в Киеве и в Чернигове». На это был дан ответ: «В том воля государева» [6]. Таким образом, московский царь полностью принимал на себя роль суверена, а городские корпорации обозначались в качестве социальной базы, на которую собиралось положиться царское правительство в «Малой России».

Подобная позиция царского правительства не устроила казацкую сторону. 21 марта 1654 г. казацкие послы подали «на письме» новые предложения царскому правительству, в которых настаивали на своей позиции, подразумевавшей отсутствие царских воевод в регионе [7]. На это царское правительство ответило категорическим отказом, настаивая на том, что сбор податей следует осуществлять через представителей городского самоуправления. Для этого также будут присланы «на то устроенные люди в Киев и Переяславль» [8]. Кто подразумевался под этими «людьми», можно только предполагать, но допустим, что под влиянием переяславской делегации царское правительство ухватилось за Переяславль, а не за ранее фигурировавший в переговорах Чернигов.

Таким образом, малороссийские города стали рассматриваться царским правительством в том качестве, в каком они находились в составе Речи Посполитой, т. е. изымались из компетенции Войска Запорожского. Вероятно, царскому правительству удалось понять тонкость социально-политического устройства «Малой России», в которой гетман и казацкая элита не представляли всего населения региона. Не случайно после столь непростых переговоров 27 марта 1654 г. казацким послам была вручена серия жалованных грамот корпорациям «Малой России», а не просто подтверждены гетманские «статьи».

Передачей 27 марта 1654 г. казацким послам жалованных грамот не прекратилась политическая активность делегации Переяславля. Вероятно, не удовлетворившись объемом подтвержденных прав и привилегий, переяславская делегация в конце марта и начале апреля выступает с тремя новыми челобитными. Они просили не просто подтвердить «права и привилеи» польского времени, а и вернуть часть территории, которая была отнята польской коронной (замковой) администрацией, а к 1654 г. оказалась под казацким управлением. Самым главным прошением была просьба «собинного привелея» для защиты от злоупотреблений любых военных командиров, так как, по их словам, «каков не приехав старший, или от какого старшего высланный, то розныя вымыслы чинят

и много кормов вынуждают и иныя многия тяготы накладывают». Через получение такого «привилея» мещане смогут «ся защищати и более панов имети не будем, *только твоему царскому пресветлому величеству* (выделено нами. – Я. Л.) кланяться и тебе единому повиноватися будем» [9]. Царское правительство подтвердило все просьбы, кроме вопроса о землевладениях.

Стоит предположить, что киевские мещане, узнав об успехах переяславской депутации, также решили получить подтверждение своим правам. 3 мая 1654 г. они просили разрешения киевских воевод о пропуске до Москвы своей делегации во главе с киевским войтом Богданом Санковичем. Перед организацией депутации киевские мещане заручились поддержкой гетмана Б. М. Хмельницкого, который 25 апреля дал соответствующую грамоту с обращением к Алексею Михайловичу «пожаловати <...> права и привилея и волности их древние». После прибытия 25 мая в Москву киевляне подали соответствующую челобитную на имя Алексея Михайловича, а также список статей, в которых они описывали права и привилегии. Помимо подтверждения старых привилегий, делегаты просили новых земельных пожалований к «граду» (т. е. посаду – территории проживания мещан). Во-первых, киевляне претендовали на 385 дворов, находившихся во владении казаков. Во-вторых, они просили о пожаловании мельницы «на речке Котыре», которая в то время находилась во владении киевского полковника. Киевляне получили подтверждение своих прежних привилегий. В отношении земель, занятых казаками, бояре отказали сразу же, приговорив: «Как служба минет, тогда государев указ будет; а ныне, для службы, полковника оскорбить нельзя». В качестве компенсации за жалованную грамоту сами мещане предлагали наложить на них налог, который собирался еще в польские времена в размере 3000 золотых, что и было принято [10]. Следуя примеру депутатий Киева и Переяслава, подтверждения своих челобитных в 1655 г. испросили мещане Чернигова и Козельца [11].

Политическая активность делегаций городов с «магдебургиями» продемонстрировала наличие центробежных сил, противодействовавших казацкому проекту государственности. Их наличие позволило московскому правительству пересмотреть первоначальную модель взаимоотношений с казацкой стороной и открыло возможность для расширения присутствия царской администрации в регионе и сбора налогов с крестьянского и городского населения. Тем не менее такая модель управления «Малой Россией» не получила дальнейшего развития, по крайней мере, до второй половины 1660-х гг. Реальность оказалась гораздо сложнее. Городские корпорации должны были учитывать силу казацкой власти, подкрепленную авторитетом гетмана Б. М. Хмельницкого.

В гетманство Б. М. Хмельницкого российское военно-административное присутствие было ограничено только замком Киева. Компетенция царских воевод заключалась в том, чтобы вести переписку с гетманом по военным вопросам, с ним же координировать свои действия, отслеживать изменения военно-политической ситуации в регионе, охранять внутренний порядок в *крепости* и окрестностях, контролировать взаимоотношения царских ратных людей с казаками и старшиной, обладая судебными полномочиями только в отношении вверенного гарнизона; с местным духовенством и войтом, строить и содержать крепости в городе [12]. В попытках улучшить условия пребывания ратных людей в Киеве царские воеводы должны были заручиться поддержкой гетмана и киевского полка, чья резиденция находилась в городе до 1669 г. [13] То же самое должны были делать и киевские мещане, хотя совсем недавно они просили царское правительство о содействии в изъятии в свою пользу владений киевских полковника и казаков. Политическая самостоятельность и авторитет Б. М. Хмельницкого являлись определяющими условиями, сдерживавшими амбиции городских корпораций, расширение российского военно-административного присутствия. Царское правительство оказалось зависимым от казацкой администрации в плане обеспечения обороноспособности «Малой России» и возможного сбора налогов. И уже в 1657 г. правительство было готово передать фискальные полномочия казацким институтам власти, а не представителям городского самоуправления, как это было в 1654 г.

Периодически в документах проскальзывает информация о желании городских корпораций опереться на московскую, а не казацкую власть. Например, в «статейном списке» молодого царского посланника И. А. Желябужского сообщалось, что стародубский войт К. Молявка (24 июня 1657 г.) был крайне недоволен мобилизациями, проводимыми гетманом Б. М. Хмельницким (увеличение запасов пороха, укрепление крепостных сооружений): «...а от кого крепимся, того мы не ведаем. А целовали де мы крест государю, а владеет нами гетман, и ныне мы от их владения в конец погибаем, а ожидаем де мы милости от государя воевод» [14]. Однако, скорее всего, московское правительство не хотело ссориться с гетманом Б. М. Хмельницким, так что до определенного времени предпочитало не обращать внимания на такие жалобы.

В гетманство И. Е. Выговского (1657–1659 гг.) на территории «Малой России» разразилась настоящая гражданская война, в результате которой изменивший гетман уступил гетманскую булаву сыну покойного гетмана Б. М. Хмельницкого – Юрию. Новый гетман Ю. Б. Хмельницкий во

время переговоров в Переяславле (октябрь 1659 г.) избрал тактику минимизации влияния царского правительства, чтобы «воевод по городам не насылаю; только в одном самом Киеве». К этому добавлялось требование, чтобы прибывавшие ратные люди были в подчинении гетмана. Но в ходе переговоров в Москве Ю. Б. Хмельницкий был вынужден уступить и признать в итоговом соглашении 1659 г. присутствие царских воевод, помимо Киева, в Переяславле, Нежине, Чернигове, Брацлаве, Умани. По новым «статьям» воеводам запрещалось нарушать «войсковыя права и вольности» и вступать в «полковничьи поборы» [15]. К декабрю 1659 г. общая численность гарнизонных войск в «Малой России» достигла цифры в почти 15 тыс. чел. [16] Усиление российского военно-административного присутствия привело к активизации политической активности корпораций городов, самоуправлявшихся по Магдебургскому праву.

Уже 14 декабря 1659 г. черниговский воевода В. Новосильцев сообщал о просьбе городской верхушки выдать проезжую грамоту для отправки в Москву местных бурмистра и райцу для подтверждения своих «магдебургий» и прав владения на деревни, озер, мельницы и перевоза на Десне. Примеру черниговцев последовали мещане Нежина. При этом отметим, что в 1659 г. Нежин был на несколько месяцев занят поляками, что заставило мещан обратиться к ним за подтверждением привилегий, данных Сигизмундом III и Владиславом IV [17]. Резонно предположить, что обращения нежинцев в 1659 и 1660 гг. были продиктованы желанием городской корпорации обезопасить себя от возможных злоупотреблений представителей как польской, так и российской коронных администраций. Определенные трения в процессе взаимодействия царских воевод с городскими корпорациями возникли лишь в Киеве. Согласно позднему челобитью мещан (май 1661 г.) воевода В. Б. Шереметев не позволял владеть пожалованные им «в Киеве перевозами и санными покосами и рыбными ловлями и всякими товары в городех торговать безошлино». Сам киевский воевода не сообщал в столицу о каком-либо конфликте с мещанами. Он лишь сообщил в Москву, что завел государев «кружечный двор», который позволил собрать 3270 руб. дохода. Так или иначе, царское правительство не стало разбираться в деталях конфликта. Это было связано, скорее всего, с тем, что в 1660 г. В. Б. Шереметев попал в польский плен [18].

Сложная военная ситуация не повлияла на положение царских гарнизонов. Несмотря на измену гетмана Ю. Б. Хмельницкого и поражение под Чудновым и Кулишках (осень 1660 г.), в малороссийских крепостях по-прежнему оставались довольно крупные гарнизоны. Поддержка городским населением царских воевод в ходе длительных осад (октябрь – ноябрь 1661 г.) [19] позволила даже укрепить свое положение царским гарнизоном в некоторых малороссийских городах. В итоге сложился баланс, который позволял царскому правительству поддерживать контроль над частью «Малой Россией», а городским корпорациям – сохранять независимое положение по отношению к гетманской власти. По отношению к городам с «магдебургиями» гетманы смогли добиться также лишь статуса своеобразного покровителя. Это выражалось в выдаче универсалов, дававших дополнительные гарантии сохранения прав, указанных в царских жалованных грамотах на самоуправление, временный налоговый иммунитет и землевладения [20]. Отмеченный баланс позволял царскому правительству в условиях геополитического соперничества с Польшей также надеяться на проведение налоговой реформы согласно решениям 1654 г. Последнее дало бы новые ресурсы Российскому государству для компенсации сверх-издержек военного времени, которые в результате провала денежной реформы Алексея Михайловича 1654–1663 гг. (введение медных денег) привели к резкому ухудшению положения ратных людей в гарнизонах городов «Малой России» в 1662–1663 гг., испытывавших проблемы со снабжением [21]. Отмеченный баланс попытался нарушить новый казачий гетман И. М. Брюховецкий (1663–1668 гг.). В прямой конфликт с ним решатся вступить корпорации городов, самоуправлявшихся по Магдебургскому праву.

Ради закрепления своей власти гетман И. М. Брюховецкий в ноябре – декабре 1663 г. подписал с царским правительством т. н. *Батуриные статьи*. Согласно п. 3 «статей», для содержания 60 тыс. реестра Войска Запорожского следовало провести описание владений казаков, мещан и селян, а также определить количество поборов, которые можно было бы собрать с разных групп населения, так как этого с 1654 г. не было сделано. Однако вплоть до октября 1665 г. гетман сопротивлялся проведению налоговой реформы [22]. Несмотря на это, царь и правительство продолжали доверять казацкому лидеру [23]. Это доверие казачий гетман попытался использовать с выгодой для себя, а именно в целях расширения полномочий казацкой администрации накануне возможной налоговой реформы. Для этого в 1665 г. гетман предпринял попытку ликвидации прав и привилегий городов «Малой России», обладавших «магдебургиями», чтобы монопольно распоряжаться доходами с городов, отдавая только часть в казну Российского государства.

Для осуществления своего замысла гетман постарался использовать власть московского царя. В начале 1665 г. гетман наставлял посланника, направляемого в Москву, чтобы он склонил

царскую администрацию лишить мещан жалованных грамот, так как «в тех привилеях двоедущие в мещанах обретаются», а также жаловался на киевского воеводу И. И. Чаадаева за то, что тот потакает местным мещанам. В феврале 1665 г. ему удалось получить царский указ, по которому предписывалось изъять жалованные грамоты городов на «магдебургии» и отослать их в Москву. Однако этому воспротивились не только мещане, но и киевский воевода, который запретил отправку грамот. С защитой интересов мещан в Москве выступил также малороссийский епископ Мефодий, который сообщал, что из-за опасений мер со стороны гетмана мещане не подали челобитную. Мефодий предлагал послать указы киевскому, нежинскому и переяславскому полковникам, чтобы они хранили и впредь права мещан и не давали гетману права вмешиваться в самоуправление. В итоге царское правительство 1 июня 1665 г. отменило февральское решение [24].

Несмотря на это, гетман не отступил от своего намерения. На переговорах в Москве 20 сентября 1665 г. он, отвечая на предложенные «статьи», связанные с проведением налоговой реформы, соглашался практически со всем. Рассчитывая на своеобразную политическую компенсацию, гетман сообщал об отобрании «магдебургии» у малороссийских городов и их передаче в Малороссийский приказ. Однако в ответ на это царское правительство дало городам подтвержденные жалованные грамоты, а также приняло решение разместить в крепостях Малой России 11.600 чел. Гетману отказали в подчинении городов с «магдебургиями» [25].

Как результат, осенью 1665 г. в массовом порядке царское правительство подтвердило жалованные грамоты депутациям от привилегированных городов (Киева, Чернигова, Нежина, Стародуба, Погара, Остра и Козельца). Последние подали ряд челобитных на имя московского царя, в которых обозначили свои позиции. В связи с этим остановимся на наиболее примечательной челобитной, поданной в ноябре 1665 г. от имени киевских мещан. В ней подробно описывались постигшие их несчастья в «льготные года» (1660–1665 гг.), когда они могли бы поправить свое положение и положенные в царскую казну 3000 золотых употребить на строительство земляного вала и изготовление «наряда», «где живем мы на Подоле». Необходимую сумму у мещан не удалось собрать из-за того, что «перевозы» киевский воевода не отдал местной ратуше. Терпеть притеснения мещанам приходилось также и от «изменника» бывшего наказанного гетмана Я. С. Самко, который «вымучил» 400 руб. от запорожских полковников Шульги и Чернеца, не выезжавших из «места» четыре недели, отчего «людей ратушных» до «разорения привели». К такому же разорению привело содержание царских ратных людей, размещенных на посаде для защиты от татарской опасности. Основным требованием депутации было, чтобы «никаких податей, яко люди украинные, от татар никогда смирения не имеющие, давать не имеем» и должны быть уволены «от давания и от платежа пошлин и тамги, яко люди войною разоренных и обеднялых». Вопреки жалобам на московских воевод и их подчиненных (постоянная повинность, незаконное использование территорий), киевляне настоятельно просили освободить их «от казацких постоев», указать «бояром и воеводам Киевским нас от них *оберегать и оборон чинить* (выделено нами. – Я. Л.)». При этом депутация просила царя об уменьшении подати 1654 г. с 3 тыс. до 1 тыс. золотых, но в случае возвращения «перевозов» согласны были платить 1500. Описанная ими картина «разорений» заставила московское правительство привлечь к ответу на «статьи» киевских мещан воеводу И. И. Чаадаева. Его отписка была суха и лаконична. Спорные «перевозы» были устроены после разорения Киева, «как в начале войны разбежались мещане» (т. е. в 1665 г.), а ежегодный доход с них составлял всего 300 руб. О ратных людях Чаадаев замечал, что поставлены «по мещаном, по их челобитью, для обороны от неприятеля и кормить их обещались из воли», а подводы если и берутся, то только для государевых посланцев «по великой нужде взять подводы годом дважды, или по силу трижды» [26].

В итоге 11 ноября 1665 г. киевлянам была дана еще одна жалованная грамота [27], где уточнялось, что «перевоз» «отдавался» на «ранду в ратушу», за что они были обязаны ратных людей (общим числом 400 чел.) обеспечивать провиантом и одеждой.

Киевлянам вторил и нежинский войт Федор Константинович. Из его слов было видно, что лояльность царской власти была также желанием оградить город от злоупотреблений казацкой старшины, которая виделась большей бедой. В одном из своих писем войт писал, что «без пресветлые руки» царя нежинский полковник «аще ли не злее, но подобно арехонтовой над нами учинят власть» [28].

Таким образом, мы видим демонстрацию своеобразного политического торга, который киевляне и нежинцы вели ради сохранения своего независимого положения от казацких институтов власти. В своих аргументах мещане использовали жалобы на царские гарнизоны, требуя налоговых льгот и дополнительных привилегий, но не собирались отказываться от их присутствия. Для царского правительства было важно найти компромисс в отношениях с мещанами, чтобы сохранить главные пункты контроля над «Малой Россией». Ради этого, например, Чернигов по

челобитию войта П. Клевцова был освобожден от повинности по содержанию крепостных укреплений, подводы с мещан разрешалось брать только по особой надобности [29].

Наряду с выстраиванием политического торга представители привилегированных городов заключают, по сути, отдельный от гетмана договор с царским правительством. Договор был заключен при непосредственном участии главы Малороссийского приказа (далее – МРП) боярина П. М. Салтыкова. В этом документе были определены суммы аренд с каждого из привилегированных городов, которые они должны были ежегодно платить в царскую казну. Предполагалось взимать с Киева 800 руб., Переяславля – 500 руб., Нежина – 400 руб., Чернигова – 200 руб., Стародуба – 150 руб., Козельца, Остра, Почепа и Погара – по 100 руб. [30] Также в договоре детально расписывались суммы откупов (аренд/ранд) и иных пошлин [31].

Таким образом, в условиях укрепления положения Российского государства в Левобережной «Малой России» и благодаря деятельному участию епископа Мефодия активизировались корпорации городов с «магдебургиями». Наличие такой поддержки городов, а затем и части казацкой элиты (киевский полковник В. Дворецкий) позволило царскому правительству настоять на необходимости реализации условий договоров 1654 г. о сборах налогов с неказацкого населения. Согласно сообщениям царских агентов в 1666–1667 гг., выбранная мещанами политическая позиция и согласие регулярно платить налоги вызывало возрастающее недовольство с казацкой стороны: «Во всех малороссийских городах казаки на мещан имеют злость за то, что они мещане, по окладом всякие подати в казну великого государя хотят давать с радостью и что казацких старшин и казаков ни в чем ныне не слушают и податей против прежнего давать им казакам не хотят, и говорят мещане в городах старшинам: что ныне де их бог освободил, впредь де они казаки, грабить и домов их мещанских разорять не будут» [32].

Наличие альтернативных центров силы в привилегированных городах склонило царское правительство к началу проведения налоговой реформы. В ее рамках территория Малой России, подконтрольная царскому правительству, разбивалась на 14 налоговых округов (уездов), с центрами в Батурине, Гадяче, Глухове, Киеве, Лубнах, Миргороде, Нежине, Остере, Переяславле, Полтаве, Прилуках, Сосницах, Стародубе, Чернигове [33]. Из этих городов только Прилуки и Сосницы не обладали «магдебургиями». При этом воеводы впервые наделялись фискальными полномочиями в отношении неказацкого населения «Малой России». Этот аспект их деятельности раскрывался не в воеводских наказах, а в отдельных царских грамотах. До появления таких документов фискальными полномочиями воевода обладал только в отношении городов, с которых следовало собирать *стацею* (продовольственное обеспечение) на содержание гарнизона. Единственным примером такого рода является гарнизон в Гадяче, на содержание которого по решению гетмана были в 1665 г. определены Опошня, Миргород, Ромны и Котельва [34].

В ходе проведения реформы специальная царская грамота устанавливала с 1 сентября 1666 г. следующий порядок сбора с «мещан и поселян и с таможен, и с ранд и с перевозов и с мельниц и со всяких угодий денежные и хлебные и иные всяких доходов». Для их сбора следовало выбрать из числа местных мещан «людей добрых и прожиточных». Этим должен был заниматься назначенный воевода. Сами подати сборщикам следовало собирать на основании окладов по переписным книгам. Собранные налоги свозились в центр налогового округа, часть собранных хлебных запасов следовало воеводе оставлять на содержание ратных людей [35]. Следовательно, главная административная нагрузка в реализуемой налоговой реформе отводилась выборным от городских корпораций, а не разветвленной сети московской администрации.

Примерно с июня 1666 г. царские посланники начали свою работу по проведению налоговой переписи в Малой России. В ее ходе царские посланники столкнулись с типичной ситуацией, характерной и для Российского государства, а именно с занижением численности податного населения и размеров облагаемого имущества со стороны городских верхов и казацкой администрации, заинтересованных в уменьшении налогов [36].

С введением новых царских гарнизонов и проведением налоговой реформы от воевод требовалось налаживать контакты с местными сословными группами, особенно городским населением, и стараться избегать каких-либо конфликтных ситуаций. К этому аспекту царское правительство относилось очень щепетильно. Наглядным примером этого является расследование (розыск), проводившееся стольником П. А. Измайловым (январь – середина июня 1666 г.) на основании жалоб мещан Котельвы, Гадяча, Миргорода, Ромен и Опошни, о которых царское правительство уведомляли гадяцкий воевода Ф. Протасев и гетман И. М. Брюховецкий. Жалобы мещан касались конфликтов, возникавших между мещанами и ратными людьми в период с июля по декабрь 1665 г. Причины, их порождавшие, были типичными для того времени: 1) побои, нанесенные в пьяном виде; 2) воровство; 3) вымогательство; 4) неоплата услуг мещан (представители ремесленных цехов). Конфликтные ситуации решались не в пользу ратных людей. В их отноше-

нии применялись телесные наказания (битье батогами) и взыскивались денежные штрафы. Любопытно отметить, что практически все конфликты заканчивались примирением сторон. Пострадавшие местные жители сами просили о смягчении наказания для царских ратных людей. Этим, на наш взгляд, подчеркивался не экстраординарный характер отмеченных происшествий [37].

В новых для себя условиях городские корпорации пытались налаживать связи с царскими воеводами, а также использовать их политические ресурсы в своих целях. В то же время действия царских воевод могли приводить к интересным коллизиям.

Прежде всего, следует указать на киевского воеводу боярина П. В. Шереметева. В 1666 г. по его указанию были размещены рейтары «на посаде... на мещанских дворах», так как в «верхнем городе» было мало дворов. Городская верхушка была против этого. Тогда воевода выдвинул условие, чтобы мещане «дали 30 изб от себя, а рейтары те избы перевозят и поставят собою». Для решения проблемы через епископа Мефодия воеводе были дважды поднесены «в почесть» по 100 руб. Сам Шереметев сообщал в Москву, что все эти деньги употребил на строительство изб [38].

Для нежинских мещан киевский воевода выступал в качестве рычага давления на черниговского воеводу А. В. Толстого. С последним у нежинских мещан был спор относительно принадлежности Борозны и его владений. Ради разрешения спора в собственную пользу мещане пошли на подкуп киевского воеводы и добились желаемого [39]. Схожим образом налаживали коммуникацию с киевским воеводой стародубские мещане, которые в декабре 1667 г. сделали воеводе и его прислуге различные подношения на общую сумму в 291 злотый и 6 коп., а в январе 1668 г. – на 730 злотых и 5 коп. В отношении гетмана подобные суммы обозначались как траты «на поклоны» («на poklony») [40]. Возможно, таким образом мещане хотели повлиять на решение по поводу возврата откупов, так как именно в это время их делегация подала челобитную о решении данного вопроса. В итоге воевода решил дело в пользу мещан [41]. К протекции киевского воеводы прибегали черниговские мещане. В июне 1667 г. воевода запретил кому-либо без царского указа или подорожных брать у них подводы и корм [42].

В практиках взаимоотношений царских воевод и городских корпораций имели место и случаи, когда царские администраторы превышали свои полномочия. Тот же киевский воевода П. В. Шереметев требовал от мещан Остра избрать нового войта под предлогом того, старый был неблагонадежным человеком, так как перешел на польскую сторону в 1663–1664 гг. [43] Помимо этого воевода позволял себе выносить судебные решения в отношении неподсудных ему мещан. Такой случай имел место в 1666 г., когда киевский воевода более 3 месяцев продержал под арестом в «приказной избе» нежинских бурмистра Я. Ж. Бутенко и райцу Г. Т. Подкупного. Поводом для этого послужила челобитная нежинского мещанина П. Сасимого, искавшего справедливости у воеводы по поводу якобы неправосудного решения городского суда. В течение 1667 и 1669 гг. Я. Ж. Бутенко и Г. Т. Подкупной трижды ездили в Москву с апелляцией на решение воеводы. Они доказывали, что из-за протеста против воеводского приговора были посажены «на чепь» и потратили 220 руб. на взятки. В итоге царское правительство приняло соломоново решение: в январе 1669 г. был отозван П. В. Шереметев (прибыл в Москву 14 июня), а 30 июля присудило выплатить нежинским бурмистру и райцу по 75 руб. «из полоняничных денег» [44].

Злоупотребляли властью и воеводы других украинских городов. Вопреки воеводским инструкциям полтавский воевода Я. Т. Хитрово или его порученцы могли присутствовать на решении дел в ратуше (например, о воровстве), а он сам – давать указания о начале следствия и суда. Также воевода играл важную роль в делах о купле-продаже, выступая своеобразным гарантом сделки, получая в случае неустойки оговоренную сумму штрафа. В качестве гаранта только уже судебных решений мог выступать стародубский воевода кн. И. Г. Волконский. Например, согласно одному из решений «уряда меского стародубовского» (апрель 1666 г.), любое лицо, которое назовет мещанина Л. Ивановича «злодеем», должно было уплатить 10 коп. «его милости пану воеводе» и по столько же местному полковнику, войту и на городской уряд [45].

Неизвестно, какое развитие получили отмеченные неписанные практики, если бы не рост волнений, вызванных проведением налоговой реформы. Среди тех, кто сопротивлялся ее осуществлению были и недавние союзники из числа городских корпораций, самоуправлявшихся по Магдебургскому праву.

Сборы, проведенные в течение 1667–1668 гг., выявили проблему недоимок, а также стремление городских корпораций к получению еще большего количества налоговых привилегий или налогового иммунитета на неопределенный срок [46].

Например, в Нежине мещане были недовольны привилегированным положением казачества, обладавшим правом беспошлинной торговли. Из-за этого местный воевода, «видя в людях великую шатость», прекратил сбор налогов до вышестоящих указаний. Схожим требованием было продик-

товано недовольство мещан Киева. Реакцией воеводы П. В. Шереметева стала полная отмена каких-либо сборов. При этом киевский воевода опасался того, что примеру Киева и Нежина последуют другие малороссийские города. Так или иначе, в начале 1667 г. Киеву, Нежину и Переяславлю было дано освобождение от всех налогов, кроме откупов («аренд»). Пожалование налоговых льгот Киеву, Нежину и Переяславлю произвело эффект разорвавшейся бомбы. По сообщениям киевского воеводы, в Киев потянулись делегации других городов, требуя «с торговых их промыслов никаких пошлин» не брать, а также временной отсрочки от выплаты налогов из-за своей финансовой несостоятельности. На этом фоне малороссийские мещане стали саботировать проведение налоговой реформы, массово записываясь в казаки (Переяславль, Глухов, Сосницы и др.) [47].

Отмеченную ситуацию усугубляли тяготы военного времени, а именно постоянная и подводная повинности со стороны казаков и царских ратных людей. Это вызывало недовольство местного населения: казацкой старшины и городских корпораций [48]. В результате действия суммы этих факторов в городах «Малой России» начинают происходить выступления против царской власти, чем воспользовался И. М. Брюховецкий и его окружение, подняв восстание. Из-за «казацкой измены» к январю 1668 г. значительные суммы перестали поступать в казну, а некоторые сборщики были убиты мятежниками [49]. В феврале 1668 г. казаки и мещане осадили замок с царским гарнизоном в Нежине. То же самое произошло и в Переяславле, Чернигове и Остре. Благодаря умелым действиям царских гарнизонов и приходу царских войск во главе с Г. Г. Ромодановским порядок был восстановлен [50]. Однако для его поддержания пришлось многим пожертвовать.

В переговорах с новым казацким гетманом Д. И. Многогрешным (1668/1669–1672 гг.) царское правительство отказалось от продолжения налоговой реформы и согласилось на ограниченное военно-административное присутствие в замках Киева, Нежина, Переяславля, Чернигова и Канева (до 1674 г.) [51]. Единственными денежными поступлениями из «Малой России», за сбор которых отвечали воеводы, остались: казенные кабаки в 4 крепостях, «мост» и «перевоз» через Днепр, сбор с киевской ратуши «вместо подвод и кормов» (всего ок. 3406 руб. в год) [52]. Доходы оставались в регионе и тратились, как правило, на нужды гарнизонов. Такой статус-кво сохранялся вплоть до 1722 г., когда была создана Малороссийская коллегия [53]. Пережив период конфронтации, мещане городов с «магдебургиями», недавно осаждавшие царские гарнизоны, как ни в чем не бывало снова потянулись в Москву за новым привилегиями. Весной 1669 г. нежинцы подали список «статей» царю [54]. В них нежинцы описывали свое «тяжкоупадное житие», на основании чего просили освободить город и принадлежащие ему «волости» от повинностей в пользу московских войск на пятнадцать и пять лет соответственно. К этому требованию депутация добавляла просьбы о подтверждении польских привилегий, по которым ряд деревень платил бы в пользу ратуши налоги, о беспошлинной торговле в «Черкасских городех во веки». Также мещане просили защиты города, пригородов и деревень силами царской власти от «от стоянья всякому козаку», а для «строения города великаго» следовало привлекать ратных людей воеводы И. И. Ржевского, «которые в верхнем городе застают». Практически все пункты челобития были одобрены. Ради поддержания устойчивого контроля в регионе царское правительство было готово забыть недавние измены мещан и оберегать городские права и вольности.

История взаимоотношений с городскими корпорациями, самоуправлявшимися по Магдебургскому праву, начинается с вхождения «Малой России» в состав Российского государства в 1654 г. Она продемонстрировала зависимое положение городских корпораций от политических конъюнктур (гетманство Б. М. Хмельницкого, гражданская война после его смерти). С одной стороны, политическая активность городских корпораций способствовала укреплению царской власти, проведению налоговой реформы и, соответственно, разрушению казацкого проекта государственности. С другой стороны, в результате их действий, направленных на получение как можно большего количества налоговых привилегий, происходило саботирование налоговой реформы (укрывательство, отказ платить налоги, запись в казаки). В результате происходило общее нарастание напряженности в регионе, которым воспользовался гетман И. М. Брюховецкий. Политические последствия его выступления привели к сужению военно-административного присутствия в регионе (после 1668 г.) и отказу от проведения налоговой реформы (вплоть до 1722 г.). В изменившейся политической реальности 1665–1667 гг. городские корпорации стремились установить устойчивые связи с царскими администраторами. Важным элементом этого диалога становились подношения воеводам, что практиковалось населением и остальной части Российского государства. С их помощью мещане стремились решить разный спектр вопросов: защита имущественных и финансовых интересов, обжалование или получение дополнительной гарантии для выполнения решений городского суда, осуществления актов купли-продажи. Однако такие подношения «в почесть» и превышения полномочий правительством рассматривались как противо-

законные действия. Несмотря на выступления против царской власти, после 1668 г. мещане главных городов «Малой России» (Киев, Нежин) были заинтересованы в сохранении царских гарнизонов как гарантии независимого положения от казацкой власти. В свою очередь царское правительство в таких непостоянных союзниках продолжало видеть социальную опору для поддержания устойчивого контроля в регионе.

Примечания

1. Карпов Г. Ф. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (начало) // Журнал министерства Народного Просвещения. 1871. № 11. С. 13–14; Карпов Г. Ф. Малороссийские города в эпоху соединения Малороссии с Великой Россией // Летопись занятий археографической комиссии. Вып. VI. СПб., 1877. С. 4.
2. Карпов Г. Ф. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (начало)... С. 28–29.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (Акты ЮЗР). Т. X. СПб., 1878. Стб. 453–468.
4. Воссоединение Украины с Россией (ВУР). Т. III. М., 1953. С. 553.
5. Карпов Г. Ф. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (начало)... С. 34.
6. Там же. С. 37–38.
7. ВУР. Т. III. М., 1953. С. 561; Карпов Г. Ф. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (окончание) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1871. № 12. С. 232–233.
8. Карпов Г. Ф. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (окончание)... С. 246; Карпов Г. Ф. Малороссийские города в эпоху соединения Малороссии с Великой Россией... С. 18–19.
9. Акты ЮЗР. Т. X. СПб., 1878. Стб. 515–518, 535–538.
10. Акты ЮЗР. Т. X. СПб., 1878. Стб. 605–610, 615–623, 625–626; ВУР. Т. III. М., 1953. С. 573–574.
11. Карпов Г. Ф. Малороссийские города в эпоху соединения Малороссии с Великой Россией... С. 19). Акты ЮЗР. Т. XIV. СПб., 1889. Стб. 782.
12. ВУР. Т. III. М., 1953. С. 533–534; Акты ЮЗР. Т. XV. СПб., 1892. Стб. 117–134.
13. Акты ЮЗР. Т. X. СПб., 1878. Стб. 388, 391, 405–407; Акты ЮЗР. Т. III. СПб., 1861. С. 579–580; Шевченко Ф. П. Историчні студії: збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження). Київ, 2014. С. 137. Примеч. № 404.
14. Российская историческая библиотека. Т. VIII. СПб., 1884. Стб. 1239–1240.
15. Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 145–146.
16. Источники Малороссийской истории. Ч. I. М., 1858. С. 102. С. 110.
17. Бабулин И. Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015. С. 292–294, 348–349.
18. Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 203–204; Городския поселения Российской империи. Т. 5. Ч. II. СПб., 1865. С. 330.
19. Акты ЮЗР. Т. V. С. 62–63; Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 206.
20. Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 208–210, 212.
21. Універсали українських гетманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657–1687). Київ; Львів, 2004. С. 156–157, 300–301, 321, 495–497, 534–535.
22. Базилевич К. В. Днежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 9–63; Акты ЮЗР. Т. VII. СПб., 1872. С. 339.
23. Источники малороссийской истории. Ч. I. М., 1858. С. 133, 143–144.
24. Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 82, 150, 160.
25. Романовский В. А. Перепись населения Левобережной Украины 1666 года: ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967. С. 26–29.
26. Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 19. Источники малороссийской истории. Ч. I. М., 1858. С. 143–144, 148–149, 154–159.
27. Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 55–59.
28. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое (ПСЗ-1). Т. 1. № 378. С. 622; Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 59–60.
29. Романовский В. А. Перепись населения Левобережной Украины... С. 43
30. Доманова Г. С. Чернігівський магістрат: статус, структура та основні напрями діяльності (друга половина XVII – XVIII ст.): дис... канд. іст. наук. Чернігів, 2006. С. 149.
31. Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии. Вып. II. Чернигов, 1902. С. 191–201; Романовский В. А. Перепись населения Левобережной Украины... С. 44–45.
32. Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 250–251.
33. Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 148
34. Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 254–256, 261.
35. Переписні книги 1666 року. Київ, 1933. С. 331, 338, 341; Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 258.
36. Оглоблин Н. Розыск 1666 г. о злоупотреблениях московских ратных людей в Малороссии. Киев, 1895. С. 18, 20, 26, 30.
37. Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 214–229; Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 283–288.

38. Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 267–274, 291.
39. Оглоблин Н. Розыск 1666 г. ... С. 4–35.
40. Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 99–100.
41. Эйнгорн В. Киевский воевода П.В. Шереметев и нежинский магистрат (1666–1669) // Киевская старина. 1891. № 11. С. 256.
42. Модзалевский В. Л. Отрывки из Стародубской меской книги за 1664–1673 гг. // Труды Черниговской губернской ученой архивной комиссии (1909–1910). Вып. 8. Чернигов, 1911. С. 80.
43. Український архів. Т. I. Київ, 1929. С. 323.
44. Труды Черниговского предварительного комитета по устройству XIV-го археологического съезда в г. Чернигове. Чернигов, 1908. С. 74–75.
45. Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 276–277.
46. Эйнгорн В. Киевский воевода П.В. Шереметев... С. 250, 253–258.
47. Модзалевский В. Л. Отрывки из Стародубской меской книги... С. 101.
48. Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 283–286, 288.
49. Шевченко Ф. П. Историчні студії... С. 280, 287–289.
50. Акты ЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. С. 214–217; Акты ЮЗР. Т. VII. СПб., 1872. С. 51.
51. Алмазов А. С. Осада «верхнего земляного города» Нежина во время Украинского восстания 1668 г. // <http://historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/1883-aleksandr-almazov-osada-verkhnego-zemlyanogo-goroda-nezhina-vo-vremya-ukrainskogo-vosstaniya-1668-g>
52. Источники малороссийской истории. Ч. I. М., 1858. С. 217
53. Российский государственный архив древних актов, Москва (РГАДА). Ф. 396. Оп. 3. Д. 19. Л. 10 об., 45 об.
54. Лазарев Я. А. Российское правительство и украинская казацкая элита: особенности взаимоотношений в период функционирования Малороссийской коллегии (1722–1727) // Славяноведение. № 4. 2016. С. 41–51.
55. ПСЗ-1. Т. 1. № 447. С. 818–820.

Notes

1. The study is performed with financial support of RHSF within the project research «Ukrainian Cities in the political system “Little Russia” and Cossack statehood: the practice of integration and disintegration (second half of XVII–60-ies. XVIII century)», project № 15-31-01308/16.
2. Karpov G. F. *Peregovory ob usloviyah soedinenija Malorossii s Velikoj Rossiej (nachalo)* [Negotiations on Malorussia connection with the conditions of the Great Russian (the beginning)] // *Zhurnal ministerstva Narodnogo Prosveshhenija* – Magazine of the Ministry of Public Education. 1871, № 11, pp. 13–14; Karpov G. F. *Malorossijskie goroda v jepohu soedinenija Malorossii s Velikoj Rossiej* [Little Russian city in the age of the connection Malorussia with Great Russia] // *Letopis' zanjatij arheograficheskoj komissii* – The chronicle classes archaeological commission. Vol. VI. St. Petersburg, 1877. P. 4.
3. Karpov G. F. *Peregovory ob usloviyah soedinenija Malorossii s Velikoj Rossiej (nachalo)*... [Negotiations on Malorussia connection with the conditions of the Great Russian (the beginning)] Pp. 28–29.
4. *Akty, odnosjashiesja k istorii Juzhnoj i Zapadnoj Rossii (Akty JuZR)* – Acts relating to the history of southern and Western Russia (the Acts of SWR). Т. X. St. Petersburg, 1878. Col. 453–468.
5. *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej (VUR)* – The reunification of Ukraine with Russia (VUR). Vol. III. М. 1953. P. 553.
6. Karpov G. F. *Peregovory ob usloviyah soedinenija Malorossii s Velikoj Rossiej (nachalo)*... [Negotiations on Malorussia connection with the conditions of the Great Russian (the beginning)] P. 34.
7. Ibid. Pp. 37–38.
8. VUR. Vol. III. М. 1953. P. 561; Karpov G. F. *Peregovory ob usloviyah soedinenija Malorossii s Velikoj Rossiej (okonchanie)* [Negotiations on Malorussia connection with the conditions of the Great Russian (ending)] // *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija* – Magazine of the Ministry of Public Education. 1871, № 12, pp. 232–233.
9. Karpov G. F. *Peregovory ob usloviyah soedinenija Malorossii s Velikoj Rossiej (okonchanie)*... [Negotiations on Malorussia connection with the conditions of the Great Russian (the beginning)] P. 246; Karpov G. F. *Malorossijskie goroda v jepohu soedinenija Malorossii s Velikoj Rossiej*... [Little Russian city in the age of the connection Malorussia with Great Russia] Pp. 18–19.
10. *Akty JuZR* – Acts relating to the history of southern and Western Russia. Vol. X. St. Petersburg, 1878. Col. 515–518, 535–538.
11. *Akty JuZR* – Acts relating to the history of southern and Western Russia. Vol. X. St. Petersburg, 1878. Col. 605–610, 615–623, 625–626; VUR. Vol. III. М. 1953. Pp. 573–574.
12. Karpov G. F. *Malorossijskie goroda v jepohu soedinenija Malorossii s Velikoj Rossiej*... [Little Russian city in the age of the connection Malorussia with Great Russia] P. 19; *Akty JuZR* – Acts relating to the history of southern and Western Russia. Vol. XIV. St. Petersburg, 1889. Col. 782.
13. VUR. Vol. III. М. 1953. Pp. 533–534; *Akty JuZR* – Acts relating to the history of southern and Western Russia. Vol. XV. St. Petersburg, 1892. Col. 117–134.
14. *Akty JuZR* – Acts relating to the history of southern and Western Russia. Vol. X. St. Petersburg, 1878. Col. 388, 391, 405–407; *Akty JuZR*. Vol. III. St. Petersburg, 1861 Pp. 579–580; Shevchenko F. P. *Istorichni studii: zbirka*

- vibranih prac' i materialiv (Do 100-richchja vid dnja narodzhennja)* [Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)]. Kiiiv. 2014. P. 137. № 404.
15. *Rossijskaja istoricheskaja biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. VIII. St. Petersburg. 1884. Col. 1239–1240.
16. Shevchenko F. P. *Istorichni studii...* [Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)] Pp. 145–146.
17. *Istochniki Malorossijskoj istorii* [Sources of Little Russian history]. Ch. I. M. 1858. Pp. 102, 110.
18. Babulin I. B. *Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.)* [Fighting for Ukraine and the Battle of Konotop (1658-1659)]. M. 2015. Pp. 292–294, 348–349.
19. Shevchenko F. P. *Istorichni studii...* [Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)] P. 203–204; *Gorodskija poselenija Rossijskoj imperii* [Urban settlements of the Russian Empire]. Vol. 5. Ch. II. St. Petersburg. 1865. P. 330.
20. *Akty JuZR – Acts relating to the history of southern and Western Russia*. Vol. V. Pp. 62–63; Shevchenko F. P. *Istorichni studii...* P. 206.
21. Shevchenko F. P. *Istorichni studii...* [Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)] Pp. 208–210, 212.
22. *Universali ukraïns'kih getmaniv vid Ivana Vigovs'kogo do Ivana Samojlovicha (1657–1687)* [Universals Ukrainian hetman from Ivan Vyhovsky to Ivan Samoilovych (1657-1687)]. Kiiiv; L'viv. 2004. Pp. 156–157, 300–301, 321, 495–497, 534–535.
23. Bazilevich K. V. *Denezhnaja reforma Alekseja Mihajlovicha i vosstanie v Moskve v 1662 g.* [Monetary reform Alexei Mikhailovich and the uprising in Moscow in 1662]. M., L. 1936. Pp. 9–63; *Akty JuZR*. Vol. VII. St. Petersburg. 1872. P. 339.
24. *Istochniki malorossijskoj istorii*. Ch. I. M. 1858. Pp. 133, 143–144.
25. Florja B. N. *Vneshnepoliticheskaja programma A.L. Ordina-Nashhokina i popytki ee osushhestvlenija* [The foreign policy program of A. L. Ordina-Naschokin and attempts to implement it]. M. 2013. Pp. 82, 150, 160.
26. Romanovskij V. A. *Perepis' naselenija Levoberezhnoj Ukrainy 1666 goda: ee organizacija i kriticheskaja oценка* [The population census of Left-Bank Ukraine in 1666: its organization and critical evaluation]. Stavropol', 1967. Pp. 26–29.
27. *Akty JuZR – Acts relating to the history of southern and Western Russia*. Vol. VI. St. Petersburg. 1869. P. 19. *Istochniki malorossijskoj istorii*. Ch. I. M., 1858. Pp. 143–144, 148–149, 154–159.
28. *Akty JuZR – Acts relating to the history of southern and Western Russia*. Vol. VI. St. Petersburg. 1869. Pp. 55–59.
29. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, the command of Emperor Nicholas drawn up. The meeting first (FCL-1). Vol. 1. № 378. P. 622; *Akty JuZR*. Vol. VI. St. Petersburg. 1869. Pp. 59–60.
30. Romanovskij V. A. *Perepis' naselenija Levoberezhnoj Ukrainy...* P. 43
31. Domanova G. S. *Chernigivs'kij magistrat: status, struktura ta osnovni naprjami dijala'nosti (druga polovina XVII – XVIII st.): dis... kand. ist. nauk* [Chernihiv's magistrat: the status, structure and key actions (second half XVII – XVIII century): dis... Cand. Historical sciences]. Chernigiv. 2006. P. 149.
32. *Materialy dlja istorii jekonomicheskago, juridicheskago i obshhestvennogo byta Staroj Malorossii* [Materials for the history of economic, legal and social life of Old Malorussia]. Vol. II. Chernigov. 1902. Pp. 191–201; Romanovskij V. A. *Perepis' naselenija Levoberezhnoj Ukrainy...* Pp. 44–45.
33. Shevchenko F. P. *Istorichni studii...* [Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)] P. 250–251.
34. *Akty JuZR – Acts relating to the history of southern and Western Russia*. Vol. VI. St. Petersburg. 1869. P. 148.
35. Shevchenko F. P. *Istorichni studii...* [Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)] Pp. 254–256, 261.
36. *Perepisni knigi 1666 roku* [The 1666 census books]. Kiiiv. 1933. Pp. 331, 338, 341; Shevchenko F. P. *Istorichni studii...* P. 258.
37. Ogloblin N. *Rozysk 1666 g. o zloupotreblenijah moskovskih ratnyh ljudej v Malorossii* [The investigation of abuses in 1666 M. military men in the Ukraine]. Kiev. 1895. Pp. 18, 20, 26, 30.
38. *Akty JuZR – Acts relating to the history of southern and Western Russia*. Vol. VI. St. Petersburg. 1869. Pp. 214–229; Shevchenko F. P. *Istorichni studii...* Pp. 283–288.
39. Shevchenko F. P. *Istorichni studii...* [Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)] Pp. 267–274, 291.
40. Ogloblin N. *Rozysk 1666 g. ...* Pp. 4–35.
41. *Akty JuZR – Acts relating to the history of southern and Western Russia*. Vol. VI. St. Petersburg. 1869. Pp. 99–100.
42. Jejngorn V. *Kievskij vovoda P.V. Sheremetev i nezhinskij magistrat (1666-1669)* [Kiev's vovoda P.V. Sheremetev and Nezhin city council (1666-1669)] // *Kievskaja starina – Kiev antiquity*. 1891, № 11, p. 256.
43. Modzalevskij V. L. *Otryvki iz Starodubskoj meskoj knigi za 1664–1673 gg.* [Excerpts from the book Starodub city for 1664-1673 years] // *Trudy Chernigovskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii (1909–1910) – Works of Chernigiv provincial scientific archival commission (1909-1910)*. Vol. 8. Chernigov. 1911. P. 80.
44. *Ukraiïns'kij arhiv – Ukrainian archives*. Vol. I. Kiiiv. 1929. P. 323.

45. *Trudy Chernigovskago predvaritel'nogo komiteta po ustrojstvu XIV-go arheologicheskogo s'ezda v Chernigove* – Proceedings of the Chernigov preliminary committee on device XIV-th Archaeological Congress in Chernigov. Chernigov. 1908. Pp. 74–75.
46. Shevchenko F. P. *Istorichni studii...*[*Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)*] Pp. 276–277.
47. Jejnorn V. *Kievskij voevoda P.V. Sheremetev...* Pp. 250, 253–258.
48. Modzalevskij V. L. *Otryvki iz Starodubskoj meskoj knigi...*[*Excerpts from the book Starodub city for 1664-1673 years*] P. 101.
49. Shevchenko F. P. *Istorichni studii...*[*Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)*] Pp. 283–286, 288.
50. Shevchenko F. P. *Istorichni studii...*[*Historical studies: a collection of selected works and materials (the 100th anniversary of his birth)*]. Pp. 280, 287–289.
51. *Akty JuZR* – Acts relating to the history of southern and Western Russia. Vol. VI. St. Petersburg, 1869. Pp. 214–217; *Akty JuZR* – Acts relating to the history of southern and Western Russia. Vol. VII. St. Petersburg, 1872. P. 51.
52. Almazov A. S. *Osada «verhnego zemljanogo goroda» Nezhina vo vremja Ukrainskogo vosstaniya 1668 g.* [Siege of “upper earthen city” Nezhin during the Ukrainian uprising in 1668] // <http://historians.in.ua/index.php/doslidzhennya/1883-aleksandr-almazov-osada-verkhnego-zemlyanogo-goroda-nezhina-vo-vremya-ukrainskogo-vosstaniya-1668-g>
53. *Istochniki malorossijskoj istorii*. Ch. I. M. 1858. P. 217.
54. Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow (RSAAA). F. 396. Inv. 3. File 19. Sh. 10 turn, 45 turn.
55. Lazarev I. A. *Rossijskoe pravitel'stvo i ukrainskaja kazackaja jelita: osobnosti vzaimootnoshenij v period funkcionirovanija Malorossijskoj kollegii (1722–1727)* [The Russian government and the Ukrainian Cossack elite: especially the relationship between the functioning of the Little Russian Collegium (1722-1727)] // *Slavjanovedenie – Slavic studies*. № 4, 2016, pp. 41–51.
FCL-1. Vol. 1. № 447. Pp. 818–820.

Невербальные средства общения в диалогическом дискурсе терциарной речи

Работа посвящена исследованию особенностей диалогического дискурса терциарной речи – двустороннего речевого общения в присутствии молчащего наблюдателя – с учетом невербальных средств общения всех его участников (активных и пассивных), оказывающих влияние на форму и содержание формируемого ими диалога. Коммуниканты в процессе общения учитывают присутствие молчащего наблюдателя, имеют возможность наблюдать его жесты, мимику и движения, могут адекватно реагировать на его присутствие и при этом продолжать общение, либо частично/полностью менять тему разговора, либо переключиться на другой язык, либо прекратить процесс коммуникации. Коммуниканты также могут определить отношение молчащего наблюдателя к ним самим и к их разговору по выражению его лица (мимике), по его позе или движениям.

The article is devoted to the study of a tertiary speech dialogical discourse characteristics, i.e. a two-person talk in the presence of a silent bystander, considering non-verbal means of communication of all the dialogue participants (both active and passive), who influence the form and the content of the dialogue. The addresser and the addressee take into account the silent bystander's presence, they can observe his gestures, mimicry and movements (body language) and thus they can react respectively and keep talking or change the subject of their talk partially or completely, or begin talking in a different language, or just stop talking. The addresser and the addressee can also observe the silent bystander's attitude to them and to their talk by his non-verbal means of communication.

Ключевые слова: диалог, дискурс, терциарная речь, адресант, адресат, молчащий наблюдатель, интерпретация, невербальные средства общения.

Keywords: dialogue, discourse, tertiary speech, addresser, addressee, silent bystander, interpretation, non-verbal means of communication.

Известно, что интерпретация может считаться адекватной лишь тогда, когда реципиент толкует основную идею (цель) сообщения в соответствии с замыслом коммуникатора.

Разумеется, молчащий наблюдатель (далее – МН) так же, как и коммуниканты (адресант и адресат), по-своему воспринимает и интерпретирует конкретную ситуацию-разговор и тем самым, с одной стороны, обогащает свой опыт общения. С другой стороны, от того, насколько более или менее адекватно воспринимает и интерпретирует данный разговор двух общающихся МН, будет зависеть и степень его воздействия на терциарную речь.

Под *терциарной речью*, вслед за В. К. Харченко (2008: 93) понимается диалог двух коммуникантов в присутствии лица (лиц), не участвующего в разговоре (т. е. МН), но влияющего на речевое и невербальное поведение коммуниканта/коммуникантов и фактом своего присутствия формирующего особый вид диалога – триадного диалога [1]. Суть феномена терциарной речи заключается в том, что, если человек знает, что его слушают, он ведет себя в процессе общения и говорит иначе, чем в том случае, если это ему не известно. Молчащее третье лицо своим присутствием при двустороннем речевом обмене общающихся воздействует на коммуникантов, модифицирует форму и содержание их терциарной речи (диалога), превращая *диаду* в *триаду* [2].

Следует иметь в виду, что только посредством внимательного слушания можно попасть в кругозор коммуникантов, так как слушание представляет собой активный процесс [3]. Поэтому оно требует постоянных усилий и сосредоточенности на предмете беседы. В действительности, когда мы слушаем, мы открываем много нового и об общающихся.

В работе «Психология читателя и книги» Н. А. Рубакин пишет о том, что «слово представляет собою крайне своеобразный сосуд, хотя и наполненный содержанием, но так им наполненный, что никто никоим образом не может получить его и выпить: его приходится *самим творить*, стараясь вникнуть в него, но творить из собственных элементов и по своему образу и подобию» [4]. Целесообразно отнести приведенную точку зрения и к МН в том отношении, что понимание речи коммуникантов предполагает у МН не только наличие языковых знаний (способности понимать значения произнесенных слов и смысл целых высказываний), но и специальных знаний из различных областей науки, истории и культуры народа, на языке которого ведется диалог. Естественно, чего нет в опыте МН, того нет и в данном диалоге для него же.

Из сказанного следует, что МН постоянно и неизбежно включает свой опыт в восприятие и интерпретацию речевого общения (терциарной речи) коммуникантов, пассивным членом которого он является. Разумеется, восприятие и интерпретация речевого диалогического дискурса МН и самими общающимися конкретного акта коммуникации будет различной, так как само восприятие всегда избирательно. Философы, психологи, семиотики, семасиологи и другие исследователи давно обратили внимание на то, что из бесконечного разнообразия свойств объекта человек отбирает главные для себя в данной конкретной ситуации и строит свою шкалу оценок и свое поведение, отталкиваясь от них. Нечто подобное происходит и при восприятии и интерпретации диалога, творимого коммуникантами.

То, как МН воспринимает и интерпретирует данное речевое общение, (терциарную речь) естественным образом формирует и его отношение как к теме разговора, так и к самим общающимися.

Известно, что внешний облик или бессловесные действия, совершаемые человеком, есть своеобразный язык тела (*англ.* body language), т. е. специфичное невербальное сообщение, которое воспринимается окружающими быстрее, почти мгновенно и ярче, так как доказано, что зрительное восприятие всегда сильнее и ярче слухового. Словесно описать заложенное в таком общении содержание бывает порой чрезвычайно трудно, описания получаются громоздкими и не всегда исчерпывающими, а другие альтернативные интерпретации при этом либо опускаются, либо лишь частично акцентируются. Тем не менее основной смысл невербального сообщения все-таки достаточно легко воспринимается большинством представителей общества. Для этого, как известно, существуют определенные общепринятые традиции, соответствующие социальные представления, стереотипы и другие критерии.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что коммуниканты могут определить отношение МН к ним самим и к их разговору по выражению его лица (мимике), по его позе или движениям. Так, исследователи утверждают, что положительные эмоции (счастье, любовь, удивление и др.) распознаются легче по сравнению с отрицательными (печаль, гнев, отвращение и др.) [5].

В своей книге «Я Вас слушаю...» Иствуд Атватер пишет о том, что «обычно эмоции ассоциируются с мимикой следующим образом:

- удивление – поднятые брови, широко открытые глаза, опущенные вниз кончики губ, приоткрытый рот;
- страх – приподнятые и сведенные над переносицей брови, широко открытые глаза, уголки губ опущены и несколько сведены назад, губы растянуты в стороны, рот может быть открыт;
- гнев – брови опущены вниз, морщины на лбу изогнуты, глаза прищурены, губы сомкнуты, зубы сжаты;
- отвращение – брови опущены, нос сморщен, нижняя губа выпячена или приподнята и сомкнута с верхней губой;
- печаль – брови сведены, глаза потухшие. Часто уголки губ слегка опущены;
- счастье – глаза спокойные, уголки губ приподняты и обычно отведены назад» [6].

Из сказанного можно заметить, что губы человека особенно экспрессивны. Так, известно, что плотно сжатые губы отражают глубокую задумчивость, изогнутые губы – сомнение или сарказм. Улыбка, как правило, выражает дружелюбие, потребность в одобрении. Лицо экспрессивно отражает чувства, поэтому члены триады (как активные – партнеры по общению, так и пассивный, МН) могут пытаться контролировать или маскировать выражение своего лица. Недаром в языке существуют следующие выражения: «*сделать мину*», «*сделать такое-то лицо*», «*натянутая улыбка*», «*заготовленная улыбка*» и пр.

Так, являясь мастером диалога, И. С. Тургенев показывает тонкие и точные детали, которые обнажают психологическое состояние общающихся в романе «Отцы и дети». Данный разговор

между Аркадием и Николаем Петровичем происходит при Евгении Базарове (МН), присутствие которого явно влияет на ход речевого акта:

– Какой зато здесь воздух! Как славно пахнет! Право, мне кажется, нигде в мире так не пахнет, как в здешних краях! Да и небо здесь...

Аркадий вдруг остановился, бросил косвенный взгляд назад (на Базарова, МН. – В. Б.) и умолк.

– Конечно, – заметил Николай Петрович, – ты здесь родился, тебе все должно казаться здесь чем-то особенным...

– Ну, папаша, это все равно, где бы человек ни родился.

– Однако ...

– Нет, это совершенно все равно.

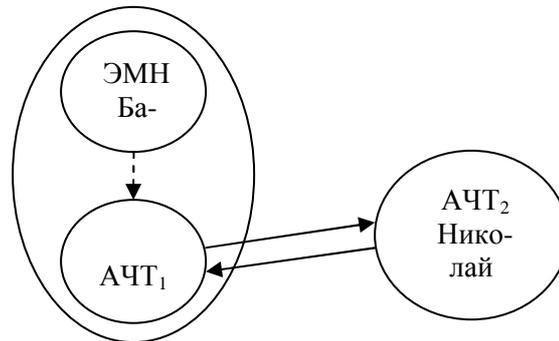
Николай Петрович посмотрел сбоку на сына, и коляска проехала с полверсты, прежде чем разговор возобновился между ними (то есть в разговоре имела место пауза, он прервался. – В. Б.) [7].

Ясно, почему оборвались излияния Аркадия. Это, естественным образом, влияние Базарова (МН), т. е. Аркадий знал, что тот бы не одобрил такой разговор. И характерно: автор говорит не «посмотрел» или «обернулся» (на присутствующего при коммуникативном акте Базарова), а «бросил косвенный взгляд». Эти слова передают смущение Аркадия, боязнь показаться другу смешным, ежели до того донеслись его восторженные слова. Он словно на минуту забыл о своей роли нигилиста. Но, снова входя в нее, он продолжает свою речь, нарочито подчеркивая свое «свободомыслие»: «Ну, папаша, это все равно, где бы человек ни родился». Как деликатный Николай Петрович сразу почувствовал, что сын «поет с чужого» (Базарова, МН. – В. Б.) голоса.

Можно с уверенностью заключить, что, не оказавшись Базаров рядом с активными членами данного коммуникативного акта, диалогический дискурс носил бы совершенно иной характер и форму.

Таким образом, Базаров (МН) вместе с Аркадием составляют альянс в разговоре отца с сыном, т. е. Альянс = Евгений Базаров + Аркадий.

Схематично данную триаду можно изобразить следующим образом:

Итак, на основе всего сказанного можно сделать вывод, что коммуниканты в процессе общения так или иначе учитывают присутствие молчащего МН, но, к тому же, степень такого учета зависит от следующих факторов:

1) от умения общающихся определить, заинтересован или нет присутствующий некоммуникант (МН) в данном речевом общении;

2) если МН заинтересован в данном коммуникативном акте, то каково его отношение к теме разговора или к самим общающимся (по мнению коммуникантов), что, как уже отмечалось выше, определяется по выражению лица, позе или движениям присутствующего третьего лица;

3) от степени знакомства МН с общающимися и др.

Разумеется, коммуниканты, имея возможность наблюдать жесты, мимику и движения присутствующего МН, могут адекватно реагировать на его присутствие и при этом либо продолжать общение, как это происходило бы в отсутствие МН, либо частично/полностью менять тему разговора, либо использовать в своей речи иноязычные вкрапления (отдельные слова и выражения), либо переключаться на другой язык (при билингвизме/диглоссии), либо прекратить процесс коммуникации вообще.

Однако следует также заметить, что коммуниканты не всегда имеют возможность наблюдать выражение лица МН: МН может сидеть/стоять спиной к общающимся, он может быть скрыт от взора говорящих, может быть в темном углу помещения, оба коммуниканта или один из них могут быть близоруки и, в конце концов, оба коммуниканта (один из них) могут быть несведущи, что именно означают та или иная мимика, жест, поза и т. д. (особенно если это человек другой

лингвокультуры). Однако даже в этом случае нельзя категорично утверждать, что вышеупомянутые факторы позволяют адресанту и адресату не обращать никакого внимания на само присутствие молчащего третьего лица. Другими словами, еще раз можно утверждать, что присутствие МН может способствовать процессу диалогического общения или же являться препятствием (барьером) к нему.

Примечания

1. Харченко В. К. «Белые пятна» на карте современной лингвистики: книга рисков. М., 2008. С. 93.
2. Бабаян В. Н. Дискурсивное пространство терциарной речи. Психолингвистические особенности диалогической речи в присутствии молчащего третьего лица. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany, 2011. С. 94.
3. Атватер И. Я Вас слушаю... (Советы руководителю, как правильно слушать собеседника). М. : Экономика, 1988; Горелов И. Н. Основы психолингвистики. М., 2001; Дерябо С. Д. Гроссмейстер общения : иллюстрированный самоучитель психологического мастерства. М., 1996.
4. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М. ; Л., 1929.
5. Атватер И. Указ. соч.; Горелов И. Н. Указ. соч.; Дерябо С. Д. Указ. соч.; Сопер П. Л. Основы искусства речи. М. : Прогресс-Академия, 1992; Фаст Дж. Язык тела. Как понять иностранца без слов. М. : Вече, АСТ, 1997.
6. Атватер И. Указ. соч. С. 66–67.
7. Тургенеv И. С. Отцы и дети. М. : Рус. яз., 1991. С. 25–26.

Notes

1. Kharchenko V. K. «Belye pyatna» na karte sovremennoj lingvistiki: kniga riskov ["White spots" on the map of modern linguistics: the book of risks]. M. 2008. P. 93.
2. Babayan V. N. *Diskursivnoe prostranstvo terciarnoj rechi. Psiholingvisticheskie osobennosti dialogicheskoy rechi v prisutstvii molchashchego tret'ego lica* [Discursive space of tertiary speech. Psycholinguistic peculiarities of dialogical speech in the presence of a silent third person]. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany. 2011. P. 94.
3. Atwater I. *Vas slushayu... (Sovety rukovoditelyu, kak pravil'no slushat' sobesednika)* [I listen to You... (Advice to the manager how to listen to the interlocutor)]. M. Ekonomika. 1988; Gorelov I. N. [The basics of psycholinguistics]. M. 2001; Deryabo S.D. *Grossmeister obshcheniya : illyustrirovannyj samouchitel' psihologicheskogo masterstva* [Grandmaster of communication: illustrated tutorial of psychological skills]. M. 1996.
4. Rubakin N. A. *Psihologiya chitatelya i knigi. Kratkoe vvedenie v bibliologicheskuyu psihologiyu* [Psychology of the reader and the book. A brief introduction to the bibliological psychology]. M.; L. 1929.
5. Atwater I. Op. cit.; Gorelov I. N. Op. cit.; Deryabo S. D. Op. cit.; P. L. Soper *Osnovy iskusstva rechi* [Fundamentals of the art of speech]. M. Progress-Academiya. 1992; J. Fast. *Yazyk tela. Kak ponyat' inostranca bez slov* [Body language. How to understand a foreigner without words]. M. Veche, AST. 1997.
6. Atwater I. Op. cit. Pp. 66-67.
7. Turgenev I. S. *Otcy i deti* [Fathers and children]. M. Rus. yaz. 1991. Pp. 25-26.

УДК 811.161.1: 366. 636

Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко

Особенности реализации прецедентного феномена «дамоклов меч» в текстах политических СМИ

В настоящей статье рассматриваются особенности реализации прецедентного феномена «Дамоклов меч» в текстах политических СМИ, выявляются способы трансформации исследуемого феномена и его структурно-семантические свойства. В работе конкретизируются основные функции прецедентного феномена в политических текстах и выделяется один из наиболее значимых источников прецедентных единиц – мифология, которая апеллирует к системе знаний о мире. Материалом для анализа послужили тексты политических СМИ за 2010–2016 гг. Прецедентный феномен рассматривается в контексте политического дискурса с отсылкой к греческой мифологии. Все языковые средства, участвующие в репрезентации объекта изучения, распределены в соответствии с индивидуально-авторскими приемами экспрессивного использования прецедентных единиц. В статье представлена авторская модель исследуемой прецедентной единицы и способы ее трансформации, обусловленные лексическими и грамматическими особенностями самой конструкции.

This article discusses the features of the implementation of the precedent phenomenon of «Sword of Damocles» in the texts of political media, identified to transformation methods of the investigated the phenomenon and its structural and semantic features. In the article the basic functions are concretized of precedent phenomenon of political texts and released one of the most significant sources of precedent units – mythology that appeals to a system of knowledge about the world. The material for analysis were the political media texts for the years 2010–2016. Precedent phenomena considered in the context of political discourse with reference to Greek mythology. All language funds involved in the representation of the object of study, distributed in accordance with the individual author receptions expressive use of precedent units. The article presents the author's model of precedent phenomenon and methods of its transformation caused by lexical and grammatical features of the precedent unit.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентный текст, политический дискурс, фразеология, мифология, когнитивная база.

Keywords: precedent phenomenon, precedent text, political discourse, phraseology, mythology, cognitive base.

В современном социуме политика является той сферой, которая в большей или меньшей степени касается любого гражданина каждого государства. Влияя на систему ценностей и формируя стратегии общества, политики используют различные вербальные и невербальные средства, креализованные тексты, зафиксированные в СМИ, политических документах, выступлениях, лозунгах, рекламах, листовках и других политических материалах. Язык политики характеризуется семантической неопределенностью, идеологической неоднозначностью, структурно-семантической латентностью, направленностью на эмоциональное воздействие и навязыванием определенных выводов адресату политического текста. Именно данный факт предопределяет разветвленную систему образных средств, формирующих политическую картину мира. Значимое место в этой системе занимают прецедентные феномены, ставшие объектом нашего исследования.

Цель данной статьи – выявить особенности реализации прецедентного феномена «Дамоклов меч» в русскоязычном политическом дискурсе с учетом прагматических установок адресата политического текста.

Язык СМИ обращается к прецедентным феноменам как источнику экспрессивности и актуализации языковых средств, который характеризуется употреблением устойчивых конструкций для определенных стилистических целей, при которых они воспринимаются в политическом контексте как необычные и привлекают к себе внимание. Актуализация прецедентных феноменов связана с усилением смысловой и стилистической нагрузок текста и, как правило, достигается за счет их трансформации. При функционировании прецедентных феноменов (с изменениями или без изменения их структурно-семантических характеристик) в политических текстах отмечаются различные виды трансформаций их содержания и структуры, которые обуславливают характер их влияния на контекст.

В современной коммуникации прецедентные феномены создают необходимые условия для протекания процессов воспроизводства власти на основе эффекта узнавания. В качестве средства установления и поддержания контакта между адресатом и адресантом речи путем своеобразной проверки их «коммуникативного равенства» прецедентность создает особый тип экспрессии, который, как считает В. Г. Костомаров, «не может не быть востребованным в газетном тексте с его равноправной ориентацией на экспрессию и стандарт» [1]. Отсылка к прецедентным единицам, отмечает Ю. Е. Прохоров, «имеет как прагматическую направленность, выявляя свойства языковой личности, ее цели, мотивы и установки, ситуативные интенциональности, так и лингвокогнитивную, реализация которой включает личность в речевое общение именно данной культуры на данном языке» [2]. А. П. Чудинов подчеркивает, что прецедентные феномены в политических публикациях позволяют «сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку. По своим функциям и восприятию прецедентные феномены во многом сходны с метафорой» [3]. Именно схожесть с метафорой, как нам кажется, и является причиной глубокой образности прецедентных конструкций и их широкого коннотативного фона.

Публицистика не выстраивает особой модели восприятия действительности, но опирается на современную картину мира, разрабатывая более глубоко отдельные ее участки. Поэтому главной функцией прецедентного феномена в политическом тексте является воздействие на адресата за счет апеллирования к уже закрепившейся в его сознании устойчивой конструкции. Источниками таких конструкций могут быть различные сферы, обращение к которым поможет объективно воспринимать текст в политическом дискурсе. Особое место для изучения сфер появления прецедентных феноменов отводит Е. А. Нахимова, утверждающая, что «рассмотрение

сфер-источников прецедентности может предоставить также интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата» [4].

Анализ политических текстов 2010–2016 гг. позволяет сделать вывод, что одним из наиболее значимых источников прецедентных единиц является мифология, которая апеллирует к системе знаний о мире, реализованных в данной этнокультуре. В данном исследовании мы остановимся на описании прецедентной единицы «Дамоклов меч», функционирующей в политических текстах как в исходном, так и в трансформированном виде.

Прецедентная единица «Дамоклов меч» восходит к греческому преданию о сиракузском тиране Дионисии Старшем (432–367 гг. до н. э.), который с целью проучить одного из своих приближенных, Дамокла, предложил тому занять на время пира его место. При этом Дионисий повесил над головой Дамокла острый меч на конском волосе как символ тех опасностей, которые неминуемо грозят тирану. Так Дамокл понял, как мало счастлив тот, кто находится под вечным страхом [5]. В современном русском языке данная единица определяется как фразеологизм и интерпретируется со значением «постоянно угрожающая кому-либо опасность, неприятность» [6].

Индивидуально-авторские приемы экспрессивного использования фразеологизмов, предложенные В. П. Ковалевым, логично экстраполируются на анализ устойчивых конструкций, вошедших в объем прецедентных единиц. Так, исследователь предлагает следующие позиции: 1) прямое введение фразеологизмов в контекст без изменения их значения и состава; 2) смысловое обыгрывание фразеологизмов; 3) разного рода преобразования состава фразеологизмов [7].

Первый прием достигается за счет того, что устойчивое выражение взаимодействует с контекстом и возникает новый стилистический эффект, при этом фразеологизм не трансформируется, а их форма и семантика сохраняются в кодифицированном виде: *Президент повесил над Украиной Дамоклов меч* (Гордон, 04.03.2014); *Украина – дамоклов меч дефолта в действии* (Журналистская правда, 21.05.2015); *Дамоклов меч: кто пострадает, когда Россия введет пошлины* (Диалог, 30.09.2014).

Второй прием предполагает нарушение обычных стилистических границ употребления устойчивой конструкции. При этой семантической трансформации происходит наполнение фразеологического оборота новым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности: *...над головами отдельных латвийских политиков все еще висит дамоклов меч, заявила экс-президент Вайра Вике-Фрейберга: «Он там висит на кончике волоска. Очевидно, волосок – весьма прочный»* (rus.DELFI.lv, 09.07.2011). В приведенном контексте также происходит взаимодействие устойчивых конструкций. Фразеологизм «висеть на волоске» в лексикографических источниках интерпретируется следующим образом: «находиться в опасности, быть близким к гибели, к концу» [8]. В контексте подчеркивается, что волос весьма прочный, так как коррумпированные политики все еще у власти.

К данному типу трансформации относится и двойная актуализация, или игра слов. Как отмечает Т. Н. Федуленкова, это «приём, часто служащий для создания буквального комического эффекта, основанного либо на буквальной интерпретации компонентов фразеологизма, как таковой, либо на непонимании, возникающем вследствие восприятия одним коммуникантом прямого, а другим – переносного значения фразеологизма» [9]. Как показывает контекст, данный прием способствует оживлению образа, создаёт яркость ассоциаций, усиливает эффект воздействия: *Сотрудники ФСБ России задержали Дамоклов меч в момент его падения на Россию. Из анонимных источников стало известно, что Дамоклов меч падал на страну в районе горнолыжной трассы города Сочи (2x2 тв, 10.10.2013).*

К третьему приему относится аналитический тип трансформации, который описывает исследователь Б. В. Кривенко. Применительно к данному исследованию эту классификацию можно представить несколькими типами:

1) Синтаксическая трансформация:

а) замена утвердительной конструкции на отрицательную и наоборот; замена повествовательного предложения вопросительным: *Пусть висит дамоклов меч? Руководитель Следственного комитета России Александр Бастрыкин высказался «за гипотетическую возможность» применения смертной казни* (Апостров, 06.04.2016);

б) замена видов синтаксической связи: *Пропаший меч может стать Дамокловым. Виною всему меч (не дамоклов, конечно, а настоящий, самурайский), таинственно исчезнувший из Олимпийского музея в швейцарской Лозанне* (Сегодня, 22.01.2016).

2) Лексическая трансформация.

При данном типе трансформации объектом манипуляции является слово. Слово или несколько слов либо добавляются в устойчивое сочетание, либо заменяются: **демографический «Дамоклов меч»** (Русь единая, 14.08.2012); **Дамоклов меч «Большой Европы»** (Российская бизнес-газета, 10.02.2014); **Дамоклов топор по-прежнему висит над легкими Самары** (Аргументы и факты, 15.02.2012).

Рассмотрение различных классификаций дает возможность описать особенности функционирования прецедентных феноменов в политических текстах.

Как показал анализ массмедийных политических текстов, реализуясь в контекстах, конструкция «Дамоклов меч» наиболее активно претерпевает следующие структурно-семантические трансформации:

1. Расширение адъектива без трансформации компонентов: **Над Украиной всё ещё висит радиоактивный дамоклов меч. Сегодня исполняется 25 лет со дня катастрофы на Чернобыльской АЭС.** (Вести ФМ, 26.04.2011); **Летающий «дамоклов меч».** Израильская компания UVision продемонстрировала линейку самоуничтожающихся беспилотных летательных аппаратов марки HERO, предназначенных для нанесения ударов (warspot.ru, 18.09.2014); **Ледяной дамоклов меч.** Как в столице, так и по всей стране тяжело передвигаться и пешком, и на транспорте: сугробы на остановках да лед на каждом шагу (Панорама, 20.12.2012); **Над украинской энергетикой висит Дамоклов меч размером 30 миллиардов** (Минпром, 28.12.12); **Дамоклов меч штрафов готов обрушиться...** (Ладога, 29.11.2010); **Под дамокловым мечом штрафов предлагает государство жить посредникам в трудоустройстве граждан за границей** (Новости Одессы, 31.08.2016).

2. Замена субстантива с изменением семантики конструкции: **Дамоклов Саблин настиг Навального. Суд встал на сторону сенатора Дмитрия Саблина в его споре с Алексеем Навальным** (Руспрес, 20.01.2016). При этом адъектив «дамоклов» сохраняет денотативное содержание «нависшая опасность».

Конструкция «Дамоклов меч» построена по модели Adj. + Subst, где адъектив «дамоклов» обозначает принадлежность, а субстантив «меч» определяется как «холодное оружие с обоюдоострым длинным прямым клинком» [10]. Данный факт приводит к тому, что в массмедийных текстах компонент «меч» активно замещается другими видами оружия с изменением семантики всей конструкции. Зачастую замена происходит на похожие виды оружия, такие как *нож, клинок*: **Петр Олийнык, несмотря на дамокловы ножи, нависшие над всеми ставленниками Президента в областях, спокоен** (Картина дня, 01.09.2007).

Весьма активно замена субстантива наблюдается в массмедийных текстах социально-медицинской направленности: **Дамоклов нож. Инвалидом следует признавать не того ребенка, который тяжело болен, а того, который болен так, что нуждается в помощи государства** (Коммерсант, 28.03.2014); **Над «Макдональдсом» висит дамоклов клинок. Компания «Макдональдс» растолковала своим сотрудникам, какие продукты полезны, а какие – нет** (У моря, 26.12.2014).

Для политических текстов характерно использование национально ориентированных лексем-маркеров определенной культуры, которые привлекают внимание к проблеме того или иного государства: **Конституция: Дамоклова булава или нить Порошенко? ... мнение народа использовалось не как элемент законотворчества, а как Дамоклова булава, подвешенная над депутатскими головами. Нынешняя Конституция для президента Петра Порошенко спасительна, как нить Ариадны для известного героя. По этой нити президент должен выйти из-под обвинений в том, что творится в стране, и перенести ответственность на парламент** (Политические известия, 27.06.2014). В лексикографических источниках **булава** определяется как «короткий жезл с шарообразной тяжёлой головкой, символ власти военачальника, в старину – ударное оружие» [11]. В настоящее время церемониальная **булава** является официальным символом власти президента Украины.

Не менее частотными являются конструкции, функционирующие с замещением субстантива **меч** на субстантив **топор**. Использование в текстах данного вида орудия обусловлено тем, что подобные конструкции описывают экологические проблемы страны, в частности массовую вырубку лесов: **Дамоклов топор над «Русской Амазонкой».** Над долиной реки Бикин, которую недаром называют Русской Амазонкой, – висит топор лесорубов (КамСити, 07.07.2011); **Дамоклов топор по-прежнему висит над лёгкими Самары. Жители Самары и экологи готовятся к митингу в защиту от вырубки парков** (Аргументы и факты, 15.02.2012).

В массмедийных текстах субстантив «меч» замещается языковыми единицами из других лексико-семантических полей. Отметим, что семантическое наполнение таких новообразований совпадает с денотативным значением конструкции «Дамоклов меч» и обозначает **опасность**,

угрозу: Европа подвесила над Порошенко **дамоклов Боинг...** Спецслужбы Голландии пришли к выводу, что катастрофа Малазийского Боинга над территорией Украины могла произойти только по вине украинской стороны (Экономика сегодня, 11.02.2016); **Дамоклов жезл** украинской Госавтоинспекции (Известия, 28.08.2009); **Дамоклов червонец:** за опоздание назначен денежный штраф 10 грн. (Новости города и региона, 19.02.2008); **Дамокловы мосты.** Два аварийных моста над железнодорожными путями в Саратове и Астрахани могут рухнуть в любой момент (Гудок, 05.10.2006); **Дамоклов штраф.** В Казахстане значительно увеличилось материальное наказание за повторное нарушение правил дорожного движения (Наша ярмарка, 11.11.2011); **Дамоклов ковш.** Что еще собираются снести в Москве? (Коммерсант, 11.04.2016).

При реализации в массмедийных текстах конструкции «Дамоклов меч» происходит расширение грамматического потенциала, реализованное, прежде всего, в появлении формы множественного числа, не характерного для ее денотативного значения: **Дамокловы мечи** России в наследство от «советских» дермократов (Макспарк, 26.08.2013); **70 украинским банкам угрожают дамкловы мечи.** Законопроект «О внесении изменений в некоторые законы Украины» призван создать проблемы для 70 украинских банков (Обозреватель, 15.12.2010).

При реализации расширенной конструкции «висит дамклов меч (над кем-л.)», означающей, что над человеком каждую минуту может разразиться страшное несчастье, значимым является глагол «висит» в форме настоящего времени. В массмедийных текстах глагол в такой форме малоактивен: **Над фермерами висит Дамоклов меч** (Политическое образование, 05.06.2012). Как правило, в текстах происходит трансформация конструкции, обусловленная следующими лексическими и грамматическими особенностями:

1) опущение глагола: **Дамоклов меч над украинским сыром.** Вслед за овощами из стран Евросоюза Россия может запретить ввоз сыра из Украины (Новости.ру, 16.06.2011); **«Дамоклов меч» над головами политиков – это идеи ОД «Украинский выбор»** (Корреспондент, 06.06.2013); **Новый Налоговый кодекс – дамклов меч над головами предпринимателей** (Росинфо, 15.10.2010);

2) трансформация глагола (в рамках одного деривационного гнезда): **Возможный дефолт нависает над Украиной как дамклов меч:** уже этим летом эта страна, вероятно, не сможет выплачивать свои долги (Маяк, 24.05.2015); **Над главным судьей Украины навис дамклов меч** (Вести.ру, 11.03.2011);

3) замещение другими глаголами в различных временных формах: **Дамоклов меч опускается:** РФ подала иск по украинскому долгу (Экономика сегодня, 17.02.2016); **Дамоклов меч договорных штрафов довлеет над нерадивыми** (Таллин, 26.08.2009); **Дамоклов меч штрафов готов обрушиться** (Ладога, 29.11.2010).

Расширение конструкции происходит также за счет указания на конкретного субъекта, который совершает действие: **Янукович «подвесил» над ответственными за реформы Дамоклов меч** (sensor.net.ua, 22.12.2010); **Медведев подвесил над МВД дамклов меч** (Новые известия, 18.02.2010); в неопределенно-личных предложениях: **Над нами повесили «дамклов клинок»** (Новости и истории Беларуси, 01.03.2014).

Заключение

Таким образом, в текстах политических СМИ отображается специфика прецедентного феномена «Дамклов меч» и характер его функционирования в контекстах. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что массмедийный дискурс использует вербальные сообщения в виде трансформированных прецедентных единиц, которые отличаются богатством языковых средств, сложностью взаимодействия с контекстом, различными способами воздействия на адресанта. Рассмотрение приемов экспрессивного использования прецедентных единиц в текстах политических СМИ позволяет выделить экспрессивную функцию и функцию воздействия как основные функции прецедентных единиц в массмедийных текстах. Любые структурные изменения прецедентных феноменов влекут семантические сдвиги и по своей природе являются «хранилищем» для когнитивных структур, которые служат как инвариант для восприятия.

Примечания

1. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб. : Златоуст, 1999. С. 71.

2. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М. : ЛКИ, 2008. С. 155–156.

3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 29.

4. Нахимова Е. А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2005. Т. 1. № 15. С. 102–103.

5. *Мишологический словарь* / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Сов. энцикл., 1991.

6. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. М. : Астрель, 2008.
7. Ковалев В. П. Основные индивидуально-авторские приемы экспрессивного использования фразеологизмов // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка). 1971. Ч. I. С. 303–307.
8. Учебный фразеологический словарь русского языка / сост. Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. Л. : Просвещение, 1997.
9. Федуленкова Т. Н. Оказиональное преобразование фразеологических единиц как лингвистическое явление // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2012. Т. 9. № 3. С. 128.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Оникс, 2008.
11. Там же.

Notes

1. Kostomarov V. G. *Jazykovej vkus jepohi. Iz nabljudenij nad rechevoj praktikoj mass-media* [Language taste of the era. From the observation of the speech practices of the media.] Spb. Zlatoust. 1999. P. 71.
2. Prohorov E. J. *Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshhenija i ih rol' v obuchenii russkomu jazyku inostrancev* [National socio-cultural stereotypes of verbal communication and their role in teaching Russian language for foreigners]. M. LKI. 2008. Pp. 155-156.
3. Chudinov A. P. *Metaforicheskaia mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii: monografija* [Metaphorical mosaics in modern political communication: a monograph]. Yekaterinburg. Ural State Pedagogical University. 2003. P. 29
4. Nahimova E. A. *Precedentnye fenomeny s mental'nym polem-istochnikom "Teatr" v sovremennom politicheskom diskurse* [Precedent phenomena with the mental field-source "Theatre" in modern political discourse] // *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*. 2005. Vol.1. No. 15. Pp.102-103.
5. *Mifologicheskij slovar'* – Mythological dictionary / chief editor E. M. Meletinsky. M. Sov. Encyclopedia, 1991.
6. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka* – Phraseological dictionary of Russian literary language / compiler A. I. Fedorov. M. Astrel. 2008.
7. Kovalev V. P. *Osnovnye individual'no-avtorskie priemy jekspressivnogo ispol'zovanija frazeologizmov* [The main individual-abstract receptions expressive use of phraseology] // *Voprosy semantiki frazeologicheskikh edinic (na materiale russkogo jazyka)* – Questions of semantics of phraseological units (based on the Russian language). 1971. Ch.I, pp. 303-307.
8. *Uchebnyj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* – Educational phraseological dictionary of Russian language / comp. E. A. Bystrov, A. P. Okuneva, N. M. Shanskiy. L. Prosveshchenie. 1997.
9. Fedulenkova T. N. *Okkazional'preobrazovanie frazeologicheskikh edinic lingvisticheskoe kak javlenie* [The occasional transformation of phraseological units as a linguistic phenomenon] // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova* – Herald of the North-Eastern Federal University named M. K. Ammosova. 2012. V. 9, No. 3, p. 128.
10. Ozhegov S. I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. Onyx. 2008.
11. Ibid.

УДК 811.161.1'373.611

В. Ф. Ибрагимова

Антропонимика в региональном дискурсе

В статье рассматриваются проблемы региональной антропонимики как культурно-языкового взаимодействия в русской филологии второй половины XX столетия. Освещаются наиболее важные источники образования русских и украинских фамилий, семантические закономерности имени собственного в лингвистике. В результате процесса глобализации широкие возможности общения носителей какой-либо культуры с представителями других культур сегодня стали повседневной реальностью для многих народов. Это обстоятельство вызвало широкий интерес к процессу взаимодействия языков. В настоящее время изучением тех или иных аспектов антропонимики занимается целая группа гуманитарных наук: филология, этнопсихология, социология, лингвокультурология и др. Благодаря деятельности специалистов этих отраслей науки появились работы, посвященные рассмотрению различных проблем взаимодействия языков, литератур, культур. Проведенный анализ русских и украинских фамилий тюркского происхождения обозначил пути проникновения тюркизмов в русский язык и показал степень адаптированности лексем языком-реципиентом.

The article deals with problems of regional anthroponimics as a cultural and linguistic interaction in Russian philology of the second half of the twentieth century. It covers the most important sources of the Russian and Ukrainian surnames, semantic regularities proper name in linguistics. Because of globalization, opportunities of communication media of any culture with other cultures have become a daily reality for many people now. This fact has caused wide interest in the process of language interaction. A group of sciences such as philology, ethnic psychology, sociology, cultural linguistics, etc. studies of various aspects of anthroponimics. Thanks to the work of experts of these branches of science were appeared the works devoted to consideration of various languages interaction problems, literatures and cultures. The analysis of Russian and Ukrainian surnames of Turkish origin designated pathways Turkisms in Russian language and showed the degree of adaptability of the token-language of the recipient.

Ключевые слова: антропоним, семантика фамилий, семантическая мотивация, освоенные и неосвоенные основы, мотивирующая основа, множественность мотивации, апеллятив.

Keywords: anthroponym, semantics of names, semantic motivation, developed and undeveloped base, motivating base, a plurality of motivation.

Внимание к системе имен собственных, в частности, антропонимов, определяется их особым положением как слов, развивающихся по законам языка, включающего лексический, этнографический, исторический, социальный, культурологический аспекты. **Актуальность** изучения семантики антропонимов Крыма очевидна, поскольку Крымский полуостров является своеобразным этнографическим музеем. Рамки данной статьи обуславливают и поставленную автором **цель** – рассмотреть некоторые русские и украинские фамилии тюркского происхождения, функционирующие в Крыму.

Разнообразие русских и украинских фамилий было достигнуто за счет большого количества различных элементов, использованных в качестве их основ. Это личные имена, прозвища и отчества, а также уже готовые фамилии, подвергающиеся дальнейшим трансформациям, и географические названия племен и народов, обозначения различных угодий и некоторые нарицательные существительные, по различным причинам вовлеченные в сферу образования фамилий. Таким образом, антропонимические номинации несут информацию об особенностях эпохи и являются своеобразным временным памятником.

Разработка проблемы культурно-языкового взаимодействия в лингвистике второй половины XX столетия привлекает внимание многих ученых. Большой вклад в изучение русских антропонимов внесли Н. А. Баскаков, В. Д. Бондалетов, С. И. Зинин, В. А. Никонов, А. М. Селищев, А. В. Суперанская, А. В. Сулова, Б. О. Унбегаун, В. К. Чичагов, Ю. А. Федосюк и др.

Украинская антропонимика представлена исследованиями таких ученых, как С. Ф. Бевзенко, В. А. Горпинич, М. О. Демчук, В. В. Нимчук, Е. С. Отин, Ю. К. Редько, О. Б. Ткаченко, М. Л. Худаш, Ю. А. Карпенко, В. М. Калинин и др.

А. В. Суперанская, крупнейший ученый-ономаст не только России, но и всего славянского мира, в своих исследованиях, касающихся семантики собственных имен, отмечает, что «сравнительное изучение имен разных типов позволяет выявить специфические черты, свойственные всем или многим именам разных языков, и общие закономерности, в соответствии с которыми развиваются ономастические системы» [1]. Сферой научных изысканий другого крупного ученого А. Н. Тихонова является деривационная структура русских личных имен. Б. О. Унбегаун исследует современную систему русских фамилий в морфологическом и семантическом аспектах, анализирует исторические данные, которые способствуют лучшему ее пониманию. Исследователь, рассматривая русские фамилии славянского и неславянского происхождения с точки зрения их русификации, выделяет и распределяет фамилии тюркского происхождения на две группы. Первая группа «восходит к эпохе Московского княжества и связана с татарским игом в России (1240–1480 гг.)» [2] и «вторая большая группа фамилий тюркского происхождения связана с покорением в XIX в. огромных территорий в Средней Азии и на Кавказе с различным тюркским населением» [3].

По утверждению Ю. К. Редько, «фамилий тюркского (преимущественно татарского) происхождения на Украине много, но среди массы фамильных названий они не составляют группы более многочисленной, чем фамилии немецкого или венгерского происхождения» [4].

Работы Н. К. Дмитриева являются наиболее обстоятельными исследованиями тюркизов в русском языке. Тюрколог изучает звуковые соответствия тюркских и русских слов, сопоставление которых позволяет более точно установить источник заимствования [5].

Н. А. Баскаков является одним из ведущих исследователей в области изучения русских фамилий тюркского происхождения. При исследовании фамилий с тюркским корнем Н. А. Баскаков

отмечает, что «в структурном отношении все тюркские слова, лежащие в основе прозвищ и фамилий, представляют собой либо непроемные основы, то есть основы без продуктивных аффиксов словообразования, состоящие только из корневой морфемы и мертвых непроемных аффиксов, либо производные основы, то есть основы, содержащие продуктивные аффиксы» [6].

Исследователь А. П. Садохин подчеркивает, что «исторически большинство современных фамилий произошло от слов нарицательной лексики, однако становлению фамильных имен сопутствовали семантические наложения этапов его развития. Поэтому этимологически устанавливаемая семантика современных фамилий сложна и они полиэтимологичны» [7].

Русские и украинские антропонимы, образованные на базе тюркских основ, представляют собой особый пласт славянской лексической системы.

Собранный нами материал показал, что в русской и украинской антропонимике зафиксированы фамилии с тюркскими корнями: *Пичак* (нож), *Патлажан* (баклажан), *Копка* (ведро), *Балыкчи* (рыбак), *Берекет* (прибыль), *Гунчик* (денек) и др.

Наши наблюдения показали, что большинство антропонимов образованы на базе многозначных нарицательных имен. Однако не все значения (прямые и переносные) первичного корня переходят во вторичный корень. Так, слово *баш* имеет несколько значений: 'голова', 'главный', 'верх', 'крышка'. От него с помощью словообразовательных аффиксов созданы новые слова. Исходным для семантики словообразования служило одно из значений этого слова: *баш-лы* 'имеющий голову, головастый', *башчи* 'начальник', 'главарь', 'руководитель'.

В. Г. Дмитриев отмечает, что «слово *баш* именно так произносится в татарском, башкирском, узбекском, туркменском, киргизском, азербайджанском, кумыкском, турецком и других языках» [8].

Многозначность производящих основ была объектом исследования таких ученых, как Н. К. Дмитриев [9], А. Меметов [10] и др.

Так, к примеру, мотивирующей основой фамилии *Баглановский* служит нарицательное слово *baglan* 'дикий гусь'. Н. К. Дмитриев, ссылаясь на словарь Л. Будагова, отмечает, что для татарского языка отмечены формы *baglan* со значением 'дикий гусь'. В современном казахском и каракалпакском языке слово *baglan* имеет значение 'большого роста, толстый, крупный (о гусе, ягненке)' [11].

Антропоним *Гайдар*, распространенный в русском и украинском языках, имеет также несколько гипотез о происхождении. Согласно словарным материалам И. Глинского, гайдарами у тюркских народов когда-то называли военных музыкантов – дударей (от гайда – дудка). Между Волгой, Днепром и Днестром это имя пристало к пастухам овец [12].

Ю. А. Федосюк приводит другую версию возникновения онима: «В татарской коннице впереди ехали музыканты; отсюда значение слова *гайда* расширилось: так стали называть всякого всадника, скачущего впереди. Позднее гайдарами стали называть погонщиков скота и пастухов» [13].

Вокруг фамилии *Нагаев* также ведутся споры. Ю. А. Федосюк отмечает, что «Ногай – имя правнука Чингисхана, основателя Ногайской Орды, отделившейся в XIV веке от Золотой Орды» [14].

Тюрколог Р. В. Радлов связывает происхождение онима с тюркским племенным названием «*no'ai* в Крыму и на Кавказе или казахским и татарским словом *ногъай* 'казанский татарин', 'татарин, живущий на востоке России' или 'татарин-степняк'» [15].

«Двойственную семантическую мотивацию имеет основа *башлык* (*Башлыков, Башлыкин, Башлыченко, Башлачев, Башлычков, Башлук*):

1. 'Остроконечный капюшон с длинными концами, надеваемый поверх головного убора'. Заимствование из турецкого, крымскотатарского, азербайджанского, татарского *baslyk* 'головной убор'.

2. Заимствование из турецкого языка, крымскотатарского, азербайджанского, татарского *baslyk* 'предводитель, начальник'» [16].

Значительную группу русских и украинских фамилий тюркского происхождения составляют онимы, образованные от существительных, которые соотносятся с личными именами или нарицательными существительными: ср. Шеремет – тюркское имя; его нарицательное значение: имеющий скорый, легкий шаг, а также грубый, вспыльчивый, горячий. Прозвище Шеремет может иметь несколько вариантов этимологии.

Наиболее вероятным является происхождение прозвища *Шеремет* из чувашского *Seremet* 'бедняга, бедняжка, горемыка, жалкий, бедный, бедненький, достойный сожаления'; восклицание, выражающее досаду: 'черт возьми!'; чуваш. *Seremet* является, по-видимому, заимствованием из персидского 'стыд' и его производного с разными значениями в нескольких тюркских языках: 1) 'пристыженный, сконфуженный'; 2) 'скромный, застенчивый'; 3) 'шалун, крикун'; 4) 'дурной, плохой'; 5) 'опозоренный'; 6) 'скандалист, крикун'.

2. Не исключена возможность происхождения прозвища *seremet* из 1) имеющий скорый, легкий шаг, горячий' (о лошади); 2) 'грубый, вспыльчивый, невежливый' (о человеке), поскольку прозвище предков Шереметевых было Кобыла. Шереметевы – очень знатная российская фамилия, графы и князья. Шереметевы происходят из рода Андрея Кобылы, в XIII в. вышедшего к Александру Невскому.

В основе фамилии, по Н. А. Баскакову, лежит тюркско-булгарское (чувашское) шеремет 'бедняга', или тюркско-персидское Шир Мухаммад 'Благочестивый, храбрый Мухаммад' [17].

По мнению Н. К. Дмитриева и В. В. Радлова, фамилия *Базаров* образовалась от восточного имени *Базар*; которым обычно называли ребенка, родившегося в праздничный день, что считалось добрым признаком [18]. Согласно словарю Усеинова, в переводе с крымскотатарского языка «базар – 'рынок, воскресенье'» [19].

По словарю Фасмера французское слово *bazar* или немецкое *Basar*, заимствованное из персидского языка и распространившееся благодаря популярности сказки «Тысяча и одна ночь», имеет аналогичные значения: 1. Благотворительное мероприятие, распродажа в благотворительных целях. 2. Рынок, ярмарка. По-бурятски *базар* означает 'алмаз'. Русские люди по имени *Базар* упоминаются в документах, начиная с конца XV в. В переносном значении *базар* – 'крик, шум, гам'. Так могли прозвать шумного человека [20].

Как отмечает А. М. Меметов «Кобюк – в крымскотатарском языке *копюк* (б//п) 'пена'. Вторая мотивация – от прозвища *Кобук*, собственного жителям села Корбек Алуштинского района Автономной республики Крым (более раннее название села Изобильное)» [21]. Это имя было характерно и для казанцев, например князь казанский и тюменский Кобяк – один из последних защитников Казанского края.

Множественной мотивацией характеризуются и такие фамилии:

Топчий – данная фамилия образована 1) от крымскотатарского слова *топчыкъ* – 'мячик, пучок' [22]; 2) от *топчу* 'пушкарь', 'артиллерист' 3) этимология связана с чагатским *topchak* – 'красивая лошадь', уйгурским *tobuchak* – 'большая лошадь' [23]. Заметим: в словаре М. Фасмера отмечается, что «*Топчак* – название тюркского племени» [24].

Из нескольких значений мотиваторов анализируются лишь те, которые соответствуют способу образования антропонимов. Однако среди современных фамилий тюркского происхождения, как мы уже отмечали, есть такие, которые можно свести к двум или нескольким этимонам. Например: фамилии *Косанов*, *Косапенко*, *Косапцев* образованы от тюрк. *касан* 'мясник', имеющего значения 1) тот, кто продает; 2) тот, кто разделывает. В русском языке субстантив *мясник* образован от мотивирующего слова *мясо*, в крымскотатарском языке лексема является непроемной, так как заимствована из арабского языка.

Множественность мотивации вызывает трудности при классификации производного антропонима. Поэтому в качестве основания для выделения групп мы предлагаем рассматривать степень освоенности/неосвоенности тюркизмов в русском и украинском языках. В соответствии с этим выделяются 2 типа тюркских основ: *освоенные* тюркские основы в русском и украинском языках и *неосвоенные* тюркские основы в русском и украинском языках.

На основании анализа семантики русских и украинских фамилий тюркского происхождения можно сделать следующие выводы.

Все рассмотренные фамилии включают в себя тюркский семантический компонент. Причиной появления данных антропонимов явилась ассимиляция отдельных людей различных наций, которые проживали среди русского и украинского народа. Таким образом, русские и украинские фамилии тюркского происхождения являются важным свидетельством исторических связей народов, населяющих Крым.

Примечания

1. Супранская А. В. Имя – через века и страны. М. : УРСС, 2007. С. 327.
2. Унбегаун Б. Русские фамилии: [пер. с англ.] / [ред. Б. А. Успенский]. М. : «Прогресс», 1989. С. 292.
3. Там же. С. 294.
4. Редько Ю. К. Современные украинские фамилии (происхождение, словообразование, территориальное распространение) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.02 «Языки народов СССР (украинский язык)». Киев, 1969. С. 24.
5. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М. : Изд-во вост. лит., 1962. 608 с.
6. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения : [монография]. М. : Наука, 1979. С. 43.
7. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. С. 8.
8. Дмитриев Н. К. Указ. соч. С. 528.
9. Там же.

10. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка : учеб. пособие. Симферополь : Учпедгиз, 2000. – 288 с.
11. Дмитриев Н. К. Указ. соч.
12. Глинський І. Твоє ім'я – твій друг : [монографія]. Киев: Веселка, 1978. 238 с.
13. Русские фамилии : популярный этимологический словарь / [сост. Ю. А. Федосюк]. 6-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2006. С. 56.
14. Там же. С. 138.
15. Опыт словаря тюркских наречий. *VersucheinesWbrterbuchesderTprk-Dialecte* : [текст на рус. и нем. яз. : в 4 т.] / [сост. В. В. Радлов]. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук., 1893–1911. С. 693.
16. Там же. С. 1203, 1558.
17. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения : [монография]. – М. : Наука, 1979. – 279 с.
18. Дмитриев Н. К. Указ. соч.; Опыт словаря тюркских наречий.
19. Крымскотатарско-русский словарь / [авт.-сост. С. М. Усеинов]. Симферополь : «Оджакъ», 2005. С. 158.
20. Этимологический словарь русского языка : [в 4 т.] / [сост. М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева]. М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2004.
Т. 1. : А–Д: Ок. 4000 слов. 2004. 588, [4] с.
Т. 2. : Е–Муж: Более 4500 слов. 2004. 671, [1] с.
Т. 3. : Муза–Сят: Ок. 5500 слов. 2004. 830, [2] с.
Т. 4. : Т–Ящур: Ок. 4500 слов. 2004. 860, [4] с.
21. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка: учебное пособие. – Симферополь : Учпедгиз, 2000. С. 46.
22. Дмитриев Н. К. Указ. соч.; Русские фамилии: популярный этимологический словарь.
23. Русские фамилии: популярный этимологический словарь
24. Этимологический словарь русского языка. С. 80–81.

Notes

1. Superanskaya A. V. *Imya – cherez veka i strany* [Name through centuries and countries]. URSS. 2007. P. 327.
2. B. Unbegaun *Russkie familii* [Russian surnames: [transl. from Engl.] / [ed. by B. A. Uspenskiy]. M. "Progress". 1989. P. 292.
3. Ibid. P. 294.
4. Redko J. K. *Sovremennye ukrainskie familii (proiskhozhdenie, slovoobrazovanie, territorial'noe rasprostranenie) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : spec. 10.02.02 «Yazyki narodov SSSR (ukrainskij yazyk)»* [Modern Ukrainian surnames (origin, derivation, geographical distribution): abstract. dis. ... Dr philol.: spec. 10.02.02 "Languages of the peoples of the USSR (Ukrainian language)"]. Kiev. 1969. P.24.
5. Dmitriev N. K. *Stroj tyurkskih yazykov* [Structure of Turkic languages.] Publ. of East. lit. 1962. 608 p.
6. Baskakov N. A. *Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya : [monografiya]* [Russian names of Turkic origin : [monograph]]. Nauka. 1979. P. 43.
7. Sadokhin A. P. *Mezhkul'turnaya kommunikaciya : ucheb. posobie* [Intercultural communication: textbook]. M. Alpha-M, INFRA-M. 2004. P.8.
8. Dmitriev N. K. Op. cit. P. 528.
9. Ibid.
10. Memetov A. M. *Leksikologiya krymskotatarskogo yazika : ucheb. posobie* [Lexicology of the Crimean Tatar language: tutorial]. Simferopol. M. 2000. 288 p.
11. Dmitriev N. K. Op. cit.
12. Gliniski I. Твоє ім'я – твій друг : [монографія]. Kiev. Veselka. 1978. 238 p.
13. *Russkie familii : populyarnyj ehtimologicheskij slovar'* – Russian names: popular etymological dictionary / [comp. Y. A. Fedosyuk]. 6th ed., rev. Flinta : Nauka. 2006. P. 56.
14. Ibid. P.138.
15. *Opyt slovary tyurkskih narechij. VersucheinesW'rterbuchesderTprk-Dialecte : [tekst na rus. i nem. yaz. : v 4 t.]* – The experience of dictionary of Turkic dialects. *VersucheinesWbrterbuchesderTprk-Dialecte*: [text in Russian and German: in 4 volumes] / [comp. V. V. Radlov]. SPb. Typ. Imp. Acad. Sciences. 1893-1911. P. 693.
16. Ibid. Pp. 1203, 1558.
17. Baskakov N. A. *Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya : [monografiya]* [Russian names of Turkic origin: [monograph]]. Nauka. 1979. 279 p.
18. Dmitriev N. K. Op. cit.; *Opyt slovary tyurkskih narechij* – Experience of dictionary of Turkic dialects.
19. *Krymskotatarsko-russkij slovar'* – Crimean Tatar-Russian dictionary / [ed.-comp. S. M. Useinov]. Simferopol. "Odzhak". 2005. P. 158.
20. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka : [v 4 t.]*- Etymological dictionary of Russian language [in 4 volumes] / [comp. M. Vasmer; transl. from Germ. and add. O. N. Trubacheva]. "Astrel Publishing house" LLC : LLC "Publishing house AST". 2004.
Vol. 1: А–Д: approx. 4000 words. 2004. 588, [4] p.
Vol. 2: Е–Муж: More than 4500 words. 2004. 671, [1] p.
Vol. 3: Муза–Сят: approx. 5500 words. 2004. 830, [2] p.
Vol. 4: Т–Ящур: approx. 4500 words. 2004. 860, [4] p.

21. Memetov A. M. *Leksikologiya krymskotatarskogo yazyka: uchebnoe posobie* [Lexicology of Crimean Tatar language: tutorial]. Simferopol. M. 2000. P. 46.
22. Dmitriev N. K. Op. cit.; *Russkie familii: populyarnyj etimologicheskij slovar'* - Russian names: popular etymological dictionary.
23. *Russkie familii: populyarnyj etimologicheskij slovar'* – Russian names: popular etymological dictionary.
24. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka* – Etymological dictionary of the Russian language. Pp. 80-81.

УДК 811. 112. 3'42

А. В. Завьялова

Идентификация прагматических возможностей лексических средств в актуализации значения определенности в немецком дискурсе

Глагольные, наречные лексемы и модальные слова утвердительного свойства являются лексическими средствами актуализации значения определенности и рассматриваются с прагматических позиций в условиях немецкого дискурса. Дискурс дает наиболее четкое представление о степени выраженности значения определенности тем или иным лексическим средством, которое вне коммуникации может быть направлено на сферу неопределенности. За основу в установлении прагматического потенциала берется показатель известности, разграничивающий ряд позиций, отражающих разную степень выраженности значения определенности. В статье устанавливается, что потенциал рассматриваемых языковых средств (глагольные, наречные лексемы и модальные слова утвердительного свойства) соотносится с позициями показателя известности «приоткрывается» и «открывается», что позволяет говорить о разной степени выраженности значения определенности в условиях немецкого дискурса.

Verbal, adverbial tokens and modal words with affirmative property are the lexical means of definiteness meaning actualization and are considered their pragmatic positions in the German discourse context. Discourse forms a clear picture of definiteness meaning expression degree of one or another lexical means, whether beyond communicative situation may be directed to the indefiniteness sphere. The familiarity indicator distinguishing a range of positions reflecting different definiteness meaning expression degree is taken as a basis of the pragmatic potential determination. The article brought to light that the lexical means potential correlates with the familiarity indicator position ("to ajar" and "to open"). It enables us to speak about a different definiteness meaning expression degree.

Ключевые слова: значение определенности, дискурс, прагматический потенциал, актуализация, показатель известности, лексические средства.

Keywords: the meaning of determination, discourse, pragmatic potential, actualization, the index of certainty, the lexical means.

Исследуя возможности актуализации значения определенности в немецком дискурсе, следует выделить лексические средства: глагольные, наречные лексемы и модальные слова утвердительного свойства. В процессе общения они позволяют успешно реализовать коммуникативные интенции субъекта высказывания относительно референта, конкретизируя, уточняя предшествующий им или следующий за ними член предложения.

В немецком языке есть глаголы, семантический потенциал которых содержит сему «определенность», являющуюся ведущей. В дискурсе значимость ее приоритетной позиции не только актуализуется, но и усиливается лингвистическими и экстралингвистическими факторами, влияющими на речевую ситуацию. К таким глаголам относятся *feststellen*, *bestimmen*, *festhalten*, *festschreiben*, *festsitzen* и другие глаголы с префиксом *fest*.

(1) *Trump stellte daraufhin fest, mit Cameron könne er wohl keine gute Beziehung haben* [1].

(2) *Andere Schüler konnten ihre Schule lange nicht verlassen: In Simbach richteten sich die 350 Schüler sogar auf eine Übernachtung in ihrer Schule ein – die Zufahrtswege waren bis zum Abend wegen der Überschwemmung nicht passierbar. Auch in Triftern konnten 250 eingeschlossene Kinder das Schulgebäude lange Zeit nicht verlassen. Mittlerweile konnten die meisten den Heimweg antreten, rund 50 Kinder saßen aber auch noch am späten Mittwochabend fest* [2].

(3) *In Nordrhein-Westfalen steckte bei Xanten ein Regionalzug zeitweise im Schlamm auf den Gleisen fest, wie die Feuerwehr berichtete. Ebenfalls im Raum Xanten saßen Schüler auf einem Bauernhof fest, weil die Wassermassen die Zufahrtsstraßen unpassierbar gemacht hatte* [3].

Значение определенности, преобладающее в семантике глаголов, встречающихся в рассматриваемых коммуникативных ситуациях *feststellen* (1), *festsitzen* (2, 3), *feststecken* (3), в дискурсе подтверждается. Использование глаголов *feststellen* (1), *festsitzen* (2, 3), *feststecken* (3) в ситуациях (1, 2, 3) обусловлено тем, что их семантическая нагрузка предполагает выявление четкости, конкретности относительно коммуникативной ситуации: с Кэмероном Трамп не будет иметь никаких отношений (1). Глагол *festsitzen* (2) отражает проявление ясности обстоятельств, возникших вследствие наводнения – около 50 детей «застряли» еще с вечера среды в школе. Глаголы *festsitzen* (3), *feststecken* (3) транслирует решительность, знание ситуации, наступившее после общения пожарной службы.

Для установления прагматического потенциала в актуализации значения определенности в рамках немецкого дискурса используется **показатель известности** (А. В. Малахова), который позволяет «разграничить **позиции “намечается”** (названный адресантом объект представлен, но не указываются его характерные свойства или признаки и поэтому для достижения взаимопонимания необходимо дополнительное уточнение лингвистического или экстралингвистического плана), **“приоткрывается”** (информация об объекте содержит компонент, позволяющий адресату установить несущественное свойство или признак в конкретной коммуникативной ситуации), **“открывается”** (указывается существенный характерный признак объекта), **“раскрывается”** (демонстрируются несколько характерных признаков объекта, информация о котором передается адресантом и воздействует интенсивно на адресата в конкретной коммуникативной ситуации), **“идентифицируется”** (устанавливаются всесторонние характеристики объекта с точки зрения адресанта, адресата и ситуации общения, языковое средство может покрывать все другие средства определенности). Иными словами, значение определенности с маркером идентификации претендует на дефиниционный статус, поскольку включает не только оптимальное количество свойств семантического объема определенности, но и может заменить любую позицию в дискурсивных условиях» [4].

Таким образом, учитывая показатель известности, прагматический потенциал глагольных лексем *feststellen*, *feststecken*, *festsitzen* устанавливается, когда референт в дискурсе **открывается** при релевантности лингвистического фактора: сема определенности, заложенная изначально в языковых единицах. Экстралингвистический фактор – психологическое состояние уверенности говорящего в правильности собственных суждений, принимаемых решений и т. д. – является сопутствующим при выборе глагольных лексем *feststellen*, *feststecken*, *festsitzen*. Релевантность семы «определенность» глаголов *feststellen*, *feststecken*, *festsitzen* позволяет адресанту реализовать коммуникативные интенции, воздействуя на адресата через информацию, наделенную свойством известности об обстоятельствах дела, решениях, планах, что порождает значение определенности в конкретной ситуации общения.

Обозначая конкретное место, направление/образ действия, период времени, наречия в коммуникации актуализуют значение определенности. Семантический признак определенности возможно установить по фактору конкретности объекта.

(4) *Kohlenhydrate sind aber nicht gleich Kohlenhydrate: Ernährungsforscher heben vor allem resorbierbare Kohlenhydrate positiv hervor. Dazu zählen etwa Vollkornbrote, die ganze Körner enthalten. Sobald die Körner nämlich gemahlen sind, werden sie vom Körper nicht mehr langsam resorbiert* [5].

(5) *Das Wichtigste in Kürze: Nach schweren Überschwemmungen hat der niederbayerische Landkreis Rottal-Inn am Mittwoch Katastrophalarm ausgelöst. Besonders schwer betroffen von den durch Dauerregen ausgelösten Überschwemmungen waren die Gemeinden Simbach am Inn, Triftern und Tann. Nach Angaben des Polizeipräsidiums Niederbayern gibt es bisher keine Erkenntnisse über Verletzte oder Tote* [6].

(6) *Sie fühlen sich in letzter Zeit schwermütig und merken, dass Sie langsam das Interesse an ihrer gewohnten Umgebung verlieren? Oder Sie haben bemerkt, dass eine Person aus ihrem unmittelbaren Umkreis leise vor sich hinleidet? Sie würden gerne die Symptome ihres seelischen Leidens lindern?* [7].

В ситуациях (4, 5, 6) наречия образа действия *langsam*, *schwer*, *schwermütig*, *leise* обозначают различную степень интенсивности действий/событий/процессов, происходящих в окружающей действительности, однако сема определенности, изначально содержащаяся в наречных лексемах, раскрывает конкретный признак, на основе которого формируется представление о масштабе происходящего: *nicht mehr langsam* (5), *besonders schwer* (6), *in letzter Zeit schwermütig* (6), *langsam Interesse verlieren* (6), *leise vor sich hinleidet* (6). Контекст, в котором употребляются наречия, представляет собой некую плоскость реализации интенций говорящего, где достигается желаемый прагматический эффект.

(7) *"In den ersten Jahren, habe ich mich mit meinem Unternehmen von einem Monat zum nächsten gehandelt. Nie reichte das Geld", berichtet Radloff [8].*

(8) *In der Schule hatte sie es nicht immer leicht, wie es eben so ist, wenn man im Fernsehen zu sehen ist und nicht durchgängig im Unterricht sitzt. Ihre Noten waren trotzdem immer gut, auch, weil die Eltern ihr nur erlaubten zu drehen, wenn ein bestimmter Durchschnitt erreicht war [9].*

Наречие времени *nie* (7) актуализует значение определенности, степень оптимальной выраженности которого обусловлена коммуникативной ситуацией и авторскими интенциями. «Никогда» указывает на конкретный период времени, точнее, на полное отсутствие явления/факта. Наречие времени *immer* (8) в рассматриваемом контексте подчеркивает повторяющееся действие/событие – «всегда», что подразумевает «каждый момент» времени (каждый день, каждый урок и т. д.), и можно говорить о том, что наречие *immer* покрывает все моменты времени, предлагая картину определенности. Наречная лексема *nie* (7), выявляя отсутствие объекта (факта, явления, действия, события), во все моменты жизни реализуют определенность. Коммуникативная ситуация конкретизирует качественно-количественный показатель лексемы *immer* (8), поскольку если рассматривать данное наречие вне контекста, то *immer*, с одной стороны, имеет абстрактное значение и указывает на повторяющееся действие/событие через какой-то промежуток времени, который остается неопределенным. С другой стороны, если «всегда» подразумевает «каждый момент» времени (каждую минуту, каждый час и т. д.), то можно говорить о том, что наречие *immer* относится к языковым средствам с высокой степенью выраженности значения определенности, предлагает картину определенности, покрывая все моменты времени.

Таким образом, наречия времени и образа действия в дискурсе, который является пространством для актуализации значения определенности, проявляют наиболее ярко детерминативный признак, поскольку межсубъектное взаимодействие, коммуникативная ситуация с учетом лингвистических и экстралингвистических условий способствуют обнажению содержания признака определенности языковой единицы.

Референт **открывается** участникам интеракции, поскольку лингвистический аспект позволяет указать конкретный период времени, образ действия, а экстралингвистический аспект – результаты исследований (*nicht mehr langsam* (5)), последствия наводнения (*besonders schwer* (6)), самочувствие (*in letzter Zeit schwermütig* (6), *langsam Interesse verlieren* (6), *leise vor sich hinleidet* (6)); субъективную оценку финансовой ситуации (*nie* (7)), отметок успеваемости в школе (*immer* (8)) – усиливает необходимость использования для достижения максимального прагматического эффекта этих средств актуализации значения определенности. Взаимопонимание достигается через указание адресантом на релевантные свойства референта (конкретность) в данной ситуации общения, что способствует формированию сферы определенности адресата.

В немецком языке существуют модальные слова утвердительного свойства, которые также содержат сему определенности независимо от контекста и коммуникативной ситуации: *bestimmt*, *sicherlich*, *natürlich*, *genau*, которые характеризуют образ действия с точки зрения достоверности для субъекта. Значение определенности данного средства выявляется через *фактор реальности/потенциальности*, поскольку модальные слова транслируют четкость и ясность позиции автора, уверенность в реализованности действия по представляемому ему сценарию к моменту высказывания (реально) или в перспективе (потенциально).

(9) *Nun ist es eine Eigenheit von Macdonald, dass bei ihm die aktuellen Fälle immer von Verbrechen bestimmt werden, die schon länger – zehn oder sogar zwanzig Jahre – zurückliegen [10].*

(10) *In vielen Gesellschaftsbereichen schwinden die Unterschiede zwischen Frauen und Männern. Geschlechtsspezifische Schwierigkeiten und Stärken gibt es trotzdem – und genau diese machen das Zusammenleben so spannend, aber auch kompliziert [11].*

(11) Die EU-Kommission wird deutlich: Sie verwarnt die polnische Regierung offiziell wegen der umstrittenen Justizreform. Nun droht eine Eskalation – denn Warschau zeigt kein Zeichen des Einlenkens [12].

(12) *Natürlich kann man, wenn man will, daraus die Frage drehen, ob deutsche Männer "ihre Frauen" besser verteidigen müssen. Nur waren Männer, die auf Gewalt verzichtet haben, ja gar nicht das Problem von Köln. Das Problem waren Männer, die Frauen belästigt haben, also Gewalt angewendet haben. Und genau die Verknüpfung von Männlichkeit und Gewalt war es doch, von der es dann hieß, wir dürften sie uns nicht ins Land holen, oder? [13].*

(13) *Es gab sicherlich Zeiten, in der Gewalt das Mittel der Wahl war. Es gab ja auch Zeiten, in denen es nicht peinlich war, sich Heinrich der Löwe zu nennen oder Albrecht der Bär, aber da konnte man auch noch Leute besitzen, und das ist seit einer ganzen Weile vorbei. Oder? [14].*

Ситуации с модальными словами утвердительного свойства *bestimmt* (9), *genau* (10, 12), *deutlich* (11), *natürlich* (12), *sicherlich* (13), демонстрируют повышенную степень уверенности го-

ворящего в сути излагаемых мыслей. По отношению к слушающему он точно знает, как оптимизировать взаимопонимание в ситуации. Модальные слова *bestimmt* (9), *genau* (10, 12), *deutlich* (11), *natürlich* (12), *sicherlich* (13) повышают степень выраженности определенности, поскольку говорящий с их помощью выражает свою личную убежденность в достоверности информации.

Если опустить в приведенных ситуациях модальные слова *bestimmt* (9), *genau* (10, 12), *deutlich* (11), *natürlich* (12), *sicherlich* (13), то их коммуникативная адекватность не нарушится, однако отсутствуют показатели уверенности адресанта, что снижает воздействие на адресата, создавая прецедент недостаточной конкретности и реализованности авторских интенций.

(9*) *Nun ist es eine Eigenheit von Macdonald, dass bei ihm die aktuellen Fälle immer von Verbrechen werden, die schon länger – zehn oder sogar zwanzig Jahre – zurückliegen.*

(10*) *In vielen Gesellschaftsbereichen schwinden die Unterschiede zwischen Frauen und Männern. Geschlechtsspezifische Schwierigkeiten und Stärken gibt es trotzdem – und diese machen das Zusammenleben so spannend, aber auch kompliziert.*

(11*) *Die EU-Kommission wird: Sie verwarnt die polnische Regierung offiziell wegen der umstrittenen Justizreform. Nun droht eine Eskalation – denn Warschau zeigt kein Zeichen des Einlenkens.*

(12*) *Kann man, wenn man will, daraus die Frage drehen, ob deutsche Männer "ihre Frauen" besser verteidigen müssen. Nur waren Männer, die auf Gewalt verzichtet haben, ja gar nicht das Problem von Köln. Das Problem waren Männer, die Frauen belästigt haben, also Gewalt angewendet haben. Und die Verknüpfung von Männlichkeit und Gewalt war es doch, von der es dann hieß, wir dürften sie uns nicht ins Land holen, oder?*

(13*) *Es gab Zeiten, in der Gewalt das Mittel der Wahl war. Es gab ja auch Zeiten, in denen es nicht peinlich war, sich Heinrich der Löwe zu nennen oder Albrecht der Bär, aber da konnte man auch noch Leute besitzen, und das ist seit einer ganzen Weile vorbei. Oder?*

Говорящий намеренно употребляет модальные слова утвердительного свойства в качестве средств выражения определенности для передачи слушающему более точной, с его точки зрения, информации и своей уверенной позиции в отношении тех или иных вопросов.

Прагматическая ценность модальных слов утвердительного свойства устанавливается, когда референт **приоткрывается**, поскольку присутствует субъективный момент в оценке события. Это достигается благодаря лингвистической составляющей (сема определенности, содержащаяся изначально в языковых единицах) и экстралингвистической, когда через убежденность говорящего формируется прагмасемантическая сфера определенности в понятийной системе слушающего.

Таким образом, прагматические возможности лексических средств в актуализации значения определенности в рамках немецкого дискурса неодинаковы. Самой низкой прагматической ценностью из рассмотренных лексических средств обладают модальные слова утвердительного свойства, поскольку прагматический потенциал этих средств соотносится с позицией показателя известности «приоткрывается», когда указывается несущественное свойство объекта коммуникации. Прагматический потенциал глагольных и наречных лексем в актуализации значения определенности в условиях немецкого дискурса выше, так как позиция показателя известности «открывается» позволяет идентифицировать существенный характерный признак референта, что воздействует на адресата и способствует формированию сферы определенности в конкретной ситуации общения.

Примечания

1. Focus online. URL: <https://pdf.focus.de> (дата обращения: 27.05.2016)
2. Там же.
3. Там же.
4. Малахова А. В. Прагматические особенности актуализации значения определенности в немецком дискурсе: дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2011. 164 с.
5. Die Welt – Nachrichten, Hintergründe, aktuell. URL: www.welt.de (дата обращения: 07.06.2016)
6. Там же.
7. Там же.
8. Interview mit der amerikanischen Schriftstellerin Donna Leon. URL: www.welt.de (дата обращения: 31.05.2016)
9. Там же.
10. Там же.
11. Spiegel online. URL: <http://www.spiegel.de> (дата обращения: 17.06.2016)
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.

Notes

1. Focus online. Available at: <https://pdf.focus.de> (in German) (accessed: 27.05.2016)
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Malakhova V. A. *Pragmatische osobennosti aktualizacii znachenija opredeljonosti v nemetskom diskurse. Dis. ... kand. filolog. nauk* [The pragmatic features of the actualization of the definiteness meaning in the German discourse. Dis. Cand. of Sc. (Philol.)] Barnaul. 2011. 164 p.
5. Die Welt – Nachrichten, Hintergründe, aktuell. Available at: www.welt.de (in German) (accessed: 07.06.2016)
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Interview mit der amerikanischen Schriftstellerin Donna Leon. Available at: www.welt.de (in German) (accessed: 31.05.2016)
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Spiegel online. Available at: <http://www.spiegel.de> (in German) (accessed: 17.06.2016)
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.

УДК 81.367.4

Т. М. Гайдукова

Номинативная функция атрибутивных словосочетаний структурной модели «цветовое прилагательное + существительное» в антропоцентрической сфере (на материале немецкого языка)

В статье охарактеризованы проявления номинационно-аналитических тенденций в немецком языке и представлены в сопоставлении с лексическим способом номинации возможности восполнения недостаточности словаря за счет средств номинационного аналитизма; дана теоретическая интерпретация номинации через атрибутивные словосочетания «цветовое прилагательное + существительное» в антропоцентрической сфере. Такие устойчивые соединения определяемого с определением образуют семантическое единство и выполняют в языке назывную, или номинативную, функцию наряду с цельнооформленным словом. На основе семантической солидарности между конкретными цветовыми прилагательными и соматизмами, которые образуют номинативное единство, реализуя взаимные центропритягательные и центробежные потенции, в исследовании представлено подтверждение тесной взаимосвязи языка и экстралингвистической действительности. Аналитические номинации антропоцентрического типа создаются только из тех цветообозначений и соматизмов, которые в реальной действительности имеют связи между названными предметами (частями тела) и указанными через цветовые прилагательные свойствами. Словосочетания антропоцентрического типа, включающие лексически несовместимые компоненты, не соответствующие нашему восприятию мира и знаниям о нем, могут приобретать определенный смысл в фигуральном их использовании.

The article describes emergences of a nominative-analytical trend in German and presents potentialities of supplying of vocabulary limitations using the funds of nominative analytism as measured against a lexical method of nomination; theoretical interpretation of naming units is given through attributive word combinations «color adjective + substantive» in anthropocentric sphere. These established combinations between determinatum and definition form semantic unity and have a naming, that is nominative function in a language in parallel with a continuity word. On the ground of semantic solidarity between concrete color adjectives and somatisms, which make a nominative unity, realizing mutual centripetal and centrifugal potencies, confirmation of the relation between the language and extralinguistic reality is presented in the research. Analytic nominations of anthropocentric type are formed only from those color terms and somatisms, which in real life have relations between termed subject matters (body parts) and characteristics referred through color adjectives. Word combinations of anthropocentric type, which contain lexical incompatible components that don't accord with our perception of the world and knowledge about it, can take a new meaning when figurative using of them.

Ключевые слова: атрибутивные словосочетания, номинация, цветообозначения, антропоцентризм, немецкий язык.

Keywords: attributive word combination, naming unit, color names, anthropocentrism, German.

Длительное время основной наукой изучения номинации была лексикология, рассматривавшая номинацию с позиций «лексикоцентризма». В начале XX в. с развитием структурализма происходит переосмысление такой точки зрения, вследствие чего слово все чаще начинает восприниматься как компонент коммуникативной единицы, в составе которой оно вместе с аналогичными единицами участвует в выполнении своей номинативной функции [1]. В XXI в. эти изменения в теории номинации набирают силу и на первый план выходят направления, нуждающиеся в новых подходах, а именно: заметно активизируются в процессе номинации аналитические тенденции. Идея «лексикоцентризма» уже не в полной мере соответствует реалиям речевой деятельности носителей современного немецкого языка, поскольку их восприятие действительности давно вышло «за пределы лексики» [2]. Одним из первых на подобные изменения номинативного строя указывал В. В. Виноградов, говоря, что «предельными единицами речевой деятельности, выражающими интуицию действительности, являются соотносительные и взаимосвязанные компоненты сложного, но цельного единства...» [3]. В современном немецком языке наряду с цельнооформленными единицами номинации (словами) активно используются раздельнооформленные (словосочетания), являющиеся самостоятельными предикативными единицами. В. В. Виноградов отмечает, что «словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т. п.» [4]

Трудно не согласиться с Е. С. Кубряковой в том, что языковая картина мира строится в ходе номинативной деятельности [5]. Выступая в качестве первичной функции языка, номинативная функция предполагает способность языковой системы называть и вычленять фрагменты реальной действительности, формируя понятия о них не только в виде слов, но и сочетаний слов, выступающих как способ аналитической номинации. Динамичное развитие познавательной и коммуникативной деятельности человеческого общества и, как результат, появление новых реалий, артефактов, предметов материальной и духовной культуры действительно определяют одну из основных задач языка как «обеспечение всех сфер жизнедеятельности человека новыми именованиями» [6].

В объективной действительности человеческое сознание выделяет, прежде всего, две устойчивые сущности – вещи (предметы) и их признаки. Данные категории являются взаимозависимыми и определяются одна через другую. Любая вещь представляет собой совокупность, конгломерат признаков, и особенно это актуально в отношении человека. Признаки не существуют сами по себе, вне вещей и понимаются как «всё то, в чём предметы, явления сходны друг с другом или в чём они отличаются друг от друга» [7]. Так, для построения простейшего суждения о предмете необходимо кроме названия самого предмета ещё и название того признака, который ему свойственен или который ему приписывается. Поэтому для характеристики человека важно упоминание тех признаков, которые служат отличительными критериями частей его тела и, в конечном счёте, людей друг от друга. Цветовые прилагательные являются «собственно-признаковыми», то есть непосредственно обозначающими чистые, «прирождённые» признаки [8] и «функционируют в составе минимальных сочетаний с существительным» [9], так как они «не имеют своей области предметной отнесённости – они не имеют ни денотации, ни тем более конкретной референции» [10]. При характеристике человека цветообозначения соотносятся с конкретными предметами – глаза, волосы, кожа человека. Существительные, именующие части человеческого тела, являются устойчивыми антропонимическими показателями и известны в лингвистике как соматизмы (*греч.* *sōma* – тело, соматический – относящийся к телу человека [11]).

Словосочетания «цветовое прилагательное + существительное-соматизм», типичные для немецкого языка в антропоцентрической сфере, служат в составе предложения составным наименованием, характеризующим человека и части его тела.

Соединение существительных антропоцентрической сферы и цветовых прилагательных в одну атрибутивную конструкцию возможно благодаря наличию у них синтаксических потенций: с одной стороны, они способны присоединять к себе слова более низкого синтаксического ранга и доминировать над ними; с другой стороны, они сами могут присоединяться к словам более высокого ранга и находиться в синтаксической зависимости от них. Поэтому все сочетания слов в предложении можно рассматривать как продукты взаимодействия потенций первого и второго рода. «Все слова, исключая глагол в личной форме, обладают двумя типами потенций. Потенции, которые реализуются по убыванию синтаксического ранга слов, то есть по направлению от структурного центра предложения, являются центробежными (Цбп), или центрифугальными. Потенции же, реализуемые по возрастанию синтаксического ранга слов, то есть в направлении к структурному центру предложения, называются центростремительными (Цсп), или центрипетальными» [12].

Сочетательные потенции существительных-наименований частей тела человека и прилагательных-цветообозначений друг с другом в качестве партнёров не случайны, так как обозначаемые ими предметы и качества являются неотъемлемой, естественной характеристикой любого человека.

В. Г. Адмони, обращая внимание на неодинаковое отношение доминирующего и зависимого партнёров к сочетанию, предлагает различать обязательную и факультативную сочетаемость [13]. И действительно, это подтверждает анализ с указанных позиций отношения между словами в предложении:

Dann schob er seine Frau vor, eine kleine Person, mit einem schwarzen Samtband um den dünnen **weißen Hals**... Ihr **dunkler Teint**, ihre neugierigen **schwarzen Augen** und ihr rauhes, tiefes Organ hatten etwas Zigeunerhaftes [14].

На приведенном примере можно убедиться, что как для цветowych, так и не цветowych прилагательных – *dünnen weißen, dunkler, neugierigen schwarzen* – сочетание с соответствующими словами более высокого синтаксического ранга (Hals, Teint, Augen) носит обязательный характер, поскольку, не реализовав своих Цсп, эти прилагательные не могли бы включиться в предложение. «Без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного» [15]. В то же самое время для форм, в которых выступают слова Hals, Teint, Augen, сочетание с зависящими от них словами необязательно, факультативно, ибо при изъятии последних предложение не лишилось бы ни смысловой законченности, ни грамматической правильности:

Dann schob er seine Frau vor, eine kleine Person, mit einem schwarzen Samtband um den Hals... Ihr Teint, ihre Augen und ihr rauhes, tiefes Organ hatten etwas Zigeunerhaftes.

Это значит, что в синтаксические структуры в большинстве случаев цветowych прилагательные входят в составе именной группы и связываются с другими элементами высказывания через имя существительное-часть тела человека, которое является его определяемым. Существительное может иметь при себе определения, которые представляют собой «члены предложения второй степени, не принимающие участия в построении предложения, а являющиеся лишь частью субстантивного словосочетания и не занимающие вследствие этого собственного места в предложении» [16]. Следовательно, цветowych прилагательные – это адноминальные имена при существительном, которые обладают свойством опосредованности, несамостоятельности. Являясь неразрывно связанными с характеризуемыми ими существительными, они в позиции определения выступают не как самостоятельные члены предложения, а, скорее, как частичные его члены (Gliedteil) [17].

Мы можем, таким образом, констатировать, что реализация Цсп цветowych прилагательных к существительным-соматизмам обязательна, в то время как для Цбп существительных, обозначающих части тела человека, на грамматическом уровне она факультативна: в морфологической форме данных существительных не заложено никакого требования в её распространении другими, зависимыми от неё формами слов. Поэтому распространение существительных с помощью соединения их с цветowymi прилагательными обуславливается факторами семантического порядка, заложенными в существительных-соматизмах.

Б. А. Абрамов в связи с этим утверждает, что «для реализации Цсп цветowych прилагательного, хотя она и является обязательной, непременно требуется, чтобы одновременно возникла необходимость в соответствующем распространении доминирующей словоформы, то есть в реализации её факультативных Цбп» [18]. В атрибутивных конструкциях антропоцентрического типа такая необходимость создаётся потребностями коммуникации: цветowych определения уточняют содержание, характер сообщаемой информации о частях тела человека. Например, в рассмотренном выше примере в результате операции элиминирования прилагательных уменьшается объём содержащейся в нём информации и блекнет его художественная выразительность.

Вызванная факторами семантического порядка взаимная потребность в объединении цветообозначений и наименований частей тела человека в одно атрибутивное словосочетание привела к его лексикализации, под которой понимается «процесс превращения некоторых элементов или сочетаний элементов (словосочетаний) в устойчивые элементы языка, функционирующие в качестве эквивалента отдельного слова» [19]. В отличие от предикативного прилагательного, приписывающего человеку актуальный, временной цветовой признак, атрибутивное цветочное прилагательное называет постоянный цветочной признак человека или какой-либо части его тела. Именуя важнейшие фрагменты мира – цвета человека, такие атрибутивные словосочетания аналитическим способом выполняют номинативную функцию. Этот принцип названия частей тела человека можно проследить на ряде примеров, которые типичны для немецкого языка:

Die roten Haare! – und haben Sie nicht gemerkt, wie sie einen ansieht, wenn sie meint, man weiß es nicht? [20];

Mark aus Vietnam... **tiefschwarzes Haar** und **gelbe Haut**... [21];

Ihr **weißes Gesicht**, prickelnd wie die winzigen Perlen im Champagnerglas, hatte den ruhigen Ausdruck einer Frau, die sich schön weiß [22].

Словосочетания данного типа представляют собой не воспроизводимую целиком в готовом виде, а свободную, конструируемую в процессе речи синтаксическую единицу, т. е. каждое из составляющих ее слов может быть заменено другим словом того же формального класса, при этом грамматическая сущность данного словосочетания не изменится. Так, словосочетание *die roten Haare* может быть заменено на *die schwarzen / braunen / grauen Haare*, *die gelbe Haut* – на *die weiße / braune / schwarze Haut*, *das weiße Gesicht* – на *das rosa / braune / bleiche Gesicht* и т. д. Однако этой неограниченной грамматической сочетаемости противодействует лексическая ограниченность сочетаемости слов, составляющих словосочетание. Например, допустимые с грамматической точки зрения словосочетания *die rosa Haare* или *das grüne Gesicht* немыслимы из-за лексической несочетаемости входящих в данные словосочетания слов. Причиной такой лексической несовместимости является отсутствие в реальной действительности связи между названными предметами (частями тела) и указанными через прилагательные *rosa* и *grün* свойствами.

Вопрос о связи языка и экстралингвистической действительности одним из первых поднял американский лингвист, автор работ по генеративной (порождающей) грамматике Ноам Хомский [23]. На примере грамматически корректного, но семантически бессмысленного высказывания «*Farblose grüne Ideen schlafen wütend*» («Бесцветные зелёные мысли спят яростно») он наглядно демонстрирует отношения между языком и реальной действительностью: компоненты каждого словосочетания в данном высказывании противоречат друг другу и, соответственно, являются взаимоисключающими: зеленое не может одновременно быть бесцветным, мысли не являются зелеными и не могут спать, тем более яростно. В результате всё высказывание не имеет смысла, интерпретация составляющих его словосочетаний не соответствует нашему восприятию мира и знаниям о нем.

Тем не менее такие кажущиеся на первый взгляд невозможными словосочетания могут приобретать определенный смысл в фигуральном их использовании в качестве метафор. Так, словосочетание *grüne Ideen* приобретает новое значение в названии книги авторов-флористов Хеллы Хенкель и Клауса Вагенера «*Wohnen mit Pflanzen: grüne Ideen für Zuhause*», повествующих о комнатных растениях, множестве идей и вариантов дизайна и оформления их в интерьере [24].

Вслед за приведенным примером в антропоцентрической сфере подобные окказиональные словосочетания (*Einmalbildungen*) из обычно не сочетающихся компонентов могут использоваться в стилистических целях для создания определенного эмоционального эффекта (комического, трагического, саркастического и т. д.), для придания ситуации повышенной эмоциональной насыщенности. Нередко их можно встретить в индивидуальном авторском тексте, обилие подобных необычных словосочетаний мы находим, например, в языке поэзии. Это и *goldnes Gesicht der Flamme* «золотое лицо огня» [25] в стихотворении Георга Бриттинга, и *goldne Augen der Sterne* «золотые глаза звезд на небе» [26] у Людвиг Тика, и *goldnes Haar der Jungfrau* «золотые волосы девушки» [27] у Генриха Гейне.

В рассказе немецкой писательницы Моники Зек-Арте «*Mein Bruder hat grüne Haare*» словосочетание *grüne Haare* отражает неестественный для человека, но искусственно созданный цвет волос и выступает центром противостояния между старшим и младшим поколением, и для придания большей эмоциональной окраски соотносится с метафорическими номинациями *grüner Junge/Bursche*, в которых цветообозначение *grün* не служит спецификации цвета, а на основании своего символического значения «молодой, незрелый, молокосос» используется в фигуральном смысле и символизирует неопытность, незнание жизни юными людьми.

Gestern hat sich mein Bruder Johannes eine Haarsträhne grün färben lassen... Meine Tante funkelte meine Eltern an. «Lasst ihr die Kinder denn alles machen, was ihnen in den Kopf kommt?» Mein Vater sagte bloß: «Der Junge ist doch alt genug! Der muss schon wissen, was er tut.» – «Alt genug? Fünfzehn Jahre ist der alt! Ein ganz grünes Bürschchen!» Als Tante Vera das Wort **grün** sagte, mussten wir alle auf **die grüne Haarsträhne** gucken und lachen. Nur eben Tante Vera, die musste nicht lachen. Sie hat auch gar nicht kapiert, dass wir über die Haare gelacht haben, sondern dachte natürlich, wir lachen über sie, und ärgerte sich schrecklich. «Die wissen doch vor lauter Wohlstand nicht mehr, was sie noch machen sollen! Wisst ihr eigentlich, was wir mit fünfzehn gemacht haben? Mitten im Krieg! Wir sind bei Bauern betteln gegangen! Um ein paar Rüben! Weil wir gehungert haben!» [28].

Как показывает исследование, рассмотренные выше антропоцентрические словосочетания предполагают свободную грамматическую сочетаемость в рамках группы лексически сочетающихся между собой слов, и, таким образом, являются устойчивыми с точки зрения встречаемости компонентов, ведь наименование каждой части тела человека способно соединяться не с любы-

ми цветоименованиями, а лишь с ограниченным количеством цветовых определений (при условии сохранения первично-номинативного значения обоих компонентов). Данное ограничение обусловлено тесной взаимосвязью экстралингвистической информации (знаний о мире – *Weltwissen*) с языковыми знаниями (*Sprachwissen*), вместе они образуют основу общения. Существительные-соматизмы имеют ограниченное количество селективных атрибутов, представленных следующими базовыми цветообозначениями немецкого языка: восемь цветообозначений для кожного покрова (*weiße, schwarze, gelbe, braune, rote, rosa, bleiche, blasse Haut / Wangen / Gesicht*); пять основных цветообозначений глаз (*schwarze, braune, graue, blaue, grüne Augen*); семь основных цветообозначений волос (*schwarze, braune, blonde, gelbe, rote, graue, weiße Haare*). Эти основные обозначения (наименования) цвета частей тела человека не противоречат, а соответствуют присущей ему от природы основной цветовой гамме. В отношении «масти» людей [29] цвет является неавтономным, зависимым от природы субстанции понятием. Данные цветовые характеристики частей человеческого тела осуществляются посредством сложного (аналитического) названия, представленного в языке словосочетаниями «цветовое определение + имя существительное (часть тела человека)»: *Farbadjektiv + Somatonym*.

В качестве критерия установления номинативной значимости таких атрибутивных словосочетаний может выдвигаться их способность выйти из синтаксических отношений предложения. Для структуры и значения словосочетания безразлично, какую функцию оно несет в предложении. Атрибутивные конструкции, по мнению Я. Кухаржа, «способны становиться «чистыми» номинациями, выходя из синтаксических отношений предложения, и выражать содержание словосочетания без учета его синтаксической нагрузки» [30]. Так, например, структура словосочетания *blaue Augen* не изменится от того, что в следующих предложениях оно выступает в роли подлежащего, прямого или предложного дополнения:

Jan Bronski... Diese naiv selbstbewussten **blauen Augen!** [31];

Der schwächliche, leicht gebückt gehende junge Mann zeigte ein hübsches, ovales, vielleicht etwas zu süßes Gesicht und **blaue Augen**... [32];

... wenn Jan Bronski sich vor die Möwen fürchtete und die Hände vor die schönen **blauen Augen** hielt [33];

Sei es meiner **blauen Augen** wegen, sei es der Heizsonnen wegen, die die Bildhauer um mich aufstellten... Anfangs waren die Maler noch allzu sehr von meinem blauen Blick beeindruckt [34].

Синтаксические признаки словосочетания *blaue Augen* во всех представленных случаях не меняются; так, оно членится на одни и те же соединенные между собой одной и той же формальной связью компоненты и сохраняет одно и то же значение. Это свойство сближает словосочетание с отдельным словом, но является более крупной структурной единицей. Данные атрибутивные словосочетания представляют собой свернутое предикативное ядро, которое с помощью трансформации способно разворачиваться в предложение качественной характеристики со сказуемым, выраженным функциональным глаголом *sein* и прилагательным в нефлективной форме *blau* в качестве семантико-синтаксического предикамента:

Jan Bronski **blaue Augen** → **Blau war sein Auge**, *braun sein Haar* [35].

Приведенные выше примеры атрибутивных и предикативных конструкций доказывают, что между ними существует тесное взаимодействие – они взаимнообратимы, а отличие между ними, по мысли В. Матезиуса, заключается в том, что атрибутивные словосочетания, содержащие определения, «включаются в предложение как готовые, в отличие от предикативных конструкций, которые образуются только в предложении» [36].

Являясь устойчивыми по форме и содержанию, то есть совместно денотируя предмет, характеризующие человека атрибутивные комплексы составляют единую номинативную фразу, эквивалентную по структуре и значению составным наименованиям типа *das Schwarze Meer, der Rote Platz* (где определение и существительное тоже составляют единство названия предмета), так как сочетание этих слов даёт «не сумму смыслов, а новые смыслы» [37]:

Die Donau ist ein Fluß, der Österreich gehört, wir bekommen sie von Deutschland herein, dann leihen wir sie den Ungarn, Rumänen und Bulgaren, aber die lassen sie ins **Schwarze Meer** fließen [38].

Устойчивые словосочетания «в семантическом плане представляют собой единство и выражают, как правило, одно (единое или расчленённое) понятие» [39]. Доказательством семантического единства устойчивых словосочетаний «цветовое прилагательное + существительное (часть тела человека)» и их способности выражать одно понятие служит то, что они, наряду с другими устойчивыми словосочетаниями, имеют параллели в виде сложных слов, причём семантическая граница между этими образованиями часто с трудом поддаётся определению, например, *der Nahe Osten = der Nahost, der rote Bart = der Rotbart = Mann mit rotem Bart* [40], *der Graukopf = Kopf mit grauem Haar* [41]. По мнению Й. Риса, словосочетание противостоит отдельному слову,

так как является объединением слов, но в известной степени соприкасается со сложными словами [42]. Связи между компонентами словосочетания характеризуются большей свободой, чем связи между частями слова, но эта свобода не должна приводить к нарушению единства словосочетания, между компонентами которого существуют тесные смысловые и формальные связи. Характеризуя степень спаянности членов атрибутивных комплексов, А. И. Смирницкий пишет: «Атрибутивная связь по своей прочности, по силе «сцепления» между ведущим и зависимым словом приближается к связи лексического характера... Атрибутивный комплекс стоит на грани сложного слова» [43]. Такое положение дел позволило А. И. Смирницкому назвать словосочетания атрибутивного типа «формальными атрибутивными комплексами». Следовательно, подобно словам, устойчивые словосочетания антропоцентрического типа служат для выражения одного понятия. От слов они отличаются своей раздельнооформленностью. Такие атрибутивные соединения определяемого с определением, образующие семантическое единство, выполняют в языке назывную, или номинативную, функцию наряду с любым цельнооформленным словом. Но конститuentы данных сочетаний сохраняют семантическую отдельность, а значит, цветоименования сохраняют связь со своим первично-номинативным (цветовым) значением. То, что каждый из компонентов устойчивого атрибутивного комплекса «цветовое прилагательное + существительное (часть тела человека)» сохраняет своё первичное номинативное значение, говорит о том, что устойчивость этого комплекса шаткая. Наглядно об этой шаткости свидетельствует сравнение антропоцентрического словосочетания (например, *die schwarzen Augen*) с эквивалентным ему устойчивым фразеологизмом (*das Schwarze Meer*) на предмет характера предикации в этих словосочетаниях. Сравним:

das Schwarze Meer ≠ * *das Meer ist schwarz*
die schwarzen Augen = *die Augen sind schwarz*.

Метод трансформации атрибутивного словосочетания в предикативную структуру показывает, что словосочетание *das Schwarze Meer* ни при каких обстоятельствах не имеет возможности эксплицитно предикативности, то есть относится к разряду непредикативных словосочетаний (юнкций, по терминологии О. Есперсона [44]). Словосочетание же *die schwarzen Augen*, как и другие атрибутивные словосочетания антропоцентрической сферы (*die schwarzen Haare* → *die Haare sind schwarz*, *die schwarze Haut* → *die Haut ist schwarz* и тому подобные), несмотря на их переход в статус лексикализованных, тем не менее содержат в себе потенциальную предикативность, способную реализоваться при определённых условиях. Так же и в русском языке:

чёрные глаза = глаза чёрные, НО:
Чёрное море ≠ * море чёрное.

Устойчивые словосочетания, совпадая со свободными по синтаксической структуре, однако не идентичны им по семантике: они характеризуются тем, что слова в них употребляются в несвободном, связанном значении. Слова в их связанных значениях наряду со словами, обладающими свободными значениями, образуют единицы номинативного инвентаря языка. «Классической» единицей языка, приспособленной к знаковой репрезентации «кусочков» действительности, является такое слово, в котором совпадает его способность автономно называть и обозначать элементы внеязыкового ряда и в силу этого – указывать на мир за счёт той информации, которая содержится в конвенционально закреплённом за словом значении [45]. Но понятие слова как функциональной единицы и понятие номинативной единицы, непосредственно соизмеримой с понятием языкового знака, не совпадают. В языке вызрела тенденция к использованию семантико-синтаксической техники сочетания слов в номинативно-комбинаторной деятельности, порождающей такие сочетания слов, которые осознаются как связанные (связанный – выступающий в качестве устойчивого комплексного элемента языка, не создаваемый, а лишь воспроизводимый в речи [46]).

Связанное значение слова часто указывает на непреходящий субстанциональный признак некоторого «естественного» рода, означенного опорным наименованием (*Haut, Haar, Augen*), выделяя из этого рода особый, единичный его вид, например, *Augen* и *schwarze, braune, blaue, grüne, graue Augen*. При родо-видовом членении объекта определяемое задано родом, а определяющее – видом. Например: *braune Augen* ‘карие глаза’, где новое обозначаемое – тип, вид глаз.

Специфической чертой составных наименований является такое обозначение нового объекта, которое производится путём выделения в нем постоянного для него как такового признака. Поэтому в сочетаниях типа *braune Augen* связанные значения слов представляют постоянный, непреходящий признак объекта. Отличие связанных значений слов от свободных значений с узкой сферой референтной приложимости состоит только в том, что связанные значения обозначают безотносительно существенный и непреходящий признак единичного для них референта. Так, прилагательные *rot* ‘рыжий’ и *braun* ‘карие’ в словосочетаниях *rote Haare* и *braune Augen* обо-

значают признаки, относительно существенные для денотатов слов «волосы» и «глаза», значения которых указывают на свой класс предметов и безотносительно к их цвету, хотя они имплицитно, как и всякое значение имени, предмет ряда, физические параметры, например цвет. То есть следует говорить об устойчивых словосочетаниях в тех случаях, когда речь идёт об одном из пяти цветов, присущих глазам, семи цветов – присущих волосам.

Заключение

В настоящее время номинация определяется как процесс образования языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них не только в форме слов, но и словосочетаний.

Атрибутивные наименования антропоцентрической сферы, являясь не только аналитическим способом номинации, но и конкретным описанием того или иного денотата, могут восполнять недостаточность словаря. В основе таких атрибутивных групп лежит естественная сочетаемость предметов мысли, которые привычно объединяются говорящими в соответствии с их физическим, социальным и языковым опытом. Такие словосочетания в отношении человека обладают рекуррентностью (*лат. recurrens* – возвращающийся). Так, например, слово *got* входит в устойчивые словосочетания нефразеологического характера, создаваемые по структурно-семантической модели «цветовое прилагательное + соматизм». Эти словосочетания не обладают идиоматичностью, но они являются устойчивыми с точки зрения встречаемости компонентов, а также семантической слитности.

Применение метода трансформационной редукции к ядрам атрибутивных конструкций свидетельствует о том, что в рамках антропоцентрических словосочетаний с существительными-соматизмами эти последние являются господствующими компонентами только с точки зрения структурно-грамматической. Смысловым центром, несущим более важную информацию, становится конкретизирующая часть номинативной группы – цветовое определение к ядру. Таким образом, лидирующее положение в рассматриваемых словосочетаниях занимают прилагательные в том смысле, что наиболее значимая информация именной группы «цветовое прилагательное + существительное антропоцентрической сферы» часто заключена именно в атрибутивном элементе конструкции.

Примечания

1. Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Ставрополь ; Пятигорск : СГУ, 2012.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975.
4. Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1 : Синтаксис. М. : Изд-во АН СССР, 1954.
5. Кубрякова Е. С. Указ. соч. С. 64.
6. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). М. : ЛИБРОКОМ, 2010.
7. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975.
8. Тетерина И. Л. Функциональный аспект атрибутивного словосочетания модели «прилагательное + существительное» // Семантико-функциональные поля в лексике и грамматике. Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1990. С. 103–109.
9. Тетерина И. Л. Указ. соч. С. 104.
10. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. М. : Наука, 1978.
11. Современный словарь иностранных слов : ок. 20000 слов. М. : Рус. яз., 2001. С. 568.
12. Абрамов Б. А. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания. М. : «Круг», 2003. С. 19; Charitonova J. I. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache: Syntax. Киев : Вища шк., 1976. С. 22.
13. Admoni W. G. Der deutsche Sprachbau = Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй современного немецкого языка. М. : Просвещение, 1986. С. 74.
14. Bredel W. Die Väter. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1980. S. 175.
15. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1957. С. 70.
16. Charitonova J. I. Op. cit. P. 23.
17. Moskalskaja O. J. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М. : Изд. центр «Академия», 2004. С. 202.
18. Абрамов Б. А. Указ. соч. С. 29.
19. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл. , 1969. С. 215.
20. Mann H. Der Untertan. Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1950. S. 21.
21. Härtling P. Der gelbe Junge // Miteinander: Text- und Arbeitsbuch Deutsch für Fortgeschrittene. München : Max Hueber Verlag, 1991. S. 202–207.
22. Frank L. Links wo das Herz ist. М. ; Л. : Просвещение, 1965. С. 96.

23. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. II. С. 418.
24. Henckel H., Wagener K. Wohnen mit Pflanzen: grüne Ideen für Zuhause. – Ulmet: BLOOM's, 2007. Available at: <http://www.designerbooks.ru/main.php?id=678&level=item> (accessed 25.08.2016)
25. Die schönsten deutschen Gedichte. Köln: Anaconda Verlag, 2010. S. 536.
26. Ibid. S. 257.
27. Ibid. S. 342.
28. Seck-Agthe M. Mein Bruder hat grüne Haare. Available at: http://www.schule.suedtirol.it/sspbrixenmil-land/ms_pacher/schulprofil/didaktik/bildungsschwerpunkt/raetsel_texte_10_11/bruder_gruene_haare.pdf (02.08.2016)
29. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М. : Едиториал УРСС, 2005. С. 86.
30. Кухарж Я. О функциональном использовании структурных единиц языка // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М. : Наука, 1969. С. 273–277.
31. Grass G. Die Blechtrommel. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. P. 177.
32. Ibid. P. 45.
33. Ibid. P. 193.
34. Ibid. P. 613.
35. Ibid. P. 281.
36. Mathesius V. On the potentiality of the phenomena of language. Prague ; Amsterdam, 1983. P. 3–43.
37. Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 250–319.
38. Schwaiger B. Schönes Licht. Berlin : Ullstein, 1997. S. 136.
39. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка М. : Высш. шк., 1962. С. 223.
40. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre". Gütersloh : Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997.
41. Drosdowski G. Deutsches Universalwörterbuch Mannheim. Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1989.
42. Ries J. Zur Wortgruppenlehre. Prag : Taussig, 1928. P. 5.
43. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. С. 201.
44. Есперсон О. Философия грамматики. М. : Изд-во иностр. лит., 1958.
45. Телия В. Н. Указ. соч. С. 252.
46. Ахманова О. С. Указ. соч. С. 396.

Notes

1. Burov A. A. *Substantivnaya sintaksicheskaya nominaciya v russkom yazyke* [Substantive syntactic nomination in the Russian language]. Stavropol, Pyatigorsk, SSU. 2012.
2. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: CHasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. M. Languages of Slavic culture. 2004.
3. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike* [Selected works. Studies on Russian grammar]. Nauka. 1975.
4. *Grammatika russkogo yazyka* – Grammar of the Russian language. Vol. 2. Part 1: Syntaksis. Publ. AS USSR. 1954.
5. Kubryakova E. S. Op. cit. P. 64.
6. Ufimtseva A. A. *Leksicheskaya nominaciya (pervichnaya nejtral'naya)* [Lexical category (primary neutral)]. LIBROKOM. 2010.
7. Kondakov N. I *Logicheskij slovar'-spravochnik* [Logical dictionary-reference book]. M. Nauka. 1975.
8. Teterina I. L. *Funkcional'nyj aspekt atributivnogo slovosochetaniya modeli «prilagatel'noe + sushchestvitel'noe»* [Functional aspect attributive word combinations of the model "adjective + noun"] // *Semantiko-funkcional'nye polya v leksike i grammatike* – Semantic-functional field in vocabulary and grammar. L. Leningr. State Ped. Univ. n.a. A. I. Gertsen. 1990. Pp. 103-109.
9. Teterina I. L. Op. cit. P. 104.
10. Wolf E. M. *Grammatika i semantika prilagatel'nogo: na materiale iberoromanskikh yazykov*. [Grammar and the semantics of the adjective: on the material of Ibero-roman languages]. M. Nauka. 1978.
11. *Sovremennyyj slovar' inostrannyh slov : ok. 20000 slov* – Modern dictionary of foreign words: approx. 20000 words. Rus. yaz. 2001. P. 568.
12. Abramov B. A. *Izbrannye raboty po nemeckoj grammatike i obshchim problemam yazykoznanija* [Selected works on German grammar and general problems of linguistics]. M. "Krug". 2003. P. 19; Charitonova J. I. *Theoretische Grammatik der deutschen Sprache: Syntax*. Kiev. Vyscha wk. 1976. P. 22.
13. Admoni W. G. *Der deutsche Sprachbau = Theoretical grammar of the German language: the story of the modern German language*. Prosveshchenie. 1986. P. 74.
14. Bredel W. *Die Väter*. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1980. P. 175.
15. Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. M. Uchpedgiz. 1957. P. 70.

16. Charitonova J. I. Op. cit. P. 23.
17. *Moskalskaja O. J.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M. Publ. center "Academy". 2004. P. 202.
18. Abramov B. A. Op. cit. P. 29.
19. Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M. Sov. ENCYCLOPAEDIA. 1969. P. 215.
20. *Mann H.* Der Untertan. Moskau : Verlag für fremdsprachige Literatur, 1950. P. 21.
21. *Härtling P.* Der gelbe Junge // Miteinander: Text- und Arbeitsbuch Deutsch für Fortgeschrittene. München : Max Hueber Verlag, 1991. Pp. 202–207.
22. *Frank L.* Links wo das Herz ist. M.; L. Prosveshchenie. 1965. P. 96.
23. *Khomsky N.* *Sintaksicheskie struktury* [Syntactic structures] // *Novoe v lingvistike – New in linguistics*. M. 1962. Vol. II. P. 418.
24. *Henckel H., Wagener K.* Wohnen mit Pflanzen: grüne Ideen für Zuhause. – Ulmet: BLOOM's, 2007. Available at: <http://www.designerbooks.ru/main.php?id=678&level=item> (accessed 25.08.2016)
25. Die schönsten deutschen Gedichte. Köln: Anaconda Verlag, 2010. P. 536.
26. Ibid. P. 257.
27. Ibid. P. 342.
28. *Seck-Agthe M.* Mein Bruder hat grüne Haare. Available at: http://www.schule.suedtirol.it/sspbrixenmil-land/ms_pacher/schulprofil/didaktik/bildungsschwerpunkt/raetsel_texte_10_11/bruder_gruene_haare.pdf (02.08.2016)
29. *Arutyunova N. D.* *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its sense: logical and semantic problems]. M. Editorial URSS. 2005. P. 86.
30. *Kukharzh Ya.* *O funkcional'nom ispol'zovanii strukturnykh edinic yazyka* [On the functional use of the structural units of language units] // *Edinicy raznykh urovnej grammaticheskogo stroya yazyka i ih vzaimodejstvie – Units of different levels of grammatical structure of the language and their interaction*. M. Nauka. 1969. Pp. 273-277.
31. *Grass G.* Die Blechtrommel. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997.
32. Ibid. P. 45.
33. Ibid. P. 193.
34. Ibid. P. 613.
35. Ibid. P. 281.
36. *Mathesius V.* On the potentiality of the phenomene of language. Praguane; Amsterdam, 1983. Pp. 3–43.
37. *Teliya V. N.* *Semantika svyazannykh znachenij slov i ih sochetaemosti* [Associated semantics of word meanings and their compatibility] // *Aspekty semanticheskikh issledovanij – Aspects of semantic research*. M. 1980. Pp. 250-319.
38. *Schwaiger B.* Schönes Licht. Berlin : Ullstein, 1997. P. 136.
39. *Stepanova M. D., Chernysheva I. I.* *Leksikologiya sovremennogo nemeckogo yazyka* [Lexicology of the modern German language]. Vyssh. shk. 1962. P. 223.
40. *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre". Gütersloh : Bertelsmann Lexikon Verlag. 1997.
41. *Drosdowski G.* Deutsches Universalwörterbuch Mannheim. Wien; Zürich. Dudenverlag. 1989.
42. *Ries J.* Zur Wortgruppenlehre. Prag : Taussig, 1928. P. 5.
43. *Smirnitsky A. I.* *Sintaksis anglijskogo yazyka* [Syntax of the English language]. M. Publ. of lit. in the foreign lang. 1957. P. 201.
44. *Jespersen O.* *Filosofiya grammatiki* [Philosophy of grammar]. M. Publ. of foreign lit. 1958.
45. *Teliya V. N.* Op. cit. P. 252.
46. *Akhmanova O. C.* Op. cit. P. 396.

УДК 81'42

Ф. А. Чебышев

Существительные с семантикой ожидания в языке современных СМИ: синтагматический аспект

В статье исследуется семантика ожидания и средства её выражения в русском языке на материале текстов печатных СМИ. Дается краткий обзор аспектов изучения семантики ожидания и неожиданности в лингвистической литературе. Подробно анализируются синтагматические связи слов *ожидание* и *неожиданность* как существительных, наиболее точно выражающих семантику ожидания. Существительные анализируются в связях по типу согласования, управления, в отношениях типа «подлежащее – сказуемое». Также отмечены единичные случаи раскрытия семантики ожидания в придаточной части сложного предложения. Утверждается, что ожидание в СМИ чаще всего характеризуется как связанное с экономической,

социальной или политической сферой и включает в себя большую группу слов и сочетаний слов, указывающих на различные события или явления. Показывается, что частая сочетаемость существительного *ожидание* с глаголом *оправдываться* и употребление сочетания *(не) стал неожиданностью* связаны с прогностической функцией современных СМИ.

In the article semantics of expectation and means of its expression in Russian on material of texts of print media is investigated. The short review of aspects of studying of semantics of expectation and suddenness is given. Syntagmatic links of nouns *expectation* and *unexpectedness* are in detail analyzed as most exact means of expression of semantics of expectation. The nouns are analyzed in relations of grammatical coordination, conducting and relations of type «subject – predicate». Also single cases of disclosure of semantics of expectation in the dependent clause of complex sentence are noted. It is stated that the expectation in mass media is mostly connected with economic, political and social aspects of life and includes a large group of words and combinations of words pointing at various events or facts. The often use of combinations of words *expectations were met* and *it didn't become a surprise* is connected with prognostic function of modern mass media.

Ключевые слова: семантика ожидания, семантика неожиданности, синтагматические отношения языковых единиц, согласование, управление, координация подлежащего и сказуемого, язык СМИ.

Keywords: semantics of expectation, semantics of unexpectedness, syntagmatics of language units, coordination, conducting, relations of type «subject – predicate», language of media.

Объектом данного исследования являются имена существительные с семантикой ожидания в языке современных СМИ. Целью статьи является анализ функционирования субстантивных форм, выражающих различные аспекты семантики ожидания.

Семантика ожидания структурирована в языке по принципу поля (т. е. имеет центр и периферию) и соприкасается с целым рядом смежных категорий. В лингвистической литературе имеются работы по близкой проблематике, связанной с изучением предикатов состояния, языковых аспектов прогнозирования будущего, семантики внезапности, семантики неизвестности, с изучением ожидания как концепта и др. [ср. 1–6]. Представим их краткий обзор.

А. А. Камалова, рассматривая предикаты психологического состояния (к которым можно отнести и ожидание), отмечает их «семантическую “размытость”», которая «заключается в переплетении и взаимодействии предикатов психологического состояния различных синонимических рядов и лексико-семантических групп, с одной стороны, и, с другой – в их семантическом взаимодействии с предикатами “мысли”, “чувства”, “речи”, “воли”, “желания”, “отношения”» [1]. Основными элементами ситуации, отражёнными в семантике предикатов состояния, по мнению А. А. Камаловой, являются интенсивность, оценка и контролируемость. Также учёный отмечает, что «концептуализация состояния многомерна и детерминирована онтологической сущностью отражаемой действительности, возможностями человеческого мышления и возможностями конкретного языка» [2].

Многомерность концептуализации ожидания рассматривает Н. Н. Болдырев в статье «Концептуальные структуры и языковые значения». В частности, он пишет: «Чтобы активизировать, например, фрейм “ожидание” (т. е. знание стереотипной ситуации, связанной с ожиданием), необходимо сформировать и передать с помощью языка одноименный концепт. Это возможно осуществить лексически – посредством использования соответствующего слова с данным значением (можно сказать: “Он ждёт”; или: “Это требует длительного ожидания”), – либо за счёт комбинации нескольких слов в словосочетание или предложение-высказывание, передающие тот же смысл, но косвенно, без использования слов с прямым значением “ожидание” (например, с помощью вопроса: “И что дальше?”, или: “Поезд все не приходил”), т. е. за счёт активизации отдельных составляющих данного фрейма (или других фреймов, которые также включают в себя в качестве субфрейма процесс ожидания – ожидание поезда, ответа на вопрос и т. д.) и посредством формирования аналогичного смысла, но уже не у отдельного слова, а у всего предложения» [3].

О семантике ожидаемого говорится и в статье Н. Д. Федяевой «Норма vs. Не-норма = Ожидаемое vs. Неожиданное». Автор отмечает, что все значения слова *ожидание* «объединены идеей большей или меньшей предсказуемости будущего: субъект действия на основании имеющихся у него сведений с большей или меньшей уверенностью предполагает, каким будет развитие ситуации» [4].

Если сведений о развитии ситуации у субъекта нет, то в этом случае семантика ожидания пересекается с семантикой неизвестности, которая представляет собой «функционально-семантическое поле разноуровневых средств... языка, объединённых для выражения отношения говорящего к отрезку действительности с позиций осведомлённости/неосведомлённости» [5].

Если какое-то событие происходит неожиданно для субъекта, можно говорить о пересечении семантики ожидания с семантикой внезапности, которую рассматривает в своей статье Е. Н. Аверьянова. Автор утверждает, что «в каждом языке имеются слова и фразеологизмы, в значении которых внезапность – характеризующий модально/оценочный компонент совмещена с разными дескриптивными компонентами. Среди таких номинативных единиц, в значении которых дескриптивное значение выражено синкретично с значением внезапности, можно обнаружить слова нескольких лексико-грамматических классов», после чего в качестве примера даётся список лексических единиц английского языка, среди которых есть следующие существительные: «gust – sudden rush of wind; pang – sudden, sharp feeling of pain in body or mind; panic – sudden uncontrollable fear; shock – a sudden and violent mental or physical impression; stitch – sudden, sharp pain in the muscles at the side of the body; squall – sudden storm of wind» [6]. Приведём свой перевод данного англоязычного фрагмента: «gust – внезапный порыв ветра; pang – внезапное, острое чувство боли в теле или уме; panic – внезапный страх, не поддающийся контролю; shock – внезапное и сильное умственное или физическое впечатление; stitch – внезапная, острая боль в мышцах с одной стороны тела; squall – внезапный порыв ветра».

Как видим, семантика ожидания пересекается с несколькими семантическими полями и может пониматься очень широко. Однако её центром являются такие лексемы, как *(не) ждать*, *(не) ожидать*, *ожидание*, *неожиданность*. Глаголы, выражающие семантику ожидания, уже были нами рассмотрены в статье «Объекты ожидания при глаголе *ждать*» [7]. В настоящей работе мы обратимся к анализу функционирования существительных с семантикой ожидания в языке современных печатных СМИ.

Материалом исследования явились 3020 контекстов, посвящённых ожиданию чего-либо, которые были извлечены из «Российской газеты», «Независимой газеты» и «Новой газеты» за период с сентября 2014 г. по февраль 2015 г.. В данном материале встретилось 333 контекста с существительными и субстантивированными причастиями. Перечислим эти лексемы, указывая в скобках количество их употреблений в нашем материале: *ожидание* (271 пример из 3020), *неожиданность* (55 примеров из 3020), *ожидающий* (2 примера из 3020), *выжидание* (2 примера из 3020), *пережидающий* (1 пример из 3020), *ждуший* (1 пример из 3020), *ожидаемость* (1 пример из 3020).

Как можно заметить, большую часть материала составляют примеры с существительными *ожидание* и *неожиданность*. Далее проведём анализ этих двух существительных, обращая внимание на их сочетаемость и вид грамматической связи с другими словами, то есть на их синтагматику – отношения, возникающие «между последовательно расположенными... единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [8]. Такого рода анализ позволит нам понять, какими качественными характеристиками сопровождаются лексемы *ожидание* и *неожиданность* (какое ожидание? какая неожиданность?), какие объекты характеризуются как ожидаемые или неожиданные (ожидание чего? неожиданность чего?), как часто существительные *ожидание* и *неожиданность* занимают позицию подлежащего и какие сказуемые с ними в этом случае употребляются. Сразу же отметим, что в СМИ в качестве вариантов функционируют формы единственного и множественного числа данных существительных, в связи с чем адъективные, субстантивные и глагольные формы, сочетающиеся со словами *ожидание* и *неожиданность*, также могут использоваться в формах обоих чисел.

Синтагматические связи существительного *ожидание*

1) По типу согласования (96 примеров): инфляционные (14), девальвационные (7), все (5), высокие (4), экономические (3), негативные (3), пессимистические/пессимистичные (3), тревожные (3), социальные (3), эти (2), всякие (2), большие (2), наши (2), долгое (2), томительное (2), определённые (2), зарплатные (2), завышенные (2), среднее (2), конкретные, мои, восторженные, хорошо адаптированные, свои, радостное, многочасовое, такие, оптимистические, обманутые, благоприятные, неоправдавшиеся, общественные, апокалиптические, отрицательные, мрачные, возросшие, политические, новые, панические, кризисные, восторженные, некое, напряжённое, свои, украинские, субъективные, спекулятивные.

Ср., напр.: *Наблюдаемая динамика курса рубля, в том числе его избыточная волатильность, создает предпосылки к возникновению рисков для финансовой стабильности и формированию устойчивых девальвационных и инфляционных ожиданий», – сообщила вчера пресс-служба ЦБ (Независимая газета № 264-265 (6310-6311)); Вероятность маловодья или паводка, впрочем, со счетов не сбрасывали, впрочем, она была крайне мала. Но природа обманула все ожидания: во втором квартале приток в Байкал составил 83,4% от нормы, тогда как в третьем – только 61% (Новая газета № 4 (2291)); Люди же устают от высоких ожиданий. И очень хорошо чувствуют, когда с ними говорят без морального превосходства (Российская газета № 267 (6539)).*

Как можно видеть, чаще всего в текстах СМИ употребляются адъективные слова, связанные с ожиданиями социально-экономического и политического характера: *инфляционные, девальвационные, экономические, социальные, зарплатные, общественные, политические, кризисные*. Такой результат вполне предсказуем ввиду того, что материал собирался из общественно-политических изданий, а охватываемый период сбора материала (с осени 2014 г. по начало 2015 г.) пришёлся на то время, когда финансовые аналитики начинают прогнозировать изменения курсов валют или ставок, а затем соотносить свои ожидания с реальностью. Кроме этого такая частотность употребления слов *инфляционные* и *девальвационные* может быть связана с темой экономических санкций в отношении России, которая также была популярна в СМИ в указанный временной период.

2) По типу управления (122 примера). Среди таких сочетаний можно выделить три подгруппы:

а) беспредложное управление, где существительное *ожидание* выступает в качестве главного компонента (ожидание чего? – 111 примеров): *перемены (3), ухудшение ситуации (2), помощь (2), протесты (2), ГИБДД (2), бой (2), приём врача (2), единство, мировой финансовый кризис, катастрофа, народа, помощь из Москвы, реакция российских властей, экспертов, МЭР, поезд, Америки, начало переговоров, мирное соглашение, воскрешение, потомство, экономическая рецессия, пенсии, сессия ОПЕК, новые стычки, основной кредит, праздник, актёр, последующие действия, сезон, полное солнечное затмение, рост нефтяных котировок, инвестиции, действие, решение, финальная точка, ужин, ОМОН, лучшие времена, перевод (в другое подразделение), апелляция, смерть, сдача объектов Военно-космической обороны, инвестиционные возможности, война, сноска, прокат «Левиафана», выдача автомобилей, провокации, снижение инвестиционной активности, награда, удовольствие, отрицательные последствия, еда, очередь, Второе пришествие Христа, революция, зарплата, наряд (полиции), контрамеры, фильм, счастье, справки, рейсы, свершения, компенсация затрат, жильё, отставка, коллапс, праздничные мероприятия, разгрузка, суд, изменения, шоу, финал, обыск, инспектор, «конец света», утилизация, повышение ключевой ставки, депортация, указания, реакция из Вашингтона, рост экспорта, боль, агрессия, внятные и ясные слова, чудо, отмашка на трансформации, матч, землетрясение, валютные аукционы, «Форум действий» ОНФ, прибытие поезда, развитие событий, ослабление курса валют, автобус, манна небесная, Первое Лицо, лучшая жизнь, перемены (негативная оценка. – Ф. Ч.), неожиданности;*

б) предложное управление, где существительное *ожидание* выступает в качестве главного компонента (ожидание от чего? – 3 примера): *ожидания от валютного курса, ожидания от отцовства, ожидания от референдума;*

в) беспредложное управление, где *ожидание* выступает в качестве зависимого компонента (8 примеров): *реальность ожидания, состояние ожидания, томительные минуты ожидания, градус ожиданий, отсутствие ожиданий, «лист ожидания» (сокращение должности. – Ф. Ч.), сроки ожидания, «Ожидание обезьян» (книга).*

Приведём соответствующие примеры для всех видов управления. Ср.: *Пока новый президент Контиентальной хоккейной лиги Дмитрий Чернышенко только знакомится с делами, лигу, а с ней и весь наш хоккей начинает потихоньку потряхивать в **ожидании перемен** (Новая газета № 141(2282)); Пока же афганские полицейские, занимающиеся борьбой с наркотиками в северных провинциях страны (откуда героин и гашиш поступают в Россию и республики Центральной Азии), **в ожидании помощи** из Москвы вынуждены опираться в основном на собственные силы (Независимая газета № 11-12 (6342-6343)); Но на глубоком уровне заложены большие **ожидания от валютного курса** и оценка влияния военного фактора. А также – выплаты, связанные с определенными договоренностями, которые влияют на курс (в частности, авансовые платежи за газ России) (Независимая газета № 240-241 (6286-6287)); Тянулись **томительные минуты ожидания**. Наконец, с опозданием на двенадцать минут, началось (Новая газета № 143 (2284)); Так что, когда Московский театр мюзикла еще в прошлом сезоне объявил, что готовит свою четвертую постановку – версию Золушки на современный лад, музыку к которой пишет сам маэстро Раймонд Паулс, а слова – Дмитрий Быков, **градус ожиданий** прогрессивного зрителя вознесся на самый верх (Российская газета № 244 (6516)).*

Как видим, сочетаемость по типу управления является весьма разнообразной по семантике соединяемых компонентов. Нами были выделены как слова с положительной или отрицательной оценкой ожидания (*перемены, ухудшение ситуации, помощь, коллапс, агрессия, чудо*), так и нейтральной (*ГИБДД, приём врача, поезд, справки, валютные аукционы*).

3) По типу отношений «подлежащее – сказуемое» (35 примеров) (мы в ряде случаев приводим здесь подлежащие и сказуемые в составе необходимых для понимания смысла микроконтекстов. – Ф. Ч.): *(не) оправдались (14), совпали с реальностью (2), (не) были (2), завышены (2),*

чуть более оптимистичны, сорвало с якорей, пошли вниз, идут на спад, заложены, сошли на нет, лишено безмятежности, заслуживает ожидания, присутствуют, даётся легко, толкали доллар и евро вверх, возросли, выросли, расходятся с реальностью, связаны с притоком капитала в страну, оказались напрасными, напряглось, продиктовано необходимостью согласования, формируются, волнуют, становятся бременем, завершаются разочарованиями, становились причиной лихорадок в финансовом секторе.

Ср.: Но если в предыдущих работах режиссер удивлял своими свежими режиссерскими решениями, то в "Севильском цирюльнике" **ожидания** нового "слова" **не оправдались** (Российская газета № 254 (6526)); – Я рад, что нам удалось выиграть на стадионе, на котором очень тяжело играть. Ещё до матча говорил о горячей поддержке сборной Шотландии, и мои **ожидания совпали с реальностью**. Не буду скрывать, я счастлив своими голами, но о рекорде по количеству забитых мячей за национальную команду я сейчас не думаю, – подчеркнул Руни в интервью британским СМИ (Российская газета № 264 (6536)).

Как видим, в сочетании «подлежащее – сказуемое» на первый план выходят глаголы *не оправдались* и *совпали с реальностью*. Это напрямую связано с прогнозированием и предсказанием в СМИ политических действий властей, в том числе их инициированием и коррекцией [9]. Иными словами, в сочетании с глаголами семантика ожидания соотносится с объективной реальностью.

4) В единичных случаях содержание ожидания раскрывается **в придаточной части сложного предложения** (в придаточном изъяснительном), которая вводится с помощью союза *что* или союзных слов *где* и *как* (**3 примера**): *что могут последовать санкции, где что взорвётся, как поведёт себя Москва*.

Ср.: Неужели не было **ожидания, что могут последовать санкции?** (Новая газета № 129 (2270), с. 9); Зато, подчеркнул депутат ГД, подобных трагедий в Белоруссии больше не повторилось: «А у нас каждый человек живет в страхе и **ожидании, где же в очередной раз что взорвется**» (Независимая газета № 255 (6300), с. 3); На Западе замерли в **ожидании того, как перед лицом этого стратегического катаклизма поведет себя Москва** (Российская газета № 254 (6526), с. 9).

Синтагматические связи существительного **неожиданность**

1) **По типу согласования (26 примеров)**: полная (7), никакие (3), большая (3), неприятная (2), приятная (2), возможные, огромная, климатические, абсолютная, ещё одна, раздражающая, главная, своя, крупные.

Ср.: Решение арендодателя для «Дождя» – исправного плательщика, буквально родившегося на «Красном Октябре» (снимают помещение с 2009 года), стало **полной неожиданностью** (Новая газета № 122 (2263)); С председателем Совета Федерации тоже **никаких неожиданностей**: 1 октября эту должность займет экс-губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко – её ожидаемо выбрал губернатор Георгий Полтавченко в качестве делегата (Новая газета № 110 (2251)); Соответственно, отставка канадского специалиста если и не была предрешена, то и **большой неожиданностью** не стала – бесменный президент «Локомотива» Юрий Яковлев на отсутствие результата реагирует незамедлительно и жестко, заслуги значения не имеют, обиженных хватает, полтора десятка точно наберется (Новая газета № 110 (2251)).

Как видно из результатов анализа, чаще всего употребляются те прилагательные, которые указывают на полностью противоположное прогнозам событие.

Сочетаний с существительным **неожиданность** по типу управления в нашем материале не отмечается. Но в сочетаниях слов, образованных по типу «подлежащее – сказуемое», выделяется 2 группы.

2) **По типу отношений «подлежащее – сказуемое» (32 примера)**

а) существительное **неожиданность** входит в состав сказуемого при глаголах-связках *быть*, *стать*, *оказаться*, *являться* (28 примеров): *(не) стал неожиданностью (20), (не) оказалось неожиданностью (4), было неожиданностью (3), явилось неожиданностью*.

Ср.: Судя по спокойной реакции Василия Голубева, **вопрос** о войне, похоже, **не оказался** для него **неожиданностью** (Новая газета № 11 (2298)); «**Известие** о смерти Образцовой **было** для нас полной **неожиданностью**, ударом, – говорит Урмана, – и мне сегодня было не просто выйти на сцену, сложно было не потерять голос от эмоций, которые меня захлестывали» (Независимая газета № 22 (6353)); Создается впечатление, что нынешний **кризис не стал** для чиновников **неожиданностью** (Новая газета № 142 (2283)).

б) существительное **неожиданность** выступает в качестве подлежащего (4 примера): *неожиданности двигают науку вперед, возможны, могут случиться, ожидает, возможны*.

Ср.: И хотя зрителей **ожидает много неожиданностей**, Ноймайер строго сохранил все основные линии романа (Российская газета № 254 (6526)); Только **неожиданности** и сюрпризы,

противоречия между наукой и экспериментом двигают науку вперед (Российская газета № 263 (6535)); Руководитель Комитета избирателей Украины Александр Черненко подтвердил «НГ», что неожиданности по итогам выборов возможны (Независимая газета № 212 (6260)); Спонтанность опасна для прямых эфиров, могут случиться неожиданности (Российская газета № 266 (6538)).

Как видим, чаще всего в текстах СМИ используется сказуемое (*не*) стал неожиданностью. Это также может быть связано с прогностической функцией современной журналистики, в данном случае описывающей предсказуемость или непредсказуемость событий.

3) В единичных случаях содержание неожиданности раскрывается **в придаточной части сложного предложения**: что отношение изменилось (ожидание рейтинга партии до и после выборов. – Ф. Ч.), что министром иностранных дел станет глава парламентской комиссии.

Ср.: Но по данным экзит-полов, пропрезидентская партия, заняв первое место, не вырвалась далеко вперед: она набрала 23–23,2% голосов, а на второе место неожиданно уверенно вышел «Народный фронт» Яценюка–Турчинова, набравший 19,7–21,8%. ...Те же избиратели, которым ничего не мешало прийти на участки, возможно, расслабились, узнав еще до выборов, что поддерживаемый ими пропрезидентский блок и так наберет более 30%. Такое отношение, по мнению экспертов, было характерно только для сторонников Порошенко... **То, что отношение изменилось, несмотря на тяжелую экономическую ситуацию и фактическое отсутствие реформ, стало одной из неожиданностей** этих выборов (Независимая газета № 234 (6281)); Главной **неожиданностью**, прежде всего для самих поляков, **стала новость о том, что министром иностранных дел станет глава парламентской комиссии по международным делам Гжегож Схетына** (Российская газета № 216 (6488)).

По итогам наших наблюдений мы можем сделать следующие выводы. Семантика ожидания организована по принципу поля. В её центре стоят преимущественно глаголы, например *ждать* и *ожидать*. В настоящей статье мы рассмотрели функционирование в языке СМИ субстантивных лексем с семантикой ожидания (*ожидание* и *неожиданность*), а именно их синтагматические связи, которые позволяют сделать выводы относительно качественных характеристик, приписываемых ожиданию и неожиданности, а также относительно объектов ожидания и неожиданности.

Чаще всего ожидание в СМИ характеризуется как связанное с экономической, социальной или политической сферой. При этом существительное *ожидание* обычно вступает в отношения по типу управления, сочетаясь с большой группой слов, указывающих на различные события или явления. Частая сочетаемость с глаголом-сказуемым *оправдываться* указывает на прогностический характер ожидания. Неожиданность в СМИ обычно характеризуется как «полная», «никакая», «большая» или «неприятная». Для существительного *неожиданность* не характерны отношения управления, зато широко распространено его употребление в рамках отношений «подлежащее – сказуемое», причём оно чаще выступает в позиции сказуемого. Высокая частотность сказуемого (*не*) стал неожиданностью связана, очевидно, с тем, что современные СМИ не только стараются прогнозировать что-либо, но также следят за тем, сбываются их прогнозы в будущем или нет.

Примечания

1. Камалова А. А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1999. С. 7.
2. Камалова А. А. Указ. соч. С. 29.
3. Болдырев Н. Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура: материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 г. Тамбов, 1999 (URL: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/88.pdf>)
4. Федяева Н. Д. Норма vs. Не-норма = Ожидаемое vs. Неожиданное // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 139.
5. Акимова О. Б. Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. С. 7.
6. Аверьянова Е. Н. Средства выражения семантики внезапности в сообщениях об отклонении от нормы ожидания (на материале текстов художественной литературы) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 4 (URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-semantiki-vnezapnosti-v-soobshcheniyah-ob-otklonenii-ot-normy-ozhidaniya-na-materiale-tekstov-hudozhestvennoy-literatury>)
7. Чебышев Ф. А. Объект ожидания при глаголе «ждать» // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: сб. ст. по материалам Всерос. конф. молодых ученых. Вып. 13: 21–22 апреля 2016 г. / ред. кол.: Е. Н. Широкова, Н. Ю. Русова, И. В. Тихомирова и др. С. 120–124.
8. Кубрякова Е. С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 447.
9. Фокина В. В. СМИ как акторы мировой политики // «Вестник МГИМО Университета». URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/11mir_politika_fokina.pdf

Notes

1. Kamalova A. A. *Semanticheskie tipy predikatov sostoyaniya v sistemnom i funktsional'nom aspekтах : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Semantic types of state predicates in systematic and functional aspects: abstract. dis. ... Dr philol. sciences]. Ufa. 1999. P.7.
2. Kamalova A. A. Op. cit. P. 29.
3. Boldyrev N. N. *Konceptual'nye struktury i yazykovye znacheniya* [Conceptual structure and language value] // *Filologiya i kul'tura : materialy mezhdunar. konf. 12–14 maya 1999 g.* Philology and culture: proceedings of the international conf. May 12-14, 1999, Tambov. 1999 (Available at: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/88.pdf>)
4. Fedyaeva N. D. *Norma vs. Ne-norma = Ozhidaemoe vs. Neozhidannoe* [Norm vs. Non-rate = Expected vs. Unexpected] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal – Siberian philological journal.* 2009, No. 2, p. 139.
5. Akimova O. B. *Semantika neizvestnosti i sredstva eyo vyrazheniya v russkom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Semantics of the unknown and the means of its expression in the Russian language: abstract. dis. ... Dr philol. sciences]. M. 1999. P.7.
6. Averyanova E. N. *Sredstva vyrazheniya semantiki vnezapnosti v soobshcheniyah ob otklonenii ot normy ozhidaniya (na materiale tekstov hudozhestvennoj literatury)* [The means of expressing the semantics of surprise in reporting the deviation from the norm of waiting (on a material of texts of literature)] // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Herald of the Maykop State Technological University.* 2010, No. 4 (Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-semantiki-vnezapnosti-v-soobshcheniyah-ob-otklonenii-ot-normy-ozhidaniya-na-materiale-tekstov-hudozhestvennoj>#ixzz4Q9PTnbxY)
7. Chebyshev F. A. *Ob "ekt ozhidaniya pri glagole «zhdat»* [Object of waiting with the verb "to wait"] // *Problemy yazykovoj kartiny mira v sinhronii i diahronii: sb. st. po materialam Vseros. konf. molodyh uchenyh. Vyp. 13: 21–22 aprelya 2016 g. – yazykovoj kartiny mira v sinhronii i diahronii: sb. st. po materialam Vseros. konf. molodyh uchenyh. Vyp. 13: 21–22 aprelya 2016 g.* ms of linguistic picture of the world in the synchrony and diachrony: collection of articles on materials of All-Russia Conf. of young scientists. Vol. 13: 21-22 April, 2016 / ed. count.: E. N. Shirokova, N. Y. Rusova, I. V. Tikhomirova, etc. Pp. 120-124.
8. Kubryakova E. S. *Sintagmatika* [Syntagmatic] // *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' – Linguistic encyclopedic dictionary / under the editorship of V. N. The Yartseva. M. Sov. ENCYCLOPAEDIA.* 1990. P. 447.
9. Fokina V. V. *SMI kak aktory mirovoj politiki* [Media as actors of world politics] // «*Vestnik MGIMO Universiteta*» – "Herald of MGIMO-University". Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/11mir_politika_fokina.pdf

УДК 81' 373

Е. В. Воронова

Семантика, синтагматика и символика единиц лексико-семантического субполя «Физическая география Крыма» в идиолекте И. С. Шмелёва*

Статья посвящена системному описанию лексико-семантического субполя «Физическая география Крыма», представленного в эпистолярном наследии эмигрировавшего из России в 1922 г. Ивана Сергеевича Шмелёва. Когнитивно-дискурсивный анализ языковых единиц свидетельствует о том, что эмоционально-ментальный образ природного территориального комплекса охваченного Гражданской войной полуострова вербализируется в лексемах *Крым / дер Крим / der Krim, Феодосия, Симферополь, Алушта, море, город, кипарис, ночь, Ялта, дом / домик, камень, небо, сад, собака / собачка, яблоко*. Изучение семантики, синтагматики и символика ядерных единиц позволяет выявить сложные, наслаивающиеся на историко-географические реалии, когнитивные характеристики образа Крыма, эмоционально маркированные любовью автора к месту и переживаниями теряющего единственного сына и Отечество человека.

The study systematically describes lexical-and-semantic Crimean physical geography semantic sub-field ingrained into the epistolary heritage left by Ivan Sergeevich Shmelyov, who emigrated from Russia in 1922. The cognitive and discursive analysis of language units demonstrates, that such lexemes as Crimea / der Krim / der Krim, Feodosia, Simferopol, Alushta, the sea, the city, the cypress, the night, Yalta, house/little house, stone, sky, garden, dog / doggy, apple (Krym / der Krim / der Krim, Feodosiya, Simferopol', Alushta, more, gorod, kiparis, noch', Yalta, dom / domik, kamen', nebo, sad, sobaka / sobachka, yabloko) verbalize the emotional and mental image of the peninsula's natural territorial complex, and the peninsula ravaged by the Civil war at that. The study of semantics, syntagmatics, and symbolism of core units uncovers complex, multi-level and multi-faceted cognitive characteristics of

© Воронова Е. В., 2016

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-34-01083/16 «Семантическое поле “Крым” в лингвокультурологическом аспекте (на материале автодокументальной прозы русской эмиграции “первой волны”)».

the Crimea. These characteristics, overlapping the historic and geographic realities, are emotionally colored by the author's love for the place he is about to leave behind, by emotions of a man having lost both his only son and his Fatherland.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный анализ, лексико-семантическое поле, языковая картина мира, российская эмиграция, Крым.

Keywords: cognitive discourse analysis, lexical-semantic field, the linguistic view of the world, Russian emigration, the Crimea.

1. Введение: материал и метод исследования

Статья направлена на выявление репрезентирующей системы лексико-семантического субполя (далее – ЛСП) «Физическая география Крыма» и описание его функционирования в письмах эмигрировавшего из России в 1922 г. Ивана Сергеевича Шмелёва.

Материалом исследования являются 224 лексических единицы, извлечённых методом сплошной выборки из писем И. С. Шмелёва О. А. Бредиус-Субботиной, А. В. Луначарскому и В. В. Вересаеву, Р. и Л. Земмеринг, С. М. Серову [1]. Обращение к документально-эпистолярной прозе И. С. Шмелёва не случайно: убийство сына в Феодосии, болезненно переживаемый разрыв с Россией, предшествующие этому покупка дома в Крыму и желание укрыться от Гражданской войны на южном полуострове нашло яркое отражение в письмах писателя. Фиксируя непосредственно в ходе судьбоносных испытаний или вслед за ними события внешней и внутренней жизни, И. С. Шмелёв создаёт одновременно достоверный и субъективный образ крымского периода скитаний.

Исследование выполняется в рамках дискурсивно-когнитивной научной парадигмы и опирается на антропоцентрический принцип, что способствует выявлению специфики ментальных образований, образов, представлений и ассоциаций, которые возникали в сознании эмигрировавшего И. С. Шмелёва при восприятии и осмыслении Крыма [2].

2. Семантико-когнитивная структура ЛСП «Физическая география Крым» в письмах И. С. Шмелёва

Когнитивно-семантический анализ языкового материала эпистолярного дискурса И. С. Шмелёва позволил выделить в рамках исследуемого субполя три лексико-семантических группы (далее – ЛСГ). Центр номинативного поля составляет ЛСГ пространства Крымского полуострова (148 лексем, или 66%), периферию – ЛСГ языковых единиц, объективирующих флору и фауну Крыма (45 лексем, или 20%), и ЛСГ наименований природно-климатических особенностей Крыма (31 лексема, или 14%).

В рамках *ЛСГ пространственных номинаций* выделены такие лексико-тематические группы, объединяемые дифференциальными когнитивными признаками 'объективная реальность, характеризующаяся протяжённостью и объёмом':

- группа субстантивов, вербализирующих географические наименования территорий Крымского полуострова (90): *Крым / дер Крим / der Krim* (39), *Феодосия* (13), *Симферополь* (12), *Алушта* (11), *Ялта* (4), *перевал* (2), *Судак* (2), *Байдарские ворота* (1), *Демерджи* (1), *Карасу-базар* (1), *Керчь* (1), *Коктебель* (1), *Чатыр-Даг* (1), *Чатырдыгский перевал* (1);

- группа субстантивов – наименований ландшафта и рельефа (25): *море* (9), *камень* (3), *горы* (2), *простор* (2), *глыба* (1), *верста* (1), *вершина* (1), *ручей* (1), а также лексема *пыль* (5) как характерная черта крымского пространства И. С. Шмелёва;

- группа субстантивов – названий пространственных объектов Крыма (33): *город* (4), *дом / домик* (3), *дорога* (3), *улица* (3), *корыто* (2), *ограда* (2), *сад* (2), *дача* (1), *имение* (1), *квартира* (1), *кафейня* (1), *место* (1), *окраина* (1), *пасака* (1), *перекресток* (1), *тротуар* (1), *усадебка* (1), *храм* (1), *черта* (1), *интерьер* (1), *юг* (1).

Ядерными лексемами концептуализируемого пространства являются *Крым / дер Крим / der Krim*, *Феодосия*, *Симферополь*, *Алушта* и *море*. Семантико-когнитивные характеристики образа **Крыма** создают сложные, наслаивающиеся на историко-географические реалии мифопредставления о месте рая и ада. С одной стороны, полуостров воспринимается как идеально-желаемая земля обетованная. Автором актуализируются традиционные в культуре начала XX в. представления о Крыме как первозданном Эдеме, приобретая новое звучание, а порою формируя новые акценты и пространственные модели. «Пучок» ассоциаций и переживаний, который сопровождал в сознании И. С. Шмелёва лексему *Крым* в рассматриваемом аспекте, можно обозначить в виде следующих семантических пластов: Крым – 'родной дом, ковчег – защита, спасение'; Крым – 'место молодости, красоты, надежды и любви'; Крым – 'экзотическая природа – пространство, далёкое от напора цивилизации, локус свободы'.

Авторское отношение к Крыму как дому-защите формируется непредикативными сочетаниями *маленькая усадьба, домик наш; нам дадут <...> имение, дачу в Крыму*. Ср.: *«Чаша» Вам послана. М. б. Крым откроется. Там у меня маленькая усадьба, домик наш...* Знаковая функция дома как оберегающей крепости, спасения от враждебного, дворового, внешнего, чужого реализуется на морфемном и лексическо-семантических уровнях. Семантический компонент уменьшительного суффикса *-ик* в лексеме *домик* имплицитно ласкательное значение. Производный суффикс *-еньк* вовсе не содержит компонента «уменьшительный, небольшой», а выражает, по словам А. Вежбицкой [3], лишь ласкательное отношение. Лексические единицы *домик, имение, усадьба, дача* объективируют значение безопасного пространства, организованности, противостоящей хаосу и оберегающей от невзгод внешнего мира. Ср.: пословицы о доме в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля свидетельствуют о том, что для русского сознания с давних времён дом сигнифицировал неприкосновенную область и защиту; например, «Худу быть, кто не умеет домом жить», «На стороне добывай, а дому не покидай», «На своей улочке и курочка храбра». Выбор местоимения *наш* актуализирует представление о Крыме-доме как единении, семье.

Вербализация мифообраза Крыма как спасающего от цивилизационных болезней и одиночества благословенного мира природы представлена в оптативных предложениях. Семантика желательности реализуется при помощи модальных частиц, логически выделяющих словоупотребления с лексемой *Крым*, и восклицательных частиц местоименного происхождения (*Хоть месяц с тобой, у моря, на Юге... какие утра, в Крыму!*), а также глаголов сослагательного наклонения (*Обстановки Крыма, «экзотики», – а она много помогла бы! – неслышно, ибо – цикады, море, кипарисы – все из папье-маше, не сращено со страстью. Или: Я сейчас помчался бы верхом на казацком седле верст двадцать бы отмахал, на заре, в Крыму... – воздух какой, какой простор!*). Кроме того, восприятие полуострова как свободной природной стихии, возвращающей архаическое ощущение цельности и гармоничности в связи с нераздельной связанностью природного и человеческого, материального и идеального, объективируется в высказываниях, содержащих адъективную и адвербализованную оценочную лексику с коннотативным значением «приятный», «наполняющий радостью и спокойствием», «создающий красоту», «исцеляющий». Ср.: *Заранее предвозвещает, что дело идет о любви. Ну, в Крыму, на лоне прекрасной природы; Эх, хорошо в такую пору в березовой роще – лежать и слушать усыпляющее жужжанье пчел, дремотное бульканье в овражке... – вспоминаю, как в Крыму, бывало, баюкали арЫки!..; Вспоминаю такие же блестящие дни в Крыму...*

Семантико-семиотическое значение Крыма как защищённого от мировых невзгод дома и природного оазиса дополняется у И. С. Шмелёва представлением о том, что полуостров – это райское место молодости, красоты, музыки, силы, надежды и любви. Автор часто к письмам к О. А. Бредиус-Субботиной прикладывает фотографии умершей в 1936 г. жены Ольги Александровны, в комментариях используя адъективные лексемы *молодая, красивая, сильная: Ей тогда было 40–41, в 21 году... как она была красива, молода, сильна; Я послал О. – молодую, в Крыму, но ее мне вернули вчера*. Нередко в рассказах о Крыме в качестве предикатов употребляются лексемы с семантикой «испытывать сердечную привязанность и душевную расположенность» – дериваты глагола *любить: Чтобы дать маленькое «Под горами» («Liebe in der Krim»), мало было видеть Крым: я прочитал 12-томную Энциклопедию Крыма (все о нём и татарах) – и надо еще «влюбиться»*. Невозможность жить в утраченном рае-полуострове вербализуется с помощью предикатов со значением «причинить сильные душевные страдания» – глагола *разворачивает: Не нужна мне ни Италия, ни эта чортова Ривьера. Все давно знаю. Много напоминает Крым, – и разворачивает душу*.

Синтагматические отношения лексемы *Крым* и языковых единиц в письмах И. С. Шмелёва свидетельствуют о горячей привязанности автора к полуострову, который становится для писателя символом «потерянного рая» и прибежища в охваченной Гражданской войной России и в эмиграции, надеждой на спасение, мечтой о рае обретённом. Ср.: *Как мы молились... как в Крыму зывали... уже после Сережечки... теплилась надежда...*

С другой стороны, Крым болезненно воспринимается автором как место гибели – кошмарного ада с его непрекращающимися муками и расстрелом сына Сергея. Крымские страдания из-за крушения надежд на восстановление прежнего дореволюционного миропорядка, страх перед возможностью расстрела (*Четыре раза я был на волосок от гибели. Первый раз – в Крыму послали на расстрел, спас «случай»*), голод, жестокость и насилие, и главное, ужас из-за неоправданно-трагического убийства единственного сына объективированы в предикатах *убили (3), потерял(и) (2), расстреляли, были раздавлены, больно, не могла... творить, (долго) болела, поддались слабости*. Ср.: *Сына я потерял в Крыму... – ах, какой он был! Больно...; Убили... – и как убили! Ночью, в морозе... повели... на окраину Феодосии, в Крыму; В Крыму, когда убили Сержика, такое было... Почти все воспоминания о смерти сына сопровождаются бессчётными многоточиями, являющимися, как думается, эмоционально-экспрессивными маркерами психологического волнения и напря-*

жения, а также признаком номинативного затруднения в выборе слов для описания пыток истерзанной переживаниями души. Показательно и то, что внутренняя трагедия и чувство гибели мира в письмах «овнешняются»: в описании деревьев или предметов повседневности (например, венка) отчётливо прослеживается семантика насильственного издевательства, умирания и разложения: *Для Крыма – Симферополя характерны – пирамидальные тополя очень высокие, кипарисы – в серых язвах, ржавчине порой, пыли, растрепаны, оглоданы ветром (весеннее равноденствие)*. Или: *Когда приехал из Крыма, венок стал похож на ошипанный цирковой обруч*.

Похожим неоднозначным ассоциативно-семантическим смыслом И. С. Шмелёв наделяет языковые единицы *Симферополь* и *Алушта*. Например, описывая *Алушту*, автор называет её *своей* и *нашей*, вспоминает о скудном заработке от чтений рассказов, о человеческой щедрости, не смотря на голод: *Видал такое не раз в Крыму, в Алуште, – знакомый Среднева – ведающий выдачей, мог и очень даже мог! – сказать: «айда, награжу вас, ради пра-здничка... прислали пшена и подсолнечного масла!»*. В то же время в воспоминаниях конструируется образ города как места, давшего надежду на спасение, но обманувшего и забравшего самое ценное – сына. В письмах используются развёрнутые словосочетания с семантикой ‘непоправимой смертельной ошибки’: *поддались слабости перед предстоящими трудностями; а могли же, могли же уехать! – и потеряли его; боли, кровь в глазу; мы оба, с Олей, были убиты... ждали – скорей бы конец жизни! Ср.: Если бы мы очутились в нашем домике, под Алуштой! Я его мало дал в «Солнце Мертвых», – больно очень. Ах, как черные дрозды поют по весне там!*

Симферополь наиболее ярко объективирован в функционально-смысловом типе речи «описание». Доминантами в описаниях города становятся лексемы *трупы* (7), *смерть* (3), *голод* (2), *костлявые жёлтые руки*, *сухие кости*, *стоны*, *умирающие*, *истощенные*. Ср.: *Сухие кости, камни (!)*. *Стоны – нутряные, от слабости предсмертной, будто под землей. (Все я сам видел.) Не пройдешь 10 шагов – труп, умирающий, иногда – грозди, в кучке, прижавшись*. Или: *Собак – нет (съели!), ни кошек... Люди валяются, как кучи тряпья*. Языковые метафоры *стая голодных двуногих*, *кинувшаяся на покупателя двух фунтов белого ситного*, и *полутрупы*, сравнения симферопольцев с грызунами и вырывающими зубами еду собаками, а также приём противопоставления *пухлых, томящихся в качающем-страстном танце пар жидов с упитанными розовыми лицами, розоватыми предплечьями, полными плечами, влажными, сытыми глазами (выпуклыми большей частью)*, *жующими губами-ртами* и *издыхающих кругом, под окнами* рисует жуткую картину распада человеческих коммуникаций в крымской столице. Автор называет происходящее *совокуплением Смерти... с Чумой: Соитием на трупах (всех: русских, татарских, армянских...)* *Тогда вечерами громыхали грузовики – полные трупов, и на ямах мостовой – эти трупы подскакивали, вздымались плечи, головы, руки... – и падали. Тоже – и ребят – грудями, как мерзлых поросят – возили*.

Лексемы *Ялта* и *Феодосия* содержат в письмах И. С. Шмелёва однозначный смысл. Репрезентантами концепта *Ялта* в текстах автора становятся единицы *расстрел* (2), *смерть*, *капкан большевистский*, *плевал кровью*, *гибель была неминуема*, *поймать меня*, *грозить*. Ср.: *А гибель была неминуема: от смерти меня отделяло лишь время на проход от Алушты до Ялты. Я был уже приговорен к расстрелу, это делалось автоматически*. Текстовыми семными экспликациями концепта *Феодосия* выступают, во-первых, слова, связанные с расстрелом сына: автор употребляет лексемы *сын* (9) и *убили* (2), а также предикаты *нет*, *расстреляли* и развёрнутые словосочетания *повели на окраину; вывели его ночью с другими... – на казнь-убой; болезнь сына; это была пытка, отчаянные попытки узнать хоть что-нибудь*. Ср.: *Моего единственного, невинного, больного сына расстреляли. В Феодосии, особ[ый] отд[ел] 3-й див[изи]и 4-й армии*. Во-вторых – объективации мучительно безрезультатного поиска информации о смерти Сергея и его захоронении: И. С. Шмелёв использует не-предикативные единицы речи *затребовал дело сына из Феодосии* (3); *собирал справки; мог узнать одно, м[ожет] б[ыть] ложное, что сын наш жив; до с[их] пор это дело еще не попало в руки председателя; я прошу охранной грамоты; пока ровно ничего особ[ым] отд[ел]ом 4ой армии не сделано; 8 дней в Феодосии ничего не дали*. Например, *... Я вправе знать – за что? день смерти! Но здесь я не смогу. Я бьюсь тщетно. Бесперывно 6 недель я бьюсь. Я был в Феодосии*. Или: *Кажется, месяц мой невинный мальчик ждал, больной, смерти. ... Есть люди, видевшие сына в Феодосии... Я прошу Вас – помогите правде. Мне не нужно виновных. Мне нужно знать правду*.

Крымское *море*, напротив, воспринимается писателем как источник неиссякаемой жизни, как воскрешающая и дарующая силы стихия. Концепт объективируется в письмах на уровне синтагматики через не-предикативные сочетания с семантикой ‘чистый, обновлённый, полный сил и энергии, бескрайний, величественный, свободный, желанный’ (*свежесть моря; и – ух, вдруг простор! – все море... и какое!!; – мо-ре! в грудь, – небом! синим током – морем! волей!..; – море... великое «корыто с синькой» и др.*) и ‘вызывающий восторг и восхищение’ (междометие *ух*, местоимение *какое*), на уровне графического оформления – через эффект разбития слова на слоги (*мо-ре*),

на уровне пунктуации – через многочисленные восклицательные знаки, тире и многоточия. Как думается, данные авторские средства обозначения речевой интонации реализуют эмоционально-модальную функцию, маркируя заворожённость автора первозданной, животворящей морской стихией. В воспоминаниях-письмах актуализируется мифообраз моря как первичного источника жизни, матери и возрождения – колыбели мира, давшей начало человеческому роду: «...Побежала вниз белая дорога на синее море» :: (:: – авторский знак, по словам И. С. Шмелёва помогающий передать внутренний ритм морской стихии. – Е. В.) – паузы, разного счета, – «а оно явлено – и вливалось в глаза. Влилось, – и никогда не уйдет теперь, хоть потеряй глаза, :: хоть уткнись в темный угол :: на весь век свой. Корыто ли с синькой увидит взгляд, к небу ли подымутся усталые глаза, – встанет оно, живое, и вольется в душу. Все целиком, огромное. Придет из-за тысяч верст и вольется. В снах придет теперь – и вольется».

Анализ ЛСГ языковых единиц, объективирующих флору и фауну Крыма, позволяет выделить в письмах И. С. Шмелёва две лексико-тематические группы, единицы которых принадлежат к одной части речи и объединяются когнитивным значением ‘совокупность всех растений и животных полуострова’:

- группу субстантивов, репрезентирующую флору полуострова (30): кипарис (4), сад (3), яблоко (3), кисть / гроздь (2), тополя (2), верхушка (1), виноград (1), гриб (1), груша / груши (1), дерево (1), земляника (1), ломонос (1), миндаль (1), персик / персики (1), пшеница (1), рожица конопля (1), тополь (1), а также лужок усадьбы (1), поле (1), просёлок во ржи (1), степь (1);

- группу субстантивов, называющих фауну Крыма (15): собака / собачка (3), цикады (2), дрозд (2), лошадь (2), голубь (1), жаворонок (1), конь (1), кошка (1), пчела (1), таранька (1).

Семантико-когнитивные характеристики языковых единиц, обозначающих **растения**, выступают, с одной стороны, в эпитетах крымские, свежие, чудесные (яблоки); какие, сочные, теплые... сладкие... (кисти-грозди винограда); пирамидальные, очень высокие (тополя); черешневые (сады); цветущий (лужок усадьбы); хлебные (поля); мягкий (просёлок во ржи), предикативных сочетаниях плодовые деревья в цвету и непредикативных люблю лужок, рожицу, воздух полей, а также в эмоционально-экспрессивном аффиксе -к (яблочки). С другой – в образных определениях пыльные (2), в серых язвах, ржавчине, растрепанные, оглоданные ветром (кипарисы); с голыми верхушками (тополя): старая, на пустыре (груша); пыльные (прошлогодние) плети (ломноса) и предикатах миндаль отцвел, персики ... – редко (в цвету. – Е. В.). Метаязыковые экспликации концепта Крым, объединённые общим признаком ‘флора’, создают неоднородное эмотивно-смысловое пространство. Текстовое ассоциативное поле включает в себя семы ‘жизнь’, ‘молодость’, ‘плодородие’, ‘весна’ и отсылает к мифологии о яблоке как чудесном фрукте, дающем богам их силу и спасение, или о винограде как духовном символе возрождения. Интересно, что автор, описывая сады Крыма, использует только определение черешневые, актуализирующее символику родного дома, человеческого рождения, жизни и радости, рая. В то же время структура концепта моделируется «мыслеорождениями» об увядающем, болеющем, агонирующем природном топосе. Растительность полуострова ощущается как бесплодная и вымершая. Использование частотно употребляемой лексемы кипарис, отражая ландшафт местности, придаёт ему дискурсивное символическое значение, связанное с представлениями о смерти и трауре. Не случайно в западноевропейской культуре вечнозелёное дерево-кустарник стало эмблемой мрачного бога подземного царства Гадеса и жизнерадостных богов Зевса, Аполлона, Афродиты и Гермеса.

Лексема **собака** используется И. С. Шмелёвым в образной развёрнутой метафоре, уподобляющей жителей охваченного войной Крыма стае голодных, грызущихся собак, агрессивно и жестоко убивающих ради хлеба. Помимо скрытого сравнения, автор употребляет предикативные сочетания (Собак – нет (съели!)) и развёрнутые законченные фразы (Я и сейчас слышу, как собачка хрустит головкой тараньки, под камнем, на вершине Чатыр-Дага), воссоздающие образ Крыма как места нужды и недоедания – голода. Конструирование крымской «бесхлебицы» дополняется воспоминаниями о съеденных кошках. Символично, что жертвами острого недостатка еды становятся одомашненные животные: в письмах актуализируется мысль о расчеловечивании человека, способного в условиях Гражданской войны на уничтожение верности, преданности, защиты, свободы.

Менее частотные номинации животного мира имеют глагольно-именные синтагмы поют (жаворонки и чёрные дрозды), надо было полюбить (2) / надо еще «влюбиться» / люблю (лошадей, пчёл гуд, а также воздух конный), полевые (голуби), содержащие потенциальные семы ‘красота’, ‘наслаждение’, ‘восхищение’. Ср.: Чтобы дать маленькое «Под горами» («Liebe in der Krim»), мало было видеть Крым: я прочитал 12-томную Энциклопедию Крыма (в_с_е_ о нем и татарах) – и надо еще «влюбиться». Надо было полюбить лошадей, «круг», азарт даже, чтобы дать «Мери», «бега» в «Путьх Небесных»; – надо было полюбить воздух конный. Автор с упоением вспоминает не

затронутую человеческими раздорами фауну полуострова, воссоздавая в мечтах утренние конные прогулки с Ольгой Александровной Бредиус-Субботиной «на высоте Демерджи» «в солнце раннем... в звоне ручьев, в цикадах...». Ср.: *Ах, как черные дрозды поют по весне там! «Вон он сидит на пустыре, на старой груше, на маковке, – как уголек! На светлом небе он четко виден. Даже как нос его сияет в заходящем солнце, как у него играет горлышко. Он любит петь один...»*. Или: ... *Природа-то! <...> пасаки люблю, пчел гуд...*

Языковые единицы **ЛСГ наименований природно-климатических особенностей Крыма** содержат когнитивный признак 'режим погоды, свойственный полуострову' и объединяются в две центральные лексико-тематические группы:

- группу субстантивов – номинаций атмосферных явлений, климата и погодных условий Юга России (20): небесное свечение; небесные тела; воздушные, оптические явления (6): *солнце* (5; кроме того, автор, вспоминая о Крыме, использует обращения *солнце* – 2, название документально-художественного произведения «Солнце мёртвых» – боле 100 употреблений), *месяц* (1); тепловой режим атмосферы (5): *жар* (2), *мороз* (2), *зной* (1); небесное пространство (3): *небо* (3); слои, потоки воздуха (3): *воздух* (2), *ветер* (1); облака, тучи, гроза (1): *облачка* (1); общее наименование климатических условий: *природа* (1);

- группу субстантивов, репрезентующую природное время года и суток (11): *ночь* (4), *весна* (2), *заря* (2), *утро* (2), *полдень* (1), *равноденствие* (1).

Лексема-доминанта **ночь** олицетворяет в письмах смерть, силы зла, подлость, мрачную неизвестность и отчаяние. Автор регулярно обращается к крымской ночи на 21 ноября (4 декабря) 1920 г. – времени, когда был расстрелян его единственный сын Сергей. Текстовыми экспликациями выступают фразы с семантикой неравного кровопролитного боя, побоища, массового убийства, резни и нечестного уничтожения самого ценностно значимого. Ср.: *В ночь на это 21.XI (4.XII) видели мы с Олей в последний раз нашего мальчика; Нет Серезежки... сестра милосердия одна, полюбившая его в тюрьме – в подвале, в Феодосии, видела... как вывели его ночью с другими... – на казнь-убой; Не мог он спастись, когда уже повели... студёной ночью... чёрной ночью... моего светлого, чистого, единственного. Адъективы студёная ('очень холодная') и чёрная ('самая тёмная') обогащают смысловое наполнение лексемы значениями превосходной степени выраженности признака: на фоне страшных крымских разрушений смерть в ночи переживается автором как самый сокрушительный и трагически жестокий удар.*

Похожая семантическая структура и у лексем *мороз* и *весна*. Крымская **весна** воспринимается И. С. Шмелёвым не как пробуждение жизни и обновление мира, а как время обострённо переживаемой тоски, когда осознаётся отсутствие чего-то или кого-то очень важного и дорогого, возникает сильное желание преодолеть это отсутствие и понимание непреодолимости этой преграды, влекущее мучительное разочарование и уныние. Ср.: *Тихи, грустны вечера весной. <...> Встречают свою весну. Но отчего так грустно?* Единица словарного состава **мороз**, называя холодную погоду, приобретает дискурсивное символическое значение смерти, голода, болезней и страха: *Ночью, в морозе... повели... на окраину Феодосии, в Крыму. <...> Да, за 1/2 ч., за 1/4 ч. до смерти <...> В январе 37-го она явилась мне, предупредила, что меня ждет «страшное»: болезнь моя, июль. Или: Мы голодные, в морозы полуодетые бродим, бродим по крымским дебрям, тычась из города в город, от порога к порогу, устрашаемые требованием пропусков, не имея крова и хлеба, мы ищем своего права, мы отыскиваем след сына...*

Языковые единицы **солнце, небо, воздух, заря, утро, жар, зной**, напротив, образуют ассоциативный ряд, логико-семантически связанный с жизненной энергией и представленный эпитетами *светлое* (небо), *раннее* (солнце, но в то же время – *заходящее*), *свежий, острый, новый какой-то* (воздух), словосочетаниями *в грудь, – небом!*, *жаром пышит <...> от голубого блеска... в глазах и в небе, и как же люблю – воздух хлебных полей*, сопоставлениями неба и моря, предикативными сочетаниями *как все молодо, как все свежее-сильно, как бьется-играет жизнью* и *воздух какой*, восклицательными знаками. Автор фантазирует о конных прогулках, дремоте в стогу с «Олелькой-девуленькой» (О. А. Бредиус-Субботиной) в крымских геоусловиях (*Хоть месяц с тобой, у моря, на Юге... какие утра, в Крыму!*), мечтает о возвращении в щедрый на тепло и мягкий средиземноморский климат Юга России (*Ольгунка, верхом в горы бы... на заре... утро на высоте Демерджи <...> и все, мечтаю о чем, что влечет, манит и искушает сладко... – все ты, и во всем ты...*). Амбивалентность в восприятии природного мира свидетельствует о болезненно трагическом переживании И. С. Шмелёвым распада-разрушения страны и семейной жизни и в то же время стремлении к преодолению этого переживания.

3. Заключение

Изучение представленного в письмах И. С. Шмелёва субполя «Физическая география Крыма» показывает, что авторское ассоциативно-эмотивное восприятие полуострова вербализуется в дискурсивных знаках *Крым / дер Крым / der Krim, Феодосия, Симферополь, Алушта, море, город, кипарис, ночь, Ялта, дом / домик, камень, небо, сад, собака / собачка, яблоко*. Выявленные наиболее значимые эксплицированные когнитивно-прагматические признаки ядерных лексем свидетельствуют о том, что рефлексия природно-географических особенностей носит противоречивый характер, приобретая мифологическую амбивалентность: Крым воспринимается автором как место «первозданного рая» и ада с его бесконечно повторяющимися мучениями. Анализ смантики, синтагматики и символики единиц лексико-семантического субполя позволяет интерпретировать культурные смыслы дискурса на основе субъективных переживаний боли из-за утраты сына, разрушения Отечества и бесприютного изгнания, а также надежды на возвращение на Родину. Ср.: *Крым – страдание; но это страдание связано с самым дорогим в жизни*.

Примечания

1. И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. Т. 1 / предисл., подгот. текста и коммент. О. В. Лексиной, С. А. Мартьяновой, Л. В. Хачатурян. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 760 с.; И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. Т. 2 / предисл., подгот. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартьяновой, Л. В. Хачатурян. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 856 с.; *Шмелев И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 1 / предисл., подгот. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартьяновой, Л. В. Хачатурян. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 792 с.; Шмелев И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 2 / предисл., подгот. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартьяновой, Л. В. Хачатурян. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 1096 с.; Письма И. С. Шмелёва А. В. Луначарскому и В. В. Вересаеву // Шмелёв И. С. Солнце мертвых. М. : Изд-во «Согласие», 2000. URL: http://www.azlib.ru/s/shmelew_i_s/text_0130.shtml; Шмелёв И. С. «Я всегда жил сердцем...»: Письма Раисе и Людмиле Земмеринг // Новый мир. 2004. № 11. URL: http://www.azlib.ru/s/shmelew_i_s/text_0090.shtml; Письма И. С. Шмелева доктору С.М. Серову. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/21-Belevtseva.php>*

2. См. подробнее: *Алефиренко Н. Ф., Корина Н. Б.* Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра (Словакия) : Университет им. Константина философа, 2011. 215 с.; *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов : ТГУ, 2014. 236 с.; *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. 208 с.; *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М. : Восток – Запад, 2007. 314 с.; *Воронова Е. В.* Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917–1939 гг. (на материале мемуаристики) : дис. ... канд. культурологии. Киров : ВятГГУ, 2007. 171 с.; *Воронова Е. В.* Семантический потенциал, символика и функционирование единиц лексико-семантической группы «Социальная инфраструктура Крыма» в документально-художественном дискурсе И. Н. Кнорринг // Вестник ВятГУ. 2016. № 8. С. 75–80; *Воронова Е. В.* Лексико-семантическая группа номинаций чувств и эмоций российской эмиграции в период «Крымского исхода» (на материале дневников И. Н. Кнорринг) // Научное периодическое издание IN SITU. 2016. № 9. С. 18–24; *Воронова Е. В.* Метафорическое и символическое наполнение лексем лексико-семантической группы «флора и фауна Крыма» в идиолекте И. Н. Кнорринг // Инновационная наука. 2016. № 10. С. 89–95; *Воронова Е. В.* Лингвокультурологическая характеристика лексико-семантического субполя «военно-политические аспекты Крыма» (на материале дневников И. Н. Кнорринг) // Научное периодическое издание CETERIS PARIBUS. 2016. № 8. С. 30–35; *Воронова Е. В.* Лингвистический анализ стихотворения Ирины Кнорринг «Мотив» // «Общество, наука, инновации»: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Киров : Изд-во ФГБОУ ВО ВятГУ, 2016.

3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.

Notes

1. *I. S. SHmelev i O. A. Bredius-Subbotina : roman v pis'mah : v 2 t. T. 1* – I. S. Shmelev and O. A. Bredius-Subbotina: a love affair in letters : in 2 vol. Vol. 1 / Pref., prep. text and comments O. V. Leksina, S. A. Martyanova, L. V. Khachaturyan. M. "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN). 2003. 760 p.; *I. S. SHmelev i O. A. Bredius-Subbotina : roman v pis'mah : v 2 t. T. 2* – I. S. Shmelev and O. A. Bredius-Subbotina : a love affair in letters : in 2 vol. Vol. 2 / Pref., prep. text and comments A.A. Golubkova, O. V. Leksina, S. A. Martyanova, L. V. Khachaturyan. M. "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN). 2004. 856 p.; *Shmelev I. S. Perepiska s O. A. Bredius-Subbotinoj. Neizvestnye redakcii proizvedenij* [Correspondence with O. A. Bredius-Subbotina. Unknown edition of the works]. Vol. 3 (supplementary). Pt. 1 / Pref., prep. of text and comments A. A. Golubkova, O. V. Leksina, S. A. Martyanova, L. V. Khachaturyan. M. "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN), 2005. 792 p.; *Shmelev I. S. Perepiska s O. A. Bredius-Subbotinoj. Neizvestnye redakcii proizvedenij* [Correspondence with O. A. Bredius-Subbotina. Unknown edition of the works]. Vol. 3 (supplementary). Part 2 / Pref., prep. of text and comments A. A. Golubkova, O. V. Leksina, S. A. Martyanova, L. V. Khachaturyan. M. "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN). 2006. 1096 p.; *Pis'ma I. S. SHmelyova A. V. Lunacharskomu i V. V. Veresaevu* – Letters of I. S. Shmelev to A. V. Lunacharsky and V. V. Veresaev //

Shmelev I. S. *Solnce mertvyh* [The sun of the dead]. Publishing house "Harmony". 2000. Available at: http://www.azlib.ru/s/shmelev_i_s/text_0130.shtml; Shmelev I. S. «YA vseгда zhil serdcom...»: *Pis'ma Raise i Lyudmila Zemmering* ["I have always lived my heart...": Letters to Raisa and Lyudmila Semmering] // *Novyj mir* – New world. 2004. No. 11. Available at: http://www.azlib.ru/s/shmelev_i_s/text_0090.shtml; Letters of I. S. Shmelev to Dr. S. M. Serov. Available at: <http://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/21-Belevtseva.php>

2. See more: Alefirenko N. F., Korina N. B. *Problemy kognitivnoj lingvistiki* [Problems of cognitive linguistics]. Nitra (Slovakia): University of Constantine the Philosopher. 2011. 215 p.; Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Tambov. TSU. 2014. 236 p.; Kubryakova E. S. *V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of language: Cognitive studies]. M. Znack. 2012. 208 p.; Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. M. Vostok – Zapad. 2007. 314 p.; Voronova E. V. *Mifologiya povsednevnosti v kul'ture russkoj ehмиграции 1917–1939 gg. (na materiale memuaristiki) : dis. ... kand. kul'turologii* [Mythology of everyday life in culture of Russian emigration 1917-1939 (based on the memoirs): dis. Cand. cultural studies]. Kirov. VyatSU. 2007. 171 p.; Voronova E. V. *Semanticheskij potencial, simbolika i funkcionirovanie edinic leksiko-semanticheskoy gruppy «Social'naya infrastruktura Kryma» v dokumental'no-hudozhestvennom diskurse I. N. Knorring* [Semantic potential, the symbolism and operation of the units of the lexico-semantic group "Social infrastructure of Crimea" in documentary and art discourse of I. N. Knorring] // *Vestnik VyatGU* – Herald of VyatSU. 2016, No. 8, pp. 75-80; Voronova E. V. *Leksiko-semanticheskaya gruppy nominacij chuvstv i ehmocij rossijskoj ehмиграции v period «Krymskogo iskhoda» (na materiale dnevnikov I. N. Knorring)* [Lexical-semantic group of the nominations of the feelings and emotions of the Russian emigration in the period of the "Crimean Exodus" (on the material of diaries of I. N. Knorring)] // *Nauchnoe periodicheskoe izdanie IN SITU* – Scientific periodical IN SITU. 2016, No. 9, pp. 18-24; Voronova E. V. *Metaforicheskoe i simbolicheskoe napolnenie leksem leksiko-semanticheskoy gruppy «flora i fauna Kryma» v idiolekte I. N. Knorring* [Metaphoric and symbolic content of the lexemes of the lexical-semantic group "flora and fauna of the Crimea" in the idiolect of I. N. Knorring] // *Innovacionnaya nauka* – Innovative science. 2016, No. 10, pp. 89-95; Voronova E. V. *Lingvokul'turologicheskaya harakteristika leksiko-semanticheskogo subpolya «voenno-politicheskie aspekty Kryma» (na materiale dnevnikov I. N. Knorring)* [Linguistic and cultural characteristics of the lexical-semantic subpos "military-political aspects of the Crimea" (in the diaries of I. N. The Knorring)] // *Nauchnoe periodicheskoe izdanie CETERIS PARIBUS* – Scientific periodical CETERIS PARIBUS. 2016, No. 8, pp. 30-35; Voronova E. V. *Lingvisticheskij analiz stihotvoreniya Iriny Knorring «Motiv»* [Linguistic analysis of poems by Irina Knorring "Motif"] // *Obshchestvo, nauka, innovacii: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. – "Society, science, innovations": materials of All-Russia scientific-pract. conf.* Kirov: Publishing house of VyatSU. 2016.

3. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. M. Russian dictionaries. 1996. 416 p.

УДК 81' 373

Е. В. Воронова

Парадигматика и синтагматика лексико-семантической группы наименований социально-экономических и историко-культурных особенностей Крыма в эпистолярном наследии И. С. Шмелёва*

В статье осуществлён когнитивный подход к анализу лексико-тематической группы наименований социально-экономических и историко-культурных особенностей Крыма, объективированных в письмах эмигрировавшего из полуострова И. С. Шмелёва, с целью выявления специфики языковой концептуализации картины мира в условиях утраты Отечества. Когнитивно-семантический анализ языкового материала свидетельствует о том, что концептуальная модель места последнего пристанища автора перед бегством из страны реконструируется в лексемах *сын, глаза, Оля / Олёк, Серёжа / Серёжечка, боль, сердце*. Находясь в ядре соответствующих лексико-тематических групп, данные знаки семиотизируют ценностное содержание авторской картины мира в переломный для личности писателя момент. Исследование парадигматики и синтагматики доминантных лексем позволило интерпретировать культурные смыслы дискурса на основе сложных субъективных переживаний крушения последних надежд и изгнания с его одиночеством, бесприютностью и страхами, а также желания вернуться в «утерянный рай».

The article implemented cognitive approach to the analysis of lexical and thematic group of names of the socio-economic, historical and cultural features of the Crimea, objectified in letters of emigrated Shmelev from the Peninsula, in order to identify the specifics of the linguistic conceptualization of the world's picture in terms of loss of homeland. The Research of the paradigmatic and syntagmatic nuclear lexical elements «son», «eyes», «Olga /

© Воронова Е. В., 2016

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-34-01083/16 «Семантическое поле "Крым" в лингвокультурологическом аспекте (на материале автодокументальной прозы русской эмиграции "первой волны")».

Olyok», «Serezha / Serezhechka», «pain», «heart» allowed to interpret the cultural meanings of discourse on the basis of complex subjective experience of the wreck of the past hopes and exile with his loneliness, homelessness and fears, as well as the desire to return to «the lost paradise».

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный анализ, лексико-семантическая группа, языковая картина мира, российская эмиграция, Крым, И. С. Шмелёв.

Keywords: cognitive discourse analysis, lexical-semantic group, the linguistic view of the world, Russian emigration, the Crimea, I. S. Shmelyov.

Введение

Статья посвящена системному описанию лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) наименований социально-экономических и историко-культурных особенностей Крыма, объективированных в эпистолярном дискурсе Ивана Сергеевича Шмелёва, эмигрировавшего из охваченного Гражданской войной полуострова в 1922 г.

Исследование крымского дискурса актуально в связи с возросшим в последнее десятилетие в условиях антропоцентрической научной парадигмы интересом современного языкознания к изучению лексической репрезентации ключевых слов, формирующих языковую картину мира народа. Лингвокультурологический комментарий помогает более глубоко и системно проанализировать представления об окружающем мире, отражённые в сознании носителей языка и культуры.

Актуальность работы обусловлена также обращением к ЛСГ, представляющей собой сумму лексических репрезентантов, обозначающих Крым и реалии, с ним связанные. Данная ЛСГ представляет собой одну из ядерных групп языковой картины мира, поскольку связана с антропоцентристской семантикой, которая имеет важное значение в создании картины мира той или иной культуры.

Кроме того, проблема исследования соответствует усиливающейся потребности современного гуманитарного знания в более глубоком осмыслении феномена русского рассеяния в тех его сферах, которые не становились предметом специального анализа. Не случайно в конце XX в. лингвокультура эмиграции «приравнена в своём признании к делам государственной важности» [1].

В обозначенном контексте изучение рассматриваемого ЛСГ на основе писем отражает пристальное внимание лично-ориентированных филологии и культурологии XX – начала XXI в. к автодокументальным жанрам как «инструменту реконструкции» событий внешней и внутренней жизни человека (в связи со всё возрастающей потребностью человека в автокоммуникации).

Материал и метод

Материалом исследования является составленная методом сплошной выборки картотека лексических единиц, входящих в состав ЛСГ наименований социально-экономических и историко-культурных особенностей Крыма и функционирующих в письмах И. С. Шмелёва О. А. Бредиус-Субботиной, А. В. Луначарскому и В. В. Вересаеву, Р. и Л. Земмеринг, С. М. Серову (596 словоупотреблений) [2].

Дискурсивный анализ эпистолярного наследия выполнен в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы [3] с целью выявления специфики русской национальной ментальности в ситуации вынужденной эмиграции, рассмотрения особенностей трансформации образов полуострова в сознании российского рассеяния. Методологическая основа работы обусловлена комплексным характером исследования и опирается на описательный, типологический методы, элементы метода компонентного анализа в сочетании с полевым, приём сплошной выборки и количественно-статистического анализа.

Системная организация ЛСГ наименований социально-экономических и историко-культурных особенностей Крыма в письмах И. С. Шмелёва

В статье представлены результаты анализа языковой концептуализации фрагмента авторской картины мира в рамках ЛСГ наименований социально-экономических и историко-культурных особенностей Крыма. В исследуемом материале эта группа входит в макрополе репрезентантов концепта КРЫМ [4] наряду с объективирующими его четырьмя другими группами – ЛСГ пространства Крымского полуострова (148 лексем, или 13%), ЛСГ языковых единиц, объективирующих флору и фауну Крыма (45 лексем, или 4%), ЛСГ наименований природно-климатических особенностей Крыма (31 лексема, или 3%), ЛСГ лексем, репрезентирующая дореволюционную историю Юга России и вербализирующая события Гражданской войны на территории полуострова (285 лексем, или 26%), – и по объёму занимает центральную часть индивидуальной концептосферы автора писем (596 лексем, или 54%).

Семантико-когнитивный анализ функционирования языковых единиц в письмах И.С. Шмелёва позволил выделить в рамках исследуемой группы две лексико-тематических группы (далее – ЛТГ) субстантивов. Центр номинативного поля составляет ЛТГ номинаций повседневной культуры Крымского полуострова (509 лексем, или 85%), периферию – ЛТГ наименований сферы искусства, художественного творчества и религии Крыма (87 лексем, или 15%). Субстантивы репрезентирующей **повседневную реальность** ЛТГ содержат когнитивный признак 'относительно неизменного и привычного целесообразного мира практической деятельности, в котором правит здравый смысл' и объединяются в шесть подгрупп:

- **наименования людей по их социальной принадлежности (230) в зависимости от этнической принадлежности** (жид / жидовка / жидёнок / жидки – 6, татары – 5, крымчак / крымчак – 3, еврей – 2, армяне, греки, казак, немец, русские, цыгане – 1, а также опосредованно караим / караимка / караимочка / караимщица – 36), **близкородственных отношений** (сын – 24, семья – 8, сестра – 7, жена – 5, дети / детки / дитя – 4, отец – 3, зять – 2, двоюродный брат, дед, внук, невеста – 1), **возраста** (девушка, юноша – 3, девочка, женщины, старики – 1), **профессиональной деятельности** (полковник / пристав-полковник – 3, городской голова, доктор, красноармейцы, нач[альник] особ[ого] отд[ела] 3-й див[изии], подпоруч[ик] артиллерии, председатель Революционного трибунала армии, торгоши / торговец – 2, артист, б[ывшие] военные, горничная, губернатор, извозчик, инженер, комбриг 9-й бригады, тов. Рейман, коммунист, крупный деятель, музыканты, начальник Чека, писатель, повар-старик, покупатель, Поляков, предревком Крыма, «почетный председатель литературного отдела Комитета», предревком Алушты, Реденс, подчиненный Вс[ероссийской] ЧК, товарищи по белой борьбе, члены союза професс[ионального] – 1), **вероисповедания** (старо-верка-владимирка-ковровка, христианин – 1), **места проживания** (горожане – 1), а также лексемы Оля / Олёк – 15, Серёжа / Серёжечка – 11, Елизавета Семеновна / Лизочка, Guelelovitch (Гелелович) – 6, читатель – 5, большевики – 4, Дуван / Дуван-Торцов, Ценский – 3, люди, Саша, хозяйка / хозяин – 2, Аня, бабы, Вересаев, госпожа, друг, Карт<аше>вы, Пастаки, М[ария] Г[ермогеновна], народ, однополчанин, Островский, Рустик, человек, Юлия, мать Ивика – 1;

- **наименования тела и телесных практик (74):** глаза – 22, сердце – 10, голова, зубы, язва – 4, губы / губы-рты, дыхание – 3, горло, грудь, ножка, плечо, протез, тело, щека – 2, волосок, живот, молочные (зубы), пиджак, похоть, предплечье, прически «а l'ange», серьги, уши, фрак-рвань – 1;

- **названия еды** (хлеб / хлебец – 7, вареники, молоко / молочко, пирожок / пирожки с вишнями – 2, аромат, барашек, белый ситный, бефстекс, борщ, варенье, виноград, еда, кисель, коврига, колбаса, кусок ветчины, кусочек, лепёха, лепёшка из отрубей, масло, мирабель, морковь, мука, обед, паёк, «пти-сюис» (крем), рис, сало, сок, творог, торты, фисташковые кремы, чебурек, чуреки, шашлык – 1) **и индустрий питания** (кафейня, кондитерская, магазин, ресторан, «русская лавочка» – 1) (49);

- **номинации вещей и повседневно-бытовых объектов (18):** бумага, вывеска-полотнище, грузовики, «деньги», наган и браунинг, нож, одеяло, папье-маше, пенсия, подвал, прах, рвань, ржавчина, «Студия ритмического танца – дунканизм», тюрьма, ямы мостовой, 8 фитилей масляных на жестяной крышечке – 1;

- **номинации событийного ряда повседневной жизни и поведения и каждодневных реалий (94):** кровь, трупы – 5, работа – 4, расстрел – 3, гибель, дело сына, казнь-убой, камень в почках, напев, посл[едние] дни жизни, след сына, смерть, страх – 2, без света, «бесовские бойни», болезнь, брюшной тиф, вагон писателей, возвращение в Москву, в Крым, возможность работать как смогу, ворчание, «дорожная сума», «духовная слепота», желтуха, завтраки, заработок от чтений рассказов, от издания библиотеки, с гонорара, за очерки в газетах, жажда писать, истечения гноя, капкан, качание, конвульсии, конец жизни, кровь в глазу, кровью (плевал), мандаты, мученик, музыка, мытарства, нагоняй, несчастье, нехватка, нужда, обыск, останки, пепелище, Пляска смерти, полутрупы, попытки узнать, посл[едний] путь, правда, право, праздничек, прах, приговор, перспектива, пропуск, Пурим, работа, рецидив в болезни глаза, ритм – танец – «дунканизм», слабости перед предстоящими трудностями, Совокупление Смерти... с Чумой, Соитие на трупах, справка, танго, телеграфный запрос из центра о деле сына, утраты, ужас, утраченное, холод, чудо, шёпот – 1;

- **названия эмоционально-чувственных переживаний обыденных фактов и бытовых обстоятельств (44):** боль – 13, страсть – 5, горе, любовь, надежда, страдание, тревоги – 2, болевые токи, голод, горе, изжога, истома, красота, нега, «оцепенение», похоть, потоп кислотой, свертывание, сверх-омержение, спазм, страсть, тоска, тошнота – 1.

Семантическое поле ядерных лексем *сын, Оля / Олёк, Серёжа / Серёжечка* включает признаки 'совершенное воплощение мечты, лучший образец, идеально-желаемое, ценностно значимое, самое чистое, светлое, дорогое, любимое и родное'. Когнитивная семантика языковых единиц связана с описанием внутренних качеств (*О, какой это был мальчик! Святой, весь – любовь*), внешности (*У Серёжи – светлые, чудесные глаза*), поступков (*Моя Оля, мой Олёк, амазонкой, впервые севшая в дамское седло, но – как! Были удивлены татары-наездники. Наследственность сказала! Сперва, перед посадкой, татарин говорил ей: «Сыди, как свэчка... лошадь умней тэбя!» А потом – «зачим обманул – не ездил! сами лучши амазан, много ездил... плут ты, синие глаза...»*), с прямыми авторскими оценками (*самое дорогое, единственный – 2, невинный, больной, светлый, чистый*) и объективирована с помощью определений (*глаза с «вечно женственной» прелестью, и жизнью*), развёрнутых непредикативных и предикативных сочетаний (*ах, какой он был! Или: Как только вошел – в комнату теплую! повесил фото – крымское – моих отшедших и твою «головку». И поставил кивотик с Божьей Матерью – Олин. Её благословение отца*), восклицательных знаков, многоточий и тире, эмоциональных междометий, выражающих восхищение и восторг (*ах, о*), притяжательных местоимений (*мой – 5, наш*), уменьшительно-ласкательных суффиксов (*-ечк, ср.: Серёжечка*), суффиксов субъективной оценки, привносящих эмоционально-модальный оттенок 'ласки, теплоты, симпатии, любви, дружбы' (*-ёк, ср.: Олёк*) и не поддающихся чёткой дифференциации словообразовательных моделей построения антропонимов, которые, судя по контексту, содержат смысловую нагрузку 'близкие, доверительные отношения' (*Сержик*). Охваченный Гражданской войной Крым для автора – это пространственно-временной континуум «первоначального рая», в котором сосредоточен смысл жизни, лучшее, что, по мнению писателя, было в его жизни и в нём самом.

В то же время когнитивными признаками в субъективной интерпретации образа сына и жены в крымский период являются у И. С. Шмелёва коннотативные семы 'болезненная жестокая утрата и мучительные страдания'. Описывая Сергея и Ольгу, автор воссоздаёт мифологическую ситуацию крушения «рая», его потери, гибели ценностно значимого мира. Семантическое поле вербализуется с помощью приёма недоговорённости (*В Крыму, когда убили Сержика, такое было...*), предикативных словосочетаний со значением эмоционального, нравственного, физического истощения (*...Когда вернулись из Крыма, и уже не было нашего Серёжечки... – мы были раздавлены... у Оли – она не знала! – теплилась надежда, – м. б. Серёжечке удалось спастись? м. б. он за границей? Или: ...И до сего дня болит моя душа, и до последнего дня жизни Оли болела ее душа и сердце*). Автор часто использует лексемы разных грамматических классов, объединённых содержательным основанием 'болезненное состояние, тревожность, неприкаянность, агония, страх': *раздавлен, болезнь (болит, больно, боль), такие утраты пережил, поддались слабости перед предстоящими трудностями, губит, тревоги, страдания, были убиты, скорей бы конец жизни, голод, устрашения, я в отчаянии, я погибну, помогите*. Ср., например: *...Я так привык к ласковости и нежности, и все это ушло от меня, и с какой болью! Такие утраты пережил – самое дорогое взято. Сына я потерял в Крыму... – ах, какой он был! Больно... Или: Вспоминал «оцепенение» в Крыму, во время «последних дней», часов... – нерешительность наша тогда... онемень... – как же за это заплачено!.. Страхушь – ну, повторится?! ... Не хочу думать... Скажешь – «страх»? Нет, тут больше страха... тут – мистический ужас, сверх-омерзение... Горе утраты сына проявляется в знаках физического недомогания: писатель сравнивает состояние после убийства Сергея в 1921 г. с пытками и конвульсией, ударом в сердце: *Его взяли от нас большевики и увезли. Так и не увидели больше. А нас сковали в Алуште. Это была пытка, отчаянные попытки хоть что-нибудь узнать, снести с Москвой, с Горьким, с Феодосией. Это были конвульсии. <...> И – в сердце, всего, камнем. Или: Пищу с трудом: рецидив в болезни глаза, как было тогда, в Алуште, когда мы оба, с Олей, были убиты... ждали – скорей бы конец жизни! Вот, теперь... боли, кровь в глазу. Спецификой соматической рефлексии в письмах стало то, что автор, будучи не в состоянии преодолеть болезненное состояние, начинает придавать лично значимые смыслы нездоровью, семиотизировать его и преодолевать в мифологической идее жертвенных, искупающих, воскрешающих мук Христа. Ср.: ...Священнейшие останки – вывочены «для позорища», там люд ловит у потерявшего рассудок, убитого человека, русского Иова, ведущего тяжбу о всех и за вся... ловит тень упования, ловит дыханье... – даст дышать, или нет?.. сойдет на него? Услышит ли?.. Я САМ ЭТО ВИДЕЛ!.. о, ч... ! Я все видел, и по Крыму, и вокруг Москвы, и – в пути... я кровью купил ВСЁ, весь свой опыт... – и отдавал, – и отдаю – честному читателю... (не родному лишь, а всякому!) (сколько плотин ставили и сколько угроз было!) – а мне – легкодушно, безоглядной безответственно... о святом-то нашем, о серди, е-то наше м...**

Интересным является акцентирование И. С. Шмелёвым в описательно-повествовательных фрагментах писем идеи распятия невинно осуждённого сына: автор использует атрибутивные характеристики *невинный, чистый, светлый, святой*, семантически связанные с образом Сына Божиего; подчёркивает страдательными конструкциями жертвенность казнённого: *В декабре [19]18 г. мобили-*

зация захватила сына, и он подневольно попал в армию крымск[ого] прав[ительств]ва как бывш[ий] подпоруч[ик] артиллерии. Период крымского лихолетья уподобляется Голгофе. Месяц в тюремном подвале – предсмертным мучениям Христа. Обстоятельства казни свидетельствуют о мессианском предназначении единственного сына, укрепляют в сознании измученного отца идеальное представление о Сергее как о Мессии.

Стоит отметить, что контекстуальные экспликации ядерных лексем содержат также семы, формирующие образ Крыма как иллюзорного, перевёрнутого, обманывающего, расставляющего ловушки полуострова. Автор в словосочетаниях *не всегда надо слушать, инстинкт ошибочно выдает себя, инстинкт губит самое дорогое нам, поддались слабости перед предстоящими трудностями, не могу простить себе этого «голоса» и этого подчинения вражескому во мне* отражает негативную оценку собственной роковой ошибки, повлёкшей смерть сына. Ср.: *Так, в Крыму, мы послушались этого «голоса», поддались слабости перед предстоящими трудностями, остались с Серезжечкой в Алуште, – а могли же, могли же уехать! – и потеряли его. <...> До сего дня болит моя душа, и до последнего дня жизни Оли болела её душа и сердце.*

Лексемы ближней периферии рассматриваемой группы – *сердце, семья, сестра, хлеб / хлебец, жена, Елизавета Семеновна / Лизочка, Guelelovitch (Гелелович), жид / жидовка / жидёнок / жидки, кровь, татары, трупы, читатель, дети / детки / дитя, большевики, голова, зубы, работа, язва* – актуализируют в основном образ страшного по своей жестокости места расчеловечивания, убийств, голода, бытовой неустроенности и смерти. Разрушение коммуникаций людей ярко объективировано в языковых единицах *жид / жидовки / жидёнок / жидки*. Конструирование семантического поля данных единиц осуществляется на лексическом уровне: писатель чаще употребляет не стилистически нейтральное слово *еврей*, а его синоним, имеющий сниженную, негативную коннотативную окраску, – этноним-инвективу *жид*. На деривационном уровне авторское отношение репрезентируется с помощью суффикса *-овк(а)*, который в дореволюционном языке служил для образования слов с пренебрежительным оттенком (*воровка, мотовка, чертовка, хрычовка, плутовка*) [5]. Особое место в семантической организации лексемы играет приём контраста: писатель противопоставляет *жидов* другим этносам полуострова: *И кругом – полутрупы: татары, цыгане, армяне, греки, русские... – ни одного жида*. Сытые, торжествующие победу «хозяева» резко контрастируют с голодающими беззащитными женщинами и детьми; автором актуализируется традиционный мотив преодоления в себе человека через допущение возможности переступить через ребёнка: *...Жидовки, с наганами и браунингами на лаковом поясе – бегали, зажимая уши от воя баб (с грудными и подручными детьми), кричавших: «дай-те же хлебца деткам... погибаем... молочка дитю... у меня кровью пошло-о... Что ж нам, в помойке их топить... в море кидать?» Жидовки, бегая, – в истеричном виде, – вопят: «у нас нет вам хлеба! кидайте... куда хотите!»* Интересно использование приёма противопоставления в таком функционально-смысловом типе, как описание-характеристика «Пурима» (еврейского праздника в честь истребления врагов) в «Студии ритмического танца – дунканизм» в бывшей лучшей кондитерской Симферополя. И. С. Шмелёв создаёт язвительно-обличающий образ соития представителей еврейской национальности на трупах с помощью непредикативных словосочетаний с семантикой ‘порочности’ (*качание томное, спаривание страстное, пары в туниках, голоногие, голорукие, упитанные розовые лица, полные плечи, розоватые предплечья, томятся в качающем-страстном танце, губастые юноши!, в лицах по-хоть!, влажные, сытые глаза, выпуклые большей частью влажные губы, губы-рты жу-ют!, запихивают до растопыренных ушей всё, всё жуёт-поёт телом пухлым, льнет друг к другу, прилипает, плывет, покачивается*), противительных предложений (*А кругом, под окнами – издыхают*), индивидуально-авторских маркеров *danse macabre [пляска смерти (фр.)], Соккупление Смерти... с Чумой*. Ср.: *Соитие на трупах (всех: русских, татарских, армянских...) Тогда вечерами громыхали грузовики – полные трупов, и на ямах мостовой – эти трупы подскакивали, вздымались плечи, головы, руки... – и падали. Тоже – и ребят – грудями, как мерзлых поросят – возили. В шмелёвской интерпретации лексема *жид* становится символом победивших дьявольских, разрушительных сил (*Жиды – служили Советам. <...> «теперь они хозяева»*), уничтожающих и истребляющих красоту мира, свет, добро, любовь, мир: *NB – убил Серезжу еврей, начальник Чека... фамилия Островский (псевдоним?), из Никополя!**

Смысловый блок репрезентации крымского лихолетья дополняется семантическими компонентами – описательно-повествовательными фрагментами о каждодневных реалиях и эмоционально-чувственных переживаниях, объединённых грамматически и значением ‘гибель, гнёт, тягость, утрата, отчаяние, страх, тревога, жестокость’: *кровь, трупы, расстрел, гибель, казнь-убой, посл[едние] дни жизни, смерть, страх, без света, «бесовские бойни», болезнь, капкан, конвульсии, конец жизни, мученик, мытарства, нагоняй, несчастье, нехватка, нужда, обыск, останки, пепелище, полутрупы, посл[едний] путь, прах, утраты, ужас, утраченное, холод, боль, горе, страдание, трево-*

ги, болевые токи, голод, горе, изжога, «оцепенение», потоп кислотой, сверление, сверх-омерзение, спазм, тоска, тошнота. Ср.: *А гибель была неминуема: от смерти меня отделяло лишь время на проход от Алушты до Ялты. Я был уже приговорен к расстрелу, это делалось автоматически. Или: Голод. На тротуарах – всюду – умирающие, истощенные... дети, женщины, старики, всякие. Работы нет. Большевики уже 2-ой год. Даже трупы. Собак – нет (съели!), ни кошек.*

Стоит отметить, что семантическое и концептуальное пространство писем рассматриваемой группы формируется и **ЛТГ наименований сферы искусства, художественного творчества и религии Крыма**. Группа субстантивов, репрезентирующая сферу искусства и творчества в Крыму, представлена такими лексемами: *письмо, «Солнце мёртвых» – 7, «Под горами» – 5, издание, «Неупиваемая чаша», танец – 3, библиотека, Дунканизм, «Каменный век», «Ли-и-бе ин дер Крым», «Любовь в Крыму», музыкант, музыка, писатель, перевод, «Энциклопедия Крыма» – 2, «Виноград», гонорар, Горький, Евангелие, «Знамя», картина, квартет, Коран, мотив, название, обложка, олеография, «Отчизна», очерк, «Пляска смерти», повесть, подлинник, почта, право, проба, рассказ, реклама, «Росстани», сборник, страничка, студия, танго, театр, том, Тренев, туника, «Ферма», фольклор, фрак, экземпляр, Чехов, читатели, чтение, шутка – 1 (87). Несмотря на болезненное переживание краха надежд на возвращение в «рай первозданный» (дооктябрьскую Россию) и обусловленную этим мифосемиотизацию Крыма как аномального пространства, И. С. Шмелёв пытается преодолеть трагедию времени. Формами, дававшими возможность «выйти» из реальности к «прекрасным мирам», становятся художественное творчество и религия. Интеллектуально-культурная жизнь Крыма, несмотря на военные события, позволяла пережить ужас разрухи, обрести надежду и веру в жизнь и остаться человеком в Крыму 1918–1920-х гг. Ср.: *Всегда с тех пор, – если была церковь, мы были в церкви. Молились о... будто живом еще! Или: Жили на скудный заработок от чтений в Алуште моих рассказов (за эти 2 1/2 г. я не переезжал черты города), от издания дешев[ой] библиотеки, с гонорара за «Неупиваемую чашу» в сборнике «Отчизна», за редкие очерки в неофициальных газетах, едва живших. За эти 2 1/2 г. я не пошел ни на какую службу, ни к какому правит[ельств]ву, желая быть свободным. И был свободным.**

Заключение

Изучение парадигматики и синтагматики ЛСГ наименований социально-экономических и историко-культурных особенностей Крыма в эпистолярном дискурсе И. С. Шмелёва позволяет сделать следующие выводы:

1. Концептуальная модель социально-культурного мира Крымского полуострова в период Гражданской войны вербализирована в лексемах-доминантах *сын, Оля / Олёк, Серёжа / Серёжечка, письмо, «Солнце мёртвых»* – номинациях повседневной культуры Крымского полуострова и наименованиях сферы искусства, художественного творчества и религии Крыма.

2. Выявленные лингвосемиотические характеристики ядерных лексем свидетельствуют об амбивалентном отношении автора к полуострову. Крым для И. С. Шмелёва – идеально-желаемое место «первозданного рая», творчества, любви и свободы, жизни жены Ольги и сына Сергея. В то же время полуостров – «ад», пространственно-временной континуум крушения надежд, пыток, утраты, жестокого умерщвления, страданий и смерти. Крым становится местом последних дней жизни единственного сына и существования России и местом гибели всего этого с последующим изгнанием с его бесприютностью, одиночеством и неприкаянностью. Ср.: *В Москву не еду, не могу ехать. Не могу оторваться от той земли, где жил с мальчиком посл[едние] дни его жизни, уйти из того угла, который заставил своей волей мой мальчик меня иметь.*

Рекомендации

Материалы статьи могут быть полезны в практическом плане для филологов, культурологов, историков и других специалистов, изучающих лингвокультуру русской эмиграции. Результаты исследования могут использоваться в лекционных курсах по лексикологии русского языка и лингвокультурологии, в современной лексикографической практике.

С учетом полученных наблюдений можно выделить ряд научных проблем и перспективных направлений, требующих дальнейшего рассмотрения: построение иерархической структуры ЛСП «Крым» в автодокументах И. С. Шмелёва; анализ особенностей функционирования, парадигматических, синтагматических и деривационных связей лексических единиц ЛСГ географических номинаций Крымского полуострова и ЛСГ, объективирующей историю Крыма, в эмигрантских мемуарах, дневниках и письмах; рассмотрение динамики развития концепта КРЫМ, изменения его понятийного объёма; изучение соотношения состава и структуры поля с «глубинными целевыми установками» писателя-эмигранта, рассмотрение семантического поля как фрагмента авторской картины мира.

Примечания

1. Толстой И. Культура русского изгнания приравнена в своем признании к делам государственной важности // Радио «Свобода». URL: http://archive.svoboda.org/archive/ll_cult/0101/ll.011801-2.asp
2. И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. Т. 1 / предисл., подгот. текста и коммент. О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 760 с.; И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина : роман в письмах : в 2 т. Т. 2 / предисл., подгот. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 856 с.; Шмелев И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 1 / предисл., подгот. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 792 с.; Шмелев И. С. Переписка с О. А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (дополнительный). Ч. 2 / предисл., подгот. текста и коммент. А. А. Голубковой, О. В. Лексиной, С. А. Мартыановой, Л. В. Хачатурян. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 1096 с.; Письма И. С. Шмелева А. В. Луначарскому и В. В. Вересаеву // Шмелёв И. С. Солнце мертвых. М.: Изд-во «Согласие», 2000. URL: http://www.azlib.ru/s/shmelew_i_s/text_0130.shtml; Шмелёв И. С. «Я всегда жил сердцем...»: Письма Раисе и Людмиле Земмеринг // Новый мир. 2004. № 11. URL: http://www.azlib.ru/s/shmelew_i_s/text_0090.shtml; Письма И. С. Шмелева доктору С.М. Серову. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/21-Belevtseva.php>
3. Алефиренко Н. Ф., Корина Н. Б. Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра (Словакия) : Университет им. Константина философа, 2011. 215 с.; Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов : ТГУ, 2014. 236 с.; Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. 208 с.
4. Воронова Е. В. Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917–1939 гг. (на материале мемуаристики) : дис. ... канд. культурологии. Киров : ВятГУ, 2007. 171 с.; Воронова Е. В. Семантический потенциал, символика и функционирование единиц лексико-семантической группы «Социальная инфраструктура Крыма» в документально-художественном дискурсе И. Н. Кнорринг // Вестник ВятГУ. 2016. № 8. С. 75–80; Воронова Е. В. Лексико-семантическая группа номинаций чувств и эмоций российской эмиграции в период «Крымского исхода» (на материале дневников И. Н. Кнорринг) // Научное периодическое издание IN SITU. 2016. № 9. С. 18–24; Воронова Е. В. Метафорическое и символическое наполнение лексем лексико-семантической группы «флора и фауна Крыма» в идиолекте И. Н. Кнорринг // Инновационная наука. 2016. № 10. С. 89–95; Воронова Е. В. Лингвокультурологическая характеристика лексико-семантического субполя «военно-политические аспекты Крыма» (на материале дневников И. Н. Кнорринг) // Научное периодическое издание CETERIS PARIBUS. 2016. № 8. С. 30–35; Воронова Е. В. Лингвистический анализ стихотворения Ирины Кнорринг «Мотив» // «Общество, наука, инновации» : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Киров : Изд-во ФГБОУ ВО ВятГУ, 2016.
5. Виноградов В. В. Русский язык. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?p=5310&0a0=3>

Notes

1. Tolstoy I. *Kul'tura russkogo izgnaniya priravnena v svoem priznanii k delam gosudarstvennoj vazhnosti* [Culture of the Russian exile is equated in his confession to the matters of state] // *Radio «Svoboda» – Radio "Liberty"*. Available at: http://archive.svoboda.org/archive/ll_cult/0101/ll.011801-2.asp
2. I. S. *SHmelev i O. A. Bredius-Subbotina : roman v pis'mah : v 2 t. T. 1* – I. S. Shmelev and O. A. Bredius-Subbotina: a love story in letters: in 2 vol. Vol. 1 / Pref., prep. of text and comments O. V. Leksina, S. A. Martyanova, L. V. Khachaturyan. M. "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN). 2003. 760 p.; I. S. *SHmelev i O. A. Bredius-Subbotina : roman v pis'mah : v 2 t. T. 1* – I. S. Shmelev and O. A. Bredius-Subbotina: a love story in letters: in 2 vol. Vol. 1 / Pref., prep. of text and comments A. A. Golubkova, O. V. Leksina, S. A. Martyanova, L. V. Khachaturyan. M. "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN). 2004. 856 p.; Shmelev I. S. *Perepiska s O. A. Bredius-Subbotinoy. Neizvestnye redakcii proizvedenij* [Correspondence with O. A. Bredius-Subbotina. Unknown edition of the works]. Vol. 3 (supplementary). Pt. 1 / Pref., prep. of text and comments A. A. Golubkova, O. V. Leksina, S. A. Martyanova, L. V. Khachaturyan. M. "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN). 2005. 792 p.; Shmelev I. S. *Perepiska s O. A. Bredius-Subbotinoy. Neizvestnye redakcii proizvedenij* [Correspondence with O. A. Bredius-Subbotina. Unknown edition of the works]. Vol. 3 (supplementary). Part 2 / Pref., prep. of text and comments A. A. Golubkova, O. V. Leksina, S. A. Martyanova, L. V. Khachaturyan. M. "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN). 2006. 1096 p.; *Pis'ma I. S. SHmelyova A. V. Lunacharskomu i V. V. Veresaevu* – Letters of I. S. Shmelev to A. V. Lunacharsky and V. V. Veresaev // Shmelev I. S. *Solnce mertvyh* [The sun of the dead]. M. Publishing house "Soglasie". 2000. Available at: http://www.azlib.ru/s/shmelew_i_s/text_0130.shtml; Shmelev I. S. «YA vseгда zhil serdcom...»: *Pis'ma Raise i Lyudmila Zemmering* ["I have always lived my heart...": Letters to Raisa and Lyudmila Semmering] // *Novyj mir* – New world. 2004, No. 11. Available at: http://www.azlib.ru/s/shmelew_i_s/text_0090.shtml; *Pis'ma I. S. SHmeleva doktoru S.M. Serovu* – Letters of I. S. Shmelev to Dr. S. M. Serov. Available at: <http://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/21-Belevtseva.php>
3. Alefirenko N. F., Korina N. B. *Problemy kognitivnoj lingvistiki* [Problems of cognitive linguistics]. Nitra (Slovakia). University of Constantine the Philosopher. 2011. 215 p.; Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]. Tambov. TSU. 2014. 236 p.; Kubryakova E. S. *V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of language: cognitive studies]. M. Znak. 2012. 208 p..

4. Voronova E. V. *Mifologiya povsednevnosti v kul'ture russkoj ehмиграции 1917–1939 gg. (na materiale memoiristiki) : dis. ... kand. Kul'turologii* [Mythology of everyday life in culture of Russian emigration 1917-1939 gg (based on the memoirs): dis. Cand. cultural studies]. Kirov. VyatSU. 2007. 171 p.; Voronova E. V. *Semanticheskij potencial, simbolika i funkcionirovanie edinic leksiko-semanticheskoi gruppy «Social'naya infrastruktura Kryma» v dokumental'no-hudozhestvennom diskurse I. N. Knorring* [Semantic potential, the symbolism and operation of the units of the lexico-semantic group "Social infrastructure of Crimea" in documentary and art discourse of I. N. Knorring] // *Vestnik VyatGU – Herald of VyatSU*. 2016, No. 8, pp. 75-80; Voronova E. V. *Leksiko-semanticheskaya gruppy nominacij chuvstv i ehmocij rossijskoj ehмиграции v period «Krymskogo iskhoda» (na materiale dnevnikov I. N. Knorring)* [Lexical-semantic group of the nominations of the feelings and emotions of the Russian emigration in the period of the "Crimean Exodus" (on the material of diaries of I. N. Knorring)] // *Nauchnoe periodicheskoe izdanie IN SITU – Scientific periodical IN SITU*. 2016, No. 9, pp. 18-24; Voronova E. V. *Metaforicheskoe i simbolicheskoe napolnenie leksem leksiko-semanticheskoi gruppy «flora i fauna Kryma» v idiolekte I. N. Knorring* [Metaphoric and symbolic content of the lexemes of the lexical-semantic group "flora and fauna of the Crimea" in the idiolect of I. N. Knorring] // *Innovacionnaya nauka – Innovative science*. 2016, No. 10. pp. 89-95; Voronova E. V. *Lingvokul'turologicheskaya harakteristika leksiko-semanticheskogo subpolya «voenno-politicheskie aspekty Kryma» (na materiale dnevnikov I. N. Knorring)* [Linguistic and cultural characteristics of the lexical-semantic subpos "military-political aspects of the Crimea" (in the diaries of I. N. Knorring)] // *Nauchnoe periodicheskoe izdanie CETERIS PARIBUS – Scientific periodical CETERIS PARIBUS*. 2016, No. 8, pp. 30-35; Voronova E. V. *Lingvisticheskij analiz stihotvoreniya Iriny Knorring «Motiv»* [Linguistic analysis of poems by Irina Knorring "Motif"] // *«Obshchestvo, nauka, innovacii» : sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. – "Society, science, innovations": materials of All-Russia scientific-pract. conf.* Kirov. Publishing house of VyatSU. 2016.

5. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk* [Russian language]. Available at: <http://slovari.ru/default.aspx?p=5310&0a0=3>

УДК 811.111-26

Н. А. Карачева

Словесно-изобразительные средства создания образа Цезаря в пьесе Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра» как предмет общепилологического анализа

В статье рассматриваются словесно-изобразительные средства создания образа Гая Юлия Цезаря в пьесе Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра» с позиций общепилологического подхода к анализу текста. В работе показано, как тесно взаимосвязаны авторская идея и индивидуальный стиль. Изучение текста проводится на всех уровнях языковой организации (фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом). Особое внимание уделяется вертикальному контексту. Утверждается необходимость комплексного подхода к исследованию художественного текста, который позволяет не только изучить средства и способы создания образа персонажа, но и выявить цель обращения драматурга к прототипу, определить, какими вымышленными чертами он наделил персонажа, а также в чем состоит сходство и различие прототипа и персонажа. Доказывается, что изучение текста с привлечением смежных областей филологической науки является наиболее продуктивным методом исследования, позволяющим синтезировать собственно языковой анализ с эстетической оценкой и интерпретацией художественного образа. Значимым представляется и то, что в статье впервые проводится общепилологический анализ текста на материале драматургического произведения, которому на настоящий момент развития филологической науки уделяется мало внимания.

The article discloses verbal means of creating the image of Gaius Julius Caesar in the famous play «Caesar and Cleopatra» by B. Shaw on the basis of philological approach to text study. The paper aims at revealing the interrelation between the author's idea and individual style. The study is performed on all the levels of stylistic study (phonetical, morphological, lexical and syntactical). Special attention is paid to the vertical context of the drama under the analysis. The fictional features of the image dramatized by B. Shaw in the play are displayed. The differences and the similarities between the image and his prototype are indicated, the purpose of addressing to the image of G. J. Caesar by the dramatist is revealed. It is being proved that the study of text involving related areas of linguistic science is the most productive method of research to synthesize the actual language analysis, aesthetic evaluation and interpretation of the artistic image. It seems significant that the article was first held general philological analysis of the text on a material of dramatic work that has received little attention during present the development of linguistic science.

Ключевые слова: языковые и стилистические средства языка, общепилологический анализ, Б. Шоу, Цезарь.

Keywords: language means, stylistic devices, overall philological approach, B. Shaw, Caesar.

Художественный «образ» воплощает диалектическое единство идеи и формы, формы и содержания. Это есть язык искусства и, одновременно, его высказывание [1]. Именно образ, выступающий в роли надтекстового образования, является центральным понятием в триаде «идея – образ – язык», так как все тропы и фигуры речи вовлекаются в литературное произведение глобальным замыслом автора.

Изучение образа персонажа как одного из компонентов того единства, которое представляет форма и содержание, доказывает продуктивность общефилологического подхода к анализу литературно-художественного произведения. Общефилологический подход призван расширить рамки лингвистического анализа текста и не может не предполагать эстетической оценки образа в реализации художественного замысла того или иного автора.

Применение данного подхода обусловлено тем, что литературоведческий анализ подчас не вторгается в языковую ткань художественного текста, в то время как лингвистический анализ не всегда затрагивает эстетические свойства произведения и понимание авторской интенции [2].

Общефилологический подход к анализу художественного текста успешно разрабатывается в рамках научной школы Е. Б. Борисовой [3] и ее учеников: Г. В. Борисовой [4], О. О. Кандрашкиной [5], Л. В. Палойко [6] и Н. Ю. Гончаровой [7]. В работах упомянутых исследователей значимыми становятся не только языковые, но и содержательные слагаемые художественного образа, интерпретация языковых фактов с привлечением социолингвистики, гендерной лингвистики, лингвокультурологии и литературоведения.

Суть общефилологического анализа текста состоит в том, что он объединяет данные смежных областей филологической науки, основываясь на лингвостилистике и лингвопоэтике [8]. Такой подход позволяет выявить наиболее значимые лингвостилистические средства и приёмы и объяснить, почему именно они лежат в основе целостного художественного образа, который рассматривается как носитель эстетических и культурных, социальных, политических и других взглядов писателя.

В настоящей статье предпринята попытка расширить диапазон общефилологического метода исследования, применив его на материале драматургии. Наша цель – выявить основные средства создания образа персонажа на примере образа Гая Юлия Цезаря в пьесе Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра». При этом анализ языкового материала проводится с учетом сюжетного развертывания пьесы и широкого вертикального контекста.

Автор пьесы повествует о том, как знаменитый полководец прибывает в Египет по следам политического врага Помпея в 48 г. до н. э. Цезарь приезжает в Египет с одной целью – потребовать уплаты государственного долга, который представляет собой сумму, обещанную египтянами за то, что несколько лет тому назад римляне помогли вернуть трон их царю, Птолемею XII. Герой попадает в сложную ситуацию: ему нужны средства для реорганизации армии, но фактический лидер страны, Потин, правивший от имени шестнадцатилетней Клеопатры и её брата (родных детей Птолемея XII), отказывает ему в уплате долга. Описанные исторические события необходимо знать, чтобы в полной мере понять сюжетную основу и авторскую интенцию пьесы для последующей интерпретации собственно языковых средств и стилистических приемов создания образа центрального персонажа.

В связи с приездом римского полководца египетские властители сходятся на собрание. Учитель царя, Теодот, сообщает, что Потин убит и что Цезарь может быть удовлетворён отмщением за себя. Однако герой порицает придворных:

CAESAR. Vengeance! Vengeance!! Oh, if I could stoop to vengeance, what would I not exact from you as the price of this murdered man's blood? (They shrink back, appalled and disconcerted.) Was he not my son-in-law, my ancient friend, for 20 years the master of great Rome, for 30 years the compeller of victory? Did not I, as a Roman, share his glory? Was the Fate that forced us to fight for the mastery of the world, of our making? Am I Julius Caesar, or am I a wolf, that you fling to me the grey head of the old soldier, the laurelled conqueror, the mighty Roman, treacherously struck down by this callous ruffian, and then claim my gratitude for it! (To Lucius Septimius) Begone: you fill me with horror [9].

Сожаление героя о смерти Помпея, бывшего зятя и друга, выражается с помощью междометия *oh*, восклицательных предложений и риторических вопросов. Авторская ремарка даёт нам понять, что придворные находятся в замешательстве, так как вопреки их представлениям римский завоеватель оказался милосердным человеком.

Анализ фонографических средств показал, что в высказывании героя выделяется аллитерация, основанная на повторе согласного звука [f] (*Fate, forced, fight*). Указанный прием помогает читателю почувствовать эмоциональный накал персонажа. Среди морфологических средств вы-

членяется литературное употребление лексемы *compeller*, образованной путём субстантивации глагола *compel*. Данная лексема, определяемая эпитетом, лежит в основе оригинального авторского словосочетания: *compeller of victory*. Эпитеты *laurelled*, *mighty* передают уважительное отношение Цезаря к Помпею. Семная структура лексем *struck down*, *callous* указывает на жестокость, с которой было совершено убийство. Фразовый глагол *strike down* толкуется как *if someone is struck down, especially by an illness, they are killed or severely harmed; callous – severe and cruel* [10]. На лексическом уровне, помимо эпитетов, яркой выразительностью обладает метафорическое сравнение в риторической реплике героя, в которой он отказывается ассоциировать себя с волком, – хищником, довольствующимся трупами поверженных врагов (*am I a wolf, that you fling to me the grey head of the old soldier*), и литературно-книжная лексема *begone*.

На синтаксическом уровне следует отметить предпоследнее предложение вышеприведенной реплики. Это предложение имеет структуру вопроса, но относится автором к категории побудительных предложений, благодаря чему содержание вопроса получает эмоциональную окраску. Реплика целиком строится на синтаксическом параллелизме, основанном на повторе однородных членов предложения: именных сказуемых *my son-in-law*, *my ancient friend*, *for 20 years the master of great Rome*, *for 30 years the compeller of victory* и дополнений: *the mastery of the world*, *of our making*; *the old soldier*, *the laurelled conqueror*, *the mighty Roman*.

Любопытно, что в данном фрагменте текста автор будто бы хочет проиллюстрировать слова историка Г. К. Ларсон, о том, что в «великой душе» Цезаря наряду с «честолюбием» было место и для «человеколюбия», которое «заставило бы его пощадить бывшего друга» [11].

Такое поведение героя и его настойчивое требование денежных средств стали результатом того, что египетский военачальник привел армию и Цезарь вынужден был бежать на остров Фарос. События на Фаросе вводят множество комических моментов в пьесу. Так, например, когда все римские солдаты ждут сигнала к отплытию на Фарос, Цезарь не может уехать без секретаря Британа, который куда-то пропал:

CAESAR. Tell them Caesar is coming—the rogues! (Calling) Britannicus. (This magniloquent version of his secretary's name is one of Caesar's jokes. In later years it would have meant, quite seriously and officially, Conqueror of Britain) [12].

Драматург эксплицитно указывает на то, что в Британе он воплотил такой типаж, который символизирует британского колонизатора и завоевателя. Авторский юмор передается посредством лексемы *rogue*, которая использована в значении *a man who has behaved in a way that you do not approve of, but who you nevertheless like* [13] и прилагательного *magniloquent* в значении *high-flown or bombastic* [14].

В данном отрывке текста драматург высмеивает типичное для англичан отношение к колониальным территориям (которое возникло в XVIII–XIX вв.) и мнение британцев о себе как о «просветителях», способствующих прогрессу и осознающих свою «цивилизаторскую» миссию в мире [15].

Комично и то, что в момент противостояния египтян и римлян Цезаря подзадоривает желание взглянуть на подарок Клеопатры, посланный ему на Фарос. Соплатники Цезаря недоумевают, почему он хочет потратить на это время да ещё и утверждает, что если им придется бежать, то он первым окажется у баррикады:

CAESAR...When the first Egyptian takes his first step along the mole, the alarm will sound; and we two will reach the barricade from our end before the Egyptians reach it from their end – we two, Rufio: I, the old man, and you, his biggest boy. And the old man will be there first [16].

Повтор союза *and*, словосочетания *we two*, синтаксический параллелизм (*from our end, from their end; I, the old man, you, his biggest boy*), парцеллированное высказывание (*And the old man will be there first*) передают внезапно пробудившееся осознание Цезарем своей собственной мужественно-гордой личности.

Как отмечает историк Ст. Дж. Сток, знаменитого полководца, как и многих великих людей, отличала «абсурдная самонадеянность на свою собственную удачу», вместе с тем полагая, что самоуверенность Цезаря скорее основывалась на «смелости рассудка», чем на «горячей крови» [17]. Именно таким мы и наблюдаем героя в пьесе, созданной Б. Шоу: Цезарь позволяет себе отвлечься, потому что уже рассчитал приблизительное расстояние до баррикады.

Любопытно, что после битвы у Фароса Юлий Цезарь изображается в пьесе настоящим победителем. Он не только не остался жив, но и снова занял царские чертоги, посадил на трон молодую царицу и взял бразды правления в свои руки. Однако его правление в Египте выдержало короткий срок. Полководец покидает Египет, когда узнаёт, что Клеопатра, на которую он возлагал надежды как на свою ставленицу в Египте, распорядилась убить Потина. Цезарь приходит в гнев и сообщает, что мир в Египте сохранялся лишь благодаря его милосердию:

CAESAR (turning on him and giving way to his wrath)... In this Egyptian Red Sea of blood, whose hand has held all your heads above the waves? (Turning on Cleopatra) And yet, when Caesar says to such an one, "Friend, go free," you, clinging for your little life to my sword, dare steal out and stab him in the back? And you, soldiers and gentlemen, and honest servants as you forget that you are, applaud this assassination, and say "Caesar is in the wrong." By the gods, I am tempted to open my hand and let you all sink into the flood [18].

Распространенная метафора (*Egyptian Red Sea of blood*), поддерживаемая метонимией (*whose hand held all your heads*), которая символизирует войну за престол в Египте, развивается на протяжении всего высказывания героя. Тот факт, что Цезарь называет Потина другом и любезно обращается к присутствующим (*soldiers and gentlemen, and honest servants*), свидетельствует о том, насколько Цезарь был вежлив, а риторические вопросы и цитирование скрытых мыслей присутствующих – насколько он был честен по отношению к Потину. Любопытно, что уважительное отношение Цезаря к своему врагу не раз отмечалось историками [19]. Очевидно, великий драматург Б. Шоу знал об этом факте и не преминул наделить своего героя этой чертой, которая, как видно из примера, эксплицируется через его речевую партию.

У читателя создается впечатление, что Цезарь, созданный Б. Шоу, всегда поступает справедливо. Однако в конце пьесы герой совершает возмутительный поступок. Он одобряет убийство Фтататиты, няни царицы, одним римским военачальником. По мнению царицы, ответственность за убийство должен понести сам римский полководец, который с легкостью соглашается это сделать:

CAESAR (energetically.) On my head be it, then; for it was well done. Rufio: had you set yourself in the seat of the judge, and with hateful ceremonies and appeals to the gods handed that woman over to some hired executioner to be slain before the people in the name of justice, never again would I have touched your hand without a shudder. But this was natural slaying: I feel no horror at it [20].

Из сюжета следует, что Фтататита не причинила Цезарю ни малейшего вреда, после чего его слова о милосердии расцениваются читателем не более чем наигранная любезность. Б. Шоу украшает речь своего персонажа эмоционально-насыщенным эпитетом *hateful (ceremonies)*, инверсией *never again would I have touched* фразы *I would never again have touched*, которая внезапно обрывается парцелляцией (*But this was natural slaying...*) и эксплицитным выражением чувств (*I feel no horror at it.*) Конвергенция данных выразительных средств помогает понять, что для Цезаря важнее всего оказались собственная власть и жизнь, поэтому убийство другого человека ради себя он считает допустимым.

Большое значение для понимания авторской оценки Цезаря как исторической личности имеют реплики Клеопатры в конце пьесы. Так, к примеру, в одной из них Клеопатра открыто осуждает безнравственность героя:

CLEOPATRA... All the world will now see how unjust and corrupt Caesar is [21].

Гипербола *all the world*, употребление наречия *how*, эмотивных эпитетов с отрицательной ингерентной коннотацией *unjust, corrupt*, повтор лексемы с корнем *just* в репликах героини убеждают читателей в том, что Цезарь – это личность, в которой политические амбиции, личный эгоизм и честолюбие одержали верх над милосердием.

Итак, трактовка драматургом образа Цезаря близка к трактовке большинства историков. Б. Шоу многое заимствует из истории: Цезарь у него так же хитер и ловок, как и у Плутарха [22], легок и жизнерадостен, как у Г. С. Транквилла [23], и милосерден по отношению к врагам, как у Т. Моммзена [24]. Безусловно, автор наделяет образ героя уникальными чертами. Так, он приписывает Цезарю чувство юмора и ироничное отношение к жизни.

Конвергенция разнообразных стилистических приёмов и средств, среди которых мы отметим, прежде всего, фоностилистический прием аллитерации, морфологические (субстантивация глагола и образование оригинального авторского словосочетания), лексические (повтор, эпитет, сравнение, распространенная метафора, этикетные формулы вежливости), синтаксические (инверсия, риторический вопрос, синтаксический параллелизм) употребляются тогда, когда Цезарь отстаивает принцип добродетели – ту черту, которую автор считает главной в его образе.

Особенно значимой в оценке персонажа оказывается реплика героя, в которой он признаёт свою вину за убийство невинного человека, о чем свидетельствуют эпитеты, инверсия, парцелляция и эксплицитное выражение чувств. Сильную позицию в тексте занимают и реплики Клеопатры в конце пьесы. С помощью лексического повтора, градации, гиперболы, эпитетов с отрицательной ингерентной коннотацией автор низводит с пьедестала своего непобедимого героя и демонстрирует его эгоизм.

Завершая исследование, сделаем обобщающий вывод: изучение образа персонажа с помощью общелингвистического подхода позволяет выявить не только средства и приемы создания

образа, но и саму цель написания пьесы. Автор убеждает читателей в том, что реальная власть и мудрость зиждется не на применении силы, а на проявлении человеческого милосердия и бескорыстном желании служить людям, ибо сильный всегда великодушен.

Примечания

1. Роднянская И. Б., Кожин В. В. Образ художественный // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. Т. 5. М.: Сов. энцикл., 1968. С. 363–369.
2. Борисова Е. Б. Научные предпосылки возникновения метода общепилологического анализа художественного текста // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы десятой междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. В. Вершинина. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. С. 60–65.
3. Борисова Е. Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: монография. Самара: Изд-во ПГСГА 2010. 356 с.
4. Борисова Г. В. Лингвопоэтические средства создания образов пожилых англичан в романном творчестве Р. Пилчер: дис. ... канд. филол. наук. Самара: Изд-во ПГСГА, 2011. 184 с.
5. Кондрашкина О. О. Средства создания пространственно-временного фона в современных англоязычных североирландских романах: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013. 193 с.
6. Палойко Л. В. Образ персонажа в оригинале и литературном продолжении англоязычного романа как объект филологического анализа: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2014. 216 с.
7. Гончарова Н. Ю. Образ английского сада в романе XX века как объект филологического анализа: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2014. 174 с.
8. Борисова Е. Б. Научные предпосылки возникновения метода общепилологического анализа художественного текста // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы десятой междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. В. Вершинина. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. С. 60–65.
9. Shaw B. Three plays for Puritans. Chicago; New York, 1900. P. 169–170.
10. Collins Cobuild English Language Dictionary. Ldn: Harper Collins Publishers, 1993. 1704 p.
11. Larson G. K. Shaw. Shakespeare // The Shaw Review. Pennsylvania. 1971. Vol. 14. № 2. P. 73–89.
12. Shaw B. Указ. соч. С. 180.
13. Collins Cobuild English Language Dictionary.
14. The Concise Oxford Dictionary of Current English / ed. by H. W. Fowler, F. G. Fowlew. 4th ed. Oxford University Press, 1951. 1536 p.
15. Shaw B. Указ. соч. С. 180; Ajtony Z. Britain and Britishness in G. B. Shaw's Play. Cambridge, 2012. 248 p.
16. Shaw B. Указ. соч. С. 200–201.
17. Stock St. G. // De Bello Gallico / Caesar. Oxford, 1898. Books I–VII. P. 1–33.
18. Shaw B. Указ. соч. С. 231.
19. Моммзен Т. История Рима. М., 2002. Т. 3, кн. 5. С. 442–443; Stock St. G. Указ. соч. P. 25–33.
20. Shaw B. Указ. соч. С. 241.
21. Shaw B. Указ. соч. С. 242.
22. Плутарх Сочинения / сост. С. С. Аверинцев. М.: Худож. лит., 1983. 703 с.
23. Транквилл Г. С. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1991. 512 с.
24. Моммзен Т. Указ. соч.

Notes

1. Rodnyanskaya I. B., V. V. Kozhinov *Obraz hudozhestvennyj* [Art image] // *Kratkaya literaturnaya ehnciklopediya* – Short literary encyclopedia / chief ed. A. A. Surkov. Vol. 5. M. Sov. ENCYCLOPAEDIA. 1968. Pp. 363-369.
2. Borisova E. B. *Nauchnye predposylki vznikhoveniya metoda obshchepilologicheskogo analiza hudozhestvennogo teksta* [Scientific background of the method of general analysis of literary text] // *Vyshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: materialy desyatoy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* - Higher humanitarian education in the XXI century: problems and prospects: proceedings of the tenth intern. scientific-pract. conf. / ed. by L. V. Vershinina. Samara. Publ. PGSGA. 2015. Pp. 60-65.
3. Borisova E. B. *Hudozhestvennyj obraz v britanskoj literature XX veka: tipologiya – lingvopoehtika – perevod: monografiya* [Artistic image in the British literature of the XX century: typology – linguopoetics – translation: monograph]. Samara. Publishing house of FSBEI. 2010. 356 p.
4. Borisova G. V. *Lingvopoehticheskie sredstva sozdaniya obrazov pozhilyh anglichan v romannom tvorchestve R. Pilcher: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguopoetics means of creating images of older British novel in the work of R. Pilcher: dis. Cand. philol. sciences]. Samara. Publ. PGSGA. 2011. 184 p.
5. Kondrashkina O.O. *Sredstva sozdaniya prostranstvenno-vremennogo fona v sovremennyh angloyazychnyh severoirlandskih romanah: dis. ... kand. filol. nauk* [Tools for creating space-time background in modern English the Northern Irish novels: dis. Cand. philol. sciences]. Samara. 2013. 193 p.
6. Paloiko L. V. *Obraz personazha v originale i literaturnom prodolzhenii angloyazychnogo romana kak ob"ekt filologicheskogo analiza: dis. ... kand. filol. nauk* [Image of the character in the original and the literary continuation of the English novel as an object of philological analysis: dis. Cand. Philol. sciences]. Samara. 2014. 216 p.
7. Goncharova N. U. *Obraz anglijskogo sada v romane XX veka kak ob"ekt filologicheskogo analiza: dis. ... kand. filol. nauk* [Image of the English garden in the novel of the XX century as object of linguistic analysis: Dis. Cand. philol. sciences]. Samara. 2014. 174 p.

8. Borisova E. B. *Nauchnye predposylki vznikoveniya metoda obshchepilologicheskogo analiza hudozhestvennogo teksta* [Scientific background of the method of general analysis of literary text] // *ysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy : materialy desyatoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* - Higher humanitarian education in the XXI century: problems and prospects: proceedings of the tenth intern. scientific-pract. conf. / ed. by L. V. Verшинina. Samara. Publ. PGSGA. 2015. Pp. 60-65.
9. Shaw B. Three plays for Puritans. Chicago ; New York, 1900. Pp. 169-170.
10. Collins Cobuild English Language Dictionary. Ldn : Harper Collins Publishers, 1993. 1704 p.
11. Larson G. K. Shaw. Shakespeare // *The Shaw Review*. Pennsylvania. 1971. Vol. 14. № 2. Pp. 73-89.
12. Shaw B. Op. cit. P. 180.
13. Collins Cobuild English Language Dictionary.
14. The Concise Oxford Dictionary of Current English / ed. by H. W. Fowler, F. G. Fowlew. 4th ed. Oxford University Press, 1951. 1536 p.
15. Shaw B. Op. cit. C. 180; *Ajtony Z. Britain and Britishness in G. B. Shaw's Play*. Cambridge, 2012. 248 p.
16. Shaw B. Op. cit. Pp. 200-201.
17. *Stock St. G.* // *De Bello Gallico / Caesar*. Oxford, 1898. Books I-VII. Pp. 1-33
18. B. Shaw Op. cit. P. 231.
19. Mommsen T. [History of Rome]. M. 2002. Vol. 3, book 5. Pp. 442-443; *St Stock. G.* Op. cit. Pp. 25-33.
20. B. Shaw Op. cit. P. 241.
21. B. Shaw Op. cit. p. 242.
22. Plutarch *Sochineniya* [Writings] / comp. S. S. Averintsev. M. Khudozh. lit. 1983. 703 p.
23. Tranquil G. S. *ZHizn' dvenadcati cezarej* [The live of the twelve Caesars]. M. Pravda. 1991. 512 p.
24. Mommsen T. Op. cit.

УДК 81.42

А. Н. Шибанова

Языковые средства создания образа Наполеона в исторических произведениях Р. М. Зотова

В статье представлен лингвистический анализ образа Наполеона в исторической прозе Р. М. Зотова. В соответствии с концепцией описания образа человека, представленной в работах Кировских лингвистов, образ французского императора и полководца рассматривается как совокупность процессуальных и непроцессуальных характеристик. Данная концепция позволяет провести целостный анализ образа персонажа литературного произведения, представить его как деятельную личность, а также принять во внимание статичные характеристики. На основании материалов исследования делаются выводы о том, с помощью каких языковых средств автор создаёт образ правителя и военачальника. Анализ текстов произведений показывает, что Наполеон изображается автором достаточно объективно: присутствуют как положительные, так и отрицательные характеристики. В целом образ представлен реалистично, присутствует своего рода психологизм.

The paper gives the linguistic analysis of character of Napoleon in Zotov's historical prose. According to the concept of describing the person's character, which takes place in Kirov linguists' papers, the French Emperor's character is represented as unity of procedural and non-procedural characteristics. This concept allows to analyze the character of Napoleon as an active person and describe his appearance and temper. On the basis of investigation's materials we make conclusions about the way Zotov creates the character of the ruler and military leader. Analysis of the texts shows, that the author represents Napoleon impartially: there can be found positive and negative features as well. In whole, the character is represented in realistic manner with the elements of psychologism.

Ключевые слова: языковая личность, языковые средства, историческая личность, образ Наполеона, «Правитель», «Военачальник», процессуальные характеристики, непроцессуальные характеристики.

Keywords: linguistic personality, linguistic means, historical personality, the character of Napoleon, "The Ruler", "The Military Leader", the procedural characteristics, non-procedural characteristics.

Рафаил Михайлович Зотов (1795-1871) – прозаик, драматург, переводчик, литературный и театральный критик, мемуарист, театральный деятель. В 30-е гг. XIX в. Зотов создает исторические романы для широкого круга читателей. Среди них такие произведения, как «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (1832), «Никлас Медвежья Лапа, атаман контрабанди-

стов, или Некоторые черты из жизни Фридриха II» (1837), «Шапка юродивого, или Трилиственник» (1839), «Таинственный монах» (1843), «Бородинское ядро и Березинская переправа» (1844), «Фра-диаволо, или Последние годы Венеции» (1857), «Две сестры, или Смоленск в 1812 г.» (1860), «Два брата, или Москва в 1812 г.» (1851).

В своих произведениях Р. М. Зотов описывает различных деятелей прошлого. Мы можем разделить персонажей-исторических деятелей на две группы. К первой относятся правители, ко второй – военачальники. Такое деление обусловлено тем фактом, что Р. М. Зотов выводит в своих произведениях лишь значимых для истории личностей, которые в той или иной степени повлияли на ход событий.

Образ Наполеона находит отражение в четырех исторических произведениях Зотова: «Двадцатипятилетие Европы, или ...», «Два брата, или Москва в 1812 году», «Две сестры, или Смоленск в 1812 году», «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона». Данный образ может быть отнесен сразу к двум группам – «Правители» и «Полководцы».

Цель данной статьи – выявить языковые средства, которые используются автором для создания образа Наполеона, и проанализировать их в соответствии с принятой кировскими лингвистами концепцией.

В соответствии с этой концепцией мы рассматриваем образ человека как совокупность процессуальных и непроцессуальных характеристик [1; 2; 3]. Непроцессуальные характеристики языковой личности – «отображаемые в тексте его паралингвистические и кинетические характеристики, а также вербализованные сведения о человеке (внешность, одежда, социальное происхождение, система ценностей, пристрастия, желания и т. д.), содержащие информацию, так или иначе влияющую на модель поведения человека в разного рода ситуациях на протяжении его жизненного пути» [4]. Процессуальные характеристики «дают представление о модели поведения человека как обусловленной мотивами и целями его целенаправленной деятельности на протяжении всего жизненного пути или какого-либо его фрагмента» [5].

Для создания образа персонажа автором используются процессуальные (205 контекстов) и непроцессуальные (74 контекста) характеристики. Мы видим, что автор достаточно подробно описывает Наполеона.

Для номинации образа персонажа Зотов употребляет следующие лексические единицы: *Наполеон (152), Бонапарте (36), антихрист (2), первый полководец своего века (2), юный герой, новый император Франции, великий гений, грозный повелитель исполинских сил, человек, поработивший Европу, необыкновенный человек, первый военный гений своего века, прохожий, гордый победитель всей Европы, божий враг, победитель народов, преемник Карла Великого, старый эйлава-ский знакомец*. Преобладают слова с нейтральной окраской, окрашенная лексика используется редко и только в речи определенных лиц. Так, лексические единицы «антихрист», «божий враг» употребляются крестьянами из ополчения. В речи автора встречаем слова, характеризующие Наполеона с положительной стороны.

Непроцессуальные характеристики представлены следующими группами языковых средств:

- 1) языковые единицы, характеризующие внешний облик Наполеона;
- 2) языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие Наполеону;
- 3) языковые средства, эксплицирующие систему ценностей Наполеона.

К процессуальным характеристикам относятся:

- 1) мотивы и цели деятельности;
- 2) фактическое осуществление задуманного. Коммуникативные тактики;
- 3) верификация как завершающий этап деятельности Наполеона.

Мы можем выделить языковые средства, раскрывающие отношение к Наполеону автора-повествователя и языковые средства, раскрывающие отношение к Наполеону других персонажей исторических произведений.

Зотов не дает подробного описания портрета и фигуры персонажа, представлены лишь общие черты. Ср.: *Лицо его было смугло и угрюмо, руки были закинута на спину; ... этот взгляд, суровый, пронизательный, неотразимый* [6]; *Прояснившаяся погода показала ему человеческую фигуру небольшого роста, закутанную в теплую серую шинель и стоявшую впереди со сложенными на груди руками* [7, с. 216]; *Наружность его проста и даже незначительная; взгляд быстр и пронизателен* [7, с. 251].

Языковые средства, обозначающие предметы, принадлежащие Наполеону, представлены только одним контекстом, – автор отмечает, что Наполеон был одет в *теплую серую шинель*.

Система ценностей – это «структурированный набор ценностей, которые на данном этапе своего личностного развития принимает и разделяет индивид» [8]. Система ценностей Наполео-

на выражена через его поступки, желания. Также мы можем сделать определенные выводы, анализируя речь персонажа.

Наибольшей частотностью отличаются лексемы *честолюбивый, честолюбие*, показывающие, что Наполеон высоко оценивает себя и свою деятельность. Ср.: *Бонапарте был слишком славлюбив* [9, с. 498]; *Властолюбие Бонапарте поглощало все ему противящееся и воздвигало новые троны для раболепствующих клеветов своих* [9, с. 527]; *С этой минуты увидели все державы, что в честолюбии Бонапарте нет ничего священного и что мир с ним пустое слово* [9, с. 503]; *Новое сие нарушение договоров доказывало Европе, что честолюбие Бонапарте не имеет пределов* [9, с. 509]; *Снедаемый беспредельным честолюбием, Наполеон уже замышлял завоевание Испании; Наполеон отвечал, что... подписание подобного акта было бы несовместно с его достоинством* [9, с. 561]; *Этот необыкновенный человек, первый военный гений своего века, счастьем и дарованиями вознесенный из ничтожества на престол прекраснейшей монархии... вдруг непомерным своим честолюбием, для удовлетворения которого не разбирал ни средств, ни лиц, вооружил против себя все народы, обратил на главу свою всеобщую ненависть и проклятия* [10, с.102]; *Вся вина бедствий... произошла от пагубного властолюбия Наполеона* [10, с. 102].

Наполеон с уважением относится к русской армии, видит в ней достойного противника. При этом он не терпит непокорности ополченцев. Ср.: *Наполеон иной раз в эти годы побеждал русских, но он всегда, однако, удивлялся их мужеству* [6]; *Я всегда уважаю русскую армию. Она славно дралась под Аустерлицем, но я разбил ее* [6]; *Я велел без суда расстреливать этих дикарей и бунтовщиков* [11, с. 635].

Наполеон любит увеселения, ездит на балы, но гораздо важнее для него для него военное дело. Тем не менее, он говорит, что ведет войну по принуждению. Ср.: *...я с самых молодых лет вел войну, но никогда не любил ее. Меня всякий раз принуждали обнажать меч. Все континентальные войны Европы делались в угождение англичанам. Теперешняя война тоже. Она совершенно противна выгодам России. Я и не думал начинать ее. Какой-то фатализм увлек меня и Александра* [6]; *Наполеон... с удовольствием ездил по великолепным балам, <...> награждал храбрых чинов орденами, посылая их всегда в первый огонь* [7, с. 165]; *Обыкновенно неразговорчивый, почти односложный, когда дело шло о всяком другом предмете, Наполеон вдруг оживлялся при описании военных планов* [7, с. 274].

Процессуальные характеристики образа Наполеона представлены в романах Зотова достаточно широко.

Мотивы и цели деятельности Наполеона находят отражение в 37 контекстах. Принимая во внимание особенности лексического материала, мы можем выделить следующие подгруппы:

- 1) желания, стремления;
- 2) замысел;
- 3) намерения;
- 4) надежды;
- 5) мечты.

Наполеон хочет как можно быстрее завершить военные действия. Он прибегает к хитрости, стараясь заключить мирное соглашение, выгодное только для него. Ср.: *Он действительно желал завоевания Египта и предлагал России раздел Порты* [9, с. 498]; *Он долгое время принимал ноты посредничества российского двора и даже после начатия военных действий; но это была одна маска, которой он старался склонить на свою сторону Александра 1* [9, с. 498]; *2 января решился он отправить на имя английского короля письмо, в коем изображал все бедствия, терзающие народы от истребительной между ними войны, и выражая всю свою чувствительность при виде подобных несчастий, претерпеваемых человечеством, изъявлял живейшее желание к заключению мира* [9, с. 507]; *Бонапарте устремился к Ульму* [9, с. 513]; *Наполеон <...> послал Мюрата на подкрепление <...> а сам устремился к истреблению половины, оставшейся в Ульме* [9, с. 513]; *Между тем Бонапарте более и более стремился к достижению владычества над всею Европою* [9, с. 530]; *Наполеон спешил заключить мир, толико для него славный* [9, с. 554]; *Но можно ли осуждать его за желание закончить войну одним ударом?* [10, с. 38]; *Наполеон желает его видеть* [6]; *Но повторяю вам, что искренно желаю мира, мира прочного, полезного, выгодного для обеих наций* [6]; *Только дипломатические средства всегда очень медленны <...> мне бы хотелось все это сделать проще, скорее* [6]; *Он быстрым движением хотел было прежде их занять этот город; хотел по крайней мере сильными, ежедневными натисками ее [русскую армию] расстроить и быстро бросился вслед за нею* [11, с. 634].

Замыслы Наполеона также связаны с ведением войны. Здесь представлены идеи, отражающие его тактику. Ср.: *Бонапарт, замышляя тогда высадку на берега Англии, приучал своих солдат к маневрам* [9, с. 510]; *Бонапарте рассчитывал иначе. Он поручил Мортье следовать за*

Кутузовым [9, с. 515]; Бонапарте, видя, что безумная борьба его с Англией лишила Европу и последней надежды на какое-либо равновесие в морских силах, **решился тогда принудить** всю твердую землю запереть гавани свои для английской торговли и чрез то разорить их промышленность [9, с. 526]; Наконец **вздумал** Бонапарт **создать еще новое королевство**; Снедаемый беспредельным честолюбием, Наполеон уже **замышлял завоевание Испании** [9, с. 532]; Вдруг **родилась в уме его исполинская мысль**, один из отчаяннейших планов великого его гения [10, с. 292]; До последней минуты **думал он, что уступчивость России предоставит ему диктаторство над Европою и что он победит Россию без пролития крови** [6].

Группа лексических единиц, выражающих намерения Наполеона, немногочисленна. Ср.: Наполеон, узнав о приближении англичан, **вознамерился действовать им в тыл** [9, с. 574]; Наполеон **думал устрашить его брандскугелями** [9, с. 586]; Вскоре новые самовластные присоединения Наполеона **яснее открыли цель его намерений** [10, с. 6].

Наполеон верит в осуществление своих надежд, а также полагается на свои предыдущие победы и родственную связь с императором Австрии Францем I. Ср.: **Неудовлетворительность сего ответа не лишила Бонапарте надежды** <...> он **решился сблизиться с санкт-петербургским Кабинетом** [9, с. 508]; Он **решился или погибнуть, или сокрушить надменность британцев** [9, с. 511]; До сих пор Наполеон **еще надеялся, что русские склонятся на мир** [10, с. 42]; Скорое отступление было одно средство к спасению, и он **решился предупредить Чичагова в Борисове, где, надеясь соединиться с корпусами** <...> он имел бы вновь с лишком стотысячную армию [9, с. 55]; Наполеон **надеялся на свои победы и родство с императором Францем** [10, с. 55]; Так кончилась и вторая победа Наполеона; **одна надежда оставалась ему – быстрым преследованием расстроить отступающую армию** [10, с. 78].

Наполеон мечтает о том, что ему удастся так же легко завоевать Россию, как это было с Европой. Ср.: Он **вообразил себе, что это Милан, Вена, Берлин, Мадрид** [6].

Лексические единицы, которые выражают фактическое осуществление задуманного, также могут подразделяться на несколько групп:

- 1) физическая активность;
- 2) ментальная активность.

Ко второй группе относятся и коммуникативные тактики, то есть речевое поведение Наполеона.

Лексические единицы, описывающие физическую активность, представлены в 17 контекстах. Мы видим, что действия, совершаемые Наполеоном, обычно успешны. Ср.: Он **смело атаковал со своей свитой сию колонну** [9, с. 548]; Второго декабря **явился Наполеон пред стенами Мадрида и четвертого вступил в оный по заключении капитуляции** [9, с. 573]; Наполеон **бросился на этот отряд, разбил его, завладел опять Реймсом** [10, с. 112]; Он **бросился его преследовать и, догнав слабые отряды, опрокинул их и утвердил более и более австрийского фельдмаршала в мнимой необходимости отступления** [10, с. 113].

Но в отдельных случаях удача изменяет Наполеону, и все, что он делает, напрасно. Ср.: **Тщетно Бонапарте собрал более 150000 на берегах Ламаншского пролива; тщетно изобретал и строил суда, тщетно грозил высадкою** [9, с. 499].

Ментальная активность, коммуникативные тактики представлены 19 контекстами. Автор старается создать психологически правдивый образ: так, мы видим, что Наполеон подвержен частым сменам настроения. Ср.: Бонапарте, по-видимому, **соглашался, обещал, но не исполнил** [9, с. 497]; Наполеон **с радостью увидел, что Александр I твердо намерен сохранить Тильзитский трактат и не только не примет стороны Австрии в случае войны ее с Наполеоном, но и употребит силу оружия, дабы принудить ее к миру** [9, с. 573]; Наполеон **воспользовался сею ошибкою** [9, с. 583]; Наполеон, не окончивший еще приготовлений своих, **скрыл свое негодование...** [10, с. 6]; Единственно для усыпления России **приступил Наполеон к переговорам для сохранения мира** [10, с. 8]; Возвратясь к людям, которые могли требовать у него отчета... он, **размышляя о всей важности своей ответственности, на несколько дней заперся во дворце** своим и никому не показывался [10, с. 66]; Наполеон **с беспокойством видел успехи союзников** [10, с. 74]; **С негодованием отверг Наполеон эти предложения, осыпав Меттерниха ругательствами** [10, с. 81]; Наполеон **был в нерешимости** [10, с. 111]. Ср. также: **В самом деле! – весело сказал Наполеон и, с доверенностию подойдя к нему, взял его за рясу** [6]; **Фанатики! фанатики! – проворчал Наполеон сквозь зубы и отошел к камину** [6]; **Как знаете? – вскричал Наполеон и почти отскочил от него** [6].

Верификация – «сравнение полученных результатов с поставленными ранее целями» [2, с. 90]. Наполеон хочет подчинить себе всю Европу, а также завоевать Россию. Но все его планы разрушены, надежды не оправдались. Наполеон проявляет хитрость, используя шансы, которые ему предоставлены, но мы видим, что это единичные случаи. Ср.: **Бонапарте слишком хорошо**

воспользовался сею ошибкой [9, с. 511]; *Сим временем Наполеон воспользовался, чтобы стянуть громады своих сил* [7, с. 263].

Он оказывается в странном, сомнительном, критическом, затруднительном положении. Ср.: *Наконец сам Наполеон почувствовал всю затруднительность своего положения и в политическом и в стратегическом отношении* [10, с. 40]; *Не менее того положение Наполеона было самое критическое* [10, с. 115]; *Чувствуя всю странность своего положения, он еще дорогой твердил, что «от величественного до смешного один только шаг»* [10, с. 66]; Наполеон начал чувствовать критическое свое положение. Армии его таяли как снег [10, с. 90]; *Положение Наполеона было довольно сомнительно* [9, с. 573].

Происходящие события не соответствуют ожиданиям Наполеона, поэтому он испытывает огорчение и досаду. Это выражается в соответствующих именных формах, описывающих эмоциональное состояние. Ср.: *Наполеон сильно был огорчен этим Манифестом* [9, с. 603]; *Происшествие сие крайне огорчило Наполеона* [10, с. 8]; *С крайней досадой видел Наполеон, что русские ускользнули от него и что теперь должно ему совокупить свои массы, чтоб действовать против соединенных их сил* [10, с. 15]; *Огорченный столь оскорбительным для него молчанием и думая, что гордость препятствует русскому императору сделать первый шаг...* [10, с. 40]; *Наполеон с огорчением видел, что... нет возможности воспользоваться новой своей победой* [10, с. 78].

Он совершает ошибочные действия; несмотря на то что французские войска входят в Москву, они не встречают здесь того приема, на который рассчитывал Наполеон. Ему также приходится принять условия невыгодного для него перемирия. Ср.: *Цель похода его исполнилась: Москва была в его руках, и в ней-то он обещал воинам своим славный мир. Но могильная пустота столицы уже служила ему первым доказательством ужасной ошибки в расчете своем* [10, с. 35]; *Наполеон ошибся как политик, предположив в душе Александра I и в сердцах русского народа робкую готовность принять мир* [10, с. 38]; *Наполеон согласился на перемирие, которое сам прежде предлагал. Всю свою жизнь раскаивался он потом в сем поступке и говорил, что это была величайшая его ошибка* [10, с. 79]; *Последствия доказали, что он ошибся* [7, с. 211].

Удача, которая сначала сопутствовала Наполеону, изменяет ему. Ср.: *Счастье Наполеона, столь удивительным образом дотеле его лелеявшее, помрачилось с первым заревом пожара Москвы* [10, с. 38]; *Счастье Наполеона, блеснувшее при начале еще на минуту, померкло внезапно* [10, с. 89].

Он не может противостоять судьбе. Он вынужден принять неизбежное, а обстоятельства заставляют его покориться. Анализ лексических единиц позволяет говорить о том, что Наполеон не властен над сложившейся ситуацией. Ср.: *Обстоятельства не позволили Наполеону продолжать здесь побед своих* [9, с. 574]; *Это движение разрушало все предприятия Наполеона; лучшие планы его не удавались; судьба вела его к гибели. Вдруг родилась в уме его исполинская мысль, один из отчаяннейших планов великого его гения* [10, с. 292]; *Наполеон не мог уже избежать генерального сражения* [10, с. 106]; *Наполеону ничего более не остается, кроме совершенного отречения* [10, с. 134]; *Ему оставалось одно средство: броситься между обеими их армиями и стараться разбить их порознь* [10, с. 91]; *Оставалось покориться необходимости и выступить обратно на зимние квартиры* [7, с. 219].

Автор подводит своего рода итог деятельности французского императора. При этом Зотов показывает, как могли бы развиваться события в случае победы Наполеона. Ср.: *20 бурных лет блистал он на поприще политического мира, и сколь быстро возвысился, столь внезапно упал. Имя его сохранит история в позднейшем потомстве; жизнь послужит эпохою переворотов в Европе, падение будет примером для властолюбивых завоевателей. Подобно бурным волнам океана, выступившим из берегов, угрожал он поглотить все державы света* [10, с. 148]; *Конечно, теперь мы, как доктор Пангос, можем уверять, что все к лучшему, что без войны 1812 года Наполеон мало-помалу достиг бы решительного диктаторства над Европою* [6].

Образ Наполеона присутствует во всех исторических произведениях Зотова, описывающих события 1812 г. Наполеон – одна из наиболее значимых фигур того времени, повлиявших на ход истории. Наполеон характеризуется как деятельная личность и талантливый военачальник. При этом автор указывает на то, что удача изменяет Наполеону и он вынужден покориться судьбе. В целом мы можем говорить о том, что Зотову как современнику удастся создать объективный портрет французского императора.

Примечания

1. Чернова С. В. Образ Александра I как императора, полководца и человека: лингвистический анализ (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир») // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. трудов. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2010. С. 85–98.

2. Наумова Н. Г. Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души») // Киров : Изд-во ВятГГУ, 2010. 124 с.
3. Калинина Л. В. Языковые средства создания образа харизматической личности (на примере образа А. Д. Меншикова в исторической и художественной литературе) // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. трудов. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 15–27.
4. Чернова С. В. Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа // Рациональное и эмоциональное в русском языке : междунар. сб. науч. трудов. М., 2012. С. 555.
5. Там же. С. 557.
6. Зотов Р. М. Два брата, или Москва в 1812 году. URL: http://az.lib.ru/z/zotow_r_m/text_0040.shtml (дата обращения: 10.08.2016)
7. Три старинных романа : в 2 кн. Кн. 1. Зотов Р. М. Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона. М. : Современник, 1990. 624 с.
8. Психологический лексикон : энцикл. словарь : в 6 т. / ред.-сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского. М. : ПЕР СЭ. 2006. URL: http://psychology_lexicon.academic.ru/333 (дата обращения: 12.09.16)
9. Зотов Р. М. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4. Военная история Российского государства. Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I. Ч. 1. М. : Терра, 1996. 618 с.
10. Зотов Р. М. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5. Двадцатипятилетие Европы в царствование Александра I. Ч. 2. Наполеон на острове Святой Елены. М. : Терра, 1996. 576 с.
11. Зотов Р. М. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. Таинственные силы. Два брата. Две сестры. М. : Терра, 1996. 683 с.

Notes

1. Chernova S. V. *Obraz Aleksandra I kak imperatora, polkovodca i cheloveka: lingvisticheskij analiz (na materiale romana L. N. Tolstogo «Vojna i mir»)* [Image of Alexander I as Emperor, military commander and man: a linguistic analysis (based on the novel by L. N. Tolstoy "War and peace")] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst : mezhvuz. sb. nauch. Trudov* – Semantics. Functioning. The text: interuniversity collection of scient. works. Kirov. Publishing house of VyatSU. 2010. Pp. 85-98.
2. Naumova N. G. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza P. I. Chichikova (na materiale poemy N. V. Gogolya «Myortvyje dushi»)* [Linguistic means of creating the image of P. I. Chichikov (based on the poem by N. Gogol "Dead souls")] // Kirov. Publishing house of VyatSU. 2010. 124 p.
3. Kalinina L. V. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza harizmaticheskoy lichnosti (na primere obraza A. D. Men-shikova v istoricheskoy i hudozhestvennoj literature)* [Linguistic means of creating the image of a charismatic personality (on the example of the image of A. D. Menshikov in the historical literature)] // *Semantika. Funkcionirovanie. Tekst : mezhvuz. sb. nauch. trudov* – Semantics. Functioning. The text: interuniversity collection of scient. works. Kirov. Publishing house of VyatSU. 2012. Pp. 15-27.
4. Chernova S. V. *Protsessual'nye i neprotsessual'nye harakteristiki cheloveka kak osnova dlya rekonstrukcii ego obraza* [Procedural and non-procedural characteristics of the person as the basis for the reconstruction of its image] // *Racional'noe i ehncional'noe v russkom yazyke: mezhdunar. sb. nauch. trudov* – Rational and emotional in Russian language. Coll.of scient. works. M. 2012. P. 555.
5. Ibid. P. 557.
6. Zotov R. M. *Dva brata, ili Moskva v 1812 godu* [Two brothers, or Moscow in 1812]. Available at: http://az.lib.ru/z/zotow_r_m/text_0040.shtml (date accessed: 10.08.2016)
7. *Tri starinnyh romana : v 2 kn.* - Three vintage novels: in 2 books. Book 1. Zotov R. M. *Leonid, ili Nekotorye cherty iz zhizni Napoleona* [Leonidas, or Some features of the life of Napoleon]. M. Sovremennik. 1990. 624 p.
8. *Psihologicheskij leksikon : ehncikl. slovar' : v 6 t.* – Psychological lexicon: ENCYCLOP. Dictionary: in 6 vol. / ed.-comp. L. A. Karpenko; under the general editorship of A.V. Petrovsky. M. PER SE. 2006. Available at: http://psychology_lexicon.academic.ru/333 (date accessed: 12.09.16)
9. Zotov R. M. *Sobranie sochinenij : v 5 t. T. 4. Voennaya istoriya Rossijskogo gosudarstva. Dvadcatipyatiletie Evropy v carstvovanie Aleksandra I. CH. 1.* [Works : in 5 vol. Vol. 4. Military history of the Russian state. Twenty-fifth anniversary of Europe in the reign of Alexander I., Part 1]. M. Terra. 1996. 618 p.
10. Zotov R. M. *Sobranie sochinenij : v 5 t. T. 5. Dvadcatipyatiletie Evropy v carstvovanie Aleksandra I. CH. 2. Napoleon na ostrove Svyatoj Eleny* [Works: in 5 volumes. Vol. 5. Twenty-fifth anniversary of Europe in the reign of Alexander I. Part 2. Napoleon at Saint Helena]. M. Terra. 1996. 576 p.
11. Zotov R. M. *Sobranie sochinenij : v 5 t. T. 2. Tainstvennyye sily. Dva brata. Dve sestry* [Works: in 5 vol. Vol. 2. Mysterious forces. Two brothers. Two sisters]. M. Terra. 1996. 683 p.

Концептуальная интеграция в ментальном пространстве «Spider-man» (на материале комиксов о человеке-пауке)

В статье рассматривается номинация супергероя Spider-man американских комиксов «The Amazing Spider-man» в результате визуальной метафоризации как лингвокреативного процесса, в основе которого лежит концептуальная интеграция. Делается вывод о том, что создание бленда «Spider-man» стало возможным благодаря проекции когнитивных признаков ментальных пространств «зооморфное существо» и «человеческое существо». Приводятся примеры, показывающие, что источником знаний для осуществления данной интеграции послужили наблюдения за образом жизни и способностями паука (способность плести паутину, паучье чутье, быстрота движений по вертикальной и горизонтальной поверхности); насыщенная положительными и отрицательными моментами подростковая жизнь (несчастливая любовь, насмешки, восхищение, сомнение, самопознание), а также общественно-политические события 60-х гг. XX в. (освоения космоса, испытаний ядерного оружия, борьбы с криминальными структурами).

The author analyzes the nomination of the superhero «Spider-man» in the American comic books «The Amazing Spider-man» because of the visual metaphorization as linguistic and creative process, based on conceptual integration. It is concluded that the blend "Spider-man" was possible by the projection of the cognitive symptoms in mental spaces "zoomorphic creature" and "human being". The author gives examples showing the source of knowledge for this integration – the lifestyle and abilities of the spider (ability to spin a web, spider sense, speed of movement on vertical and horizontal surfaces); positive and negative aspects of teenagers' life (unrequited love, ridicule, admiration, doubt, self-knowledge) and socio-political events in 60-ies of XX century (space exploration, nuclear weapons testing, fight against criminal structures).

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафоризация, концептуальная интеграция, ментальные пространства, супергерой комикса, лингвокреативный процесс.

Keywords: conceptual metaphor, metaphorization, conceptual integration, mental space, comic book superhero, linguo-creative process.

Настоящая статья посвящена вопросу о формировании ментального пространства в ходе когнитивного процесса концептуальной интеграции. *Объектом* исследования является концептуальная метафора «Spider-man». В качестве *предмета* исследования выступают языковые средства выражения концептуальной интеграции когнитивных пространств «зооморфное существо» – «человеческое существо» – «супергерой». *Цель* статьи состоит в том, чтобы выявить когнитивные признаки концептуальной интеграции при формировании ментального пространства «Spider-man». Материалом послужил корпус языковых лексем, высказываний, микроконтекстов в количестве 500 единиц из комиксов «The Amazing Spider-man» 60-х гг. XX в., № 1–41. Актуальность темы связана с повышенным вниманием лингвистов к процессам метафоризации и концептуальной интеграции, представляющим более широкие лингвокреативные процессы.

Лингвокреативность как активный творческий процесс создания речевого произведения наиболее характерна для креолизованных текстов, в частности текстов комиксов. Создание американского супергероя Spider-man (1962 г.) оказалось возможным в результате визуальной метафоризации как лингвокреативного процесса, в основе которого лежит концептуальная интеграция. В данном персонаже нашло отражение новое для той эпохи видение общественно-политической жизни 60-х гг. и идеология холодной войны, коммунизма, освоения космоса, испытаний ядерного оружия, отношений с СССР времен Хрущева, борьбы с криминальными структурами.

К основным понятиям исследования относятся термины *концептуальная метафора, метафоризация, концептуальная интеграция, ментальные пространства*.

Концептуальная метафора определяется как процесс когнитивного уровня и является основной ментальной операцией, как отмечают Дж. Лакофф и Е. С. Кубрякова [1]. М. Джонсон и И. А. Дмитриева признают метафору как способ познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира [2]. О. Г. Самаркина рассматривает данный процесс как результат лингвотворческого когнитивного процесса, в ходе которого знание об одной концептуальной области репрезентируется в терминах другой [3]. Метафора имеет структурный, ориентационный, онтологический и другие виды (Дж. Лакофф, М. Джонсон, О. Ю. Ганзина), ей присущи номинативная, моделирующая, информативная, эмоционально-оценочная и другие функции (Ю. А. Феденева, М. А. Никитина), а

также отмечается ее участие в формировании языковой картины мира (В. И. Шувалов, Э. В. Балаян). Большой вклад в исследование метафоризации и концептуальной интеграции ментальных пространств внесли наряду с Ж. Фоконье и М. Тернером российские ученые. Л. П. Ковальчук исследует концептуальную интеграцию в сказочном дискурсе [4]. Н. Ю. Белькова изучает метафорические переосмысление как результат концептуальной интеграции [5]. В работе Т. В. Кортюковой исследуются отношения между ментальными пространствами и их функции в интегрированном пространстве художественного произведения [6].

Теория *концептуальной метафоры* была разработана Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Согласно их теории в основе *метафоризации* лежит процесс взаимодействия двух структур знаний (фреймов и сценариев) двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. Источником знаний в этом случае выступает опыт человека, результатом которого является сфера-мишень. Перенос когнитивных структур (метафорическая проекция) осуществляется из области-источника в область-мишень [7]. В результате данного переноса происходит структурирование информации в области-цели по образцу области-источника. В качестве исходной области, как правило, выступают образующие ее наиболее известные и актуальные понятия [8]. В основе концептуальной метафоры лежит сложный когнитивный процесс – концептуальная интеграция. Два независимых друг от друга явления/понятия сопоставляются, что приводит к соединению ментальных пространств: два исходных пространства, одно общее пространство (родовое) и смешанное пространство (бленд) [9].

Исходные пространства и бленд являются важнейшими понятиями в сфере концептуальной интеграции. **Исходные пространства** представляют собой независимые друг от друга ментальные пространства, символизирующие различные явления и понятия. Под **общим (родовым) пространством** понимается ментальное пространство, отображающее сходные сущности/элементы исходных пространств. Таким образом, **бленды**, или смешанные пространства, являются ментальными пространствами, которые образуются на основе проекции родового пространства, проекции некоторых элементов исходных пространств, не вошедших в общее пространство, и добавочных элементов, определяющихся фоновыми знаниями, когнитивными и культурными моделями в соответствии с логическими структурами [10].

Непосредственно способность создавать новые смыслы на основе уже имеющихся, в результате чего порождается бленд, является, как отмечают Ж. Фоконье и М. Тернер, отличительной особенностью человека [11]. В процессе концептуальной интеграции может происходить соединение «не соединяемого», что можно признать лингвокреативным процессом. При этом правильная генерация и интерпретация метафоры в различных коммуникативных контекстах зависит от общей для некоего общества системы концептов.

Указанные выше ученые придерживаются в своем исследовании схемы осуществления концептуальной интеграции, представленной на рис. 1.

Данной схемой концептуальной интеграции, а также рассмотренными определениями и суждениями мы будем пользоваться в нашей статье, главная идея которой состоит в том, что создание метафорической номинации героя комикса «Человек-паук» происходило в результате концептуальной интеграции, что говорит о когнитивной основе. В широком смысле мы рассматриваем метафору как некое видение мира, выражение креативности мышления, а в узком смысле – как концептуальную единицу.

Выявим признаки интегрального пространства «Spider-man». Оно включает 4 пространства – входное пространство 1 (input 1) «Зооморфное существо», входное пространство 2 (input 2) «Человеческое существо», родовое пространство (generic space) и смешанное пространство/бленд (blend) «супергерой Spider-man».

Входное пространство 1 «Зооморфное существо» представлено лексемой spider. Концептуальными признаками данного пространства выступают *научнообразное существо с типичными биологическими характеристиками, способность производить паутину, ловкость, паучье чутье, прагматичность, быстрая скорость движений по вертикальной и горизонтальной поверхности, неприязнь/страх*. Паук как паукообразное существо имеет свои определенные биологические характеристики, которые в свою очередь привлекли создателей комиксов. С помощью волосков паук, взятый прообразом человека-паука, способен определять место излучения звука, интерпретируя движение воздуха, произведенного этим звуком. Еще одной важной характеристикой

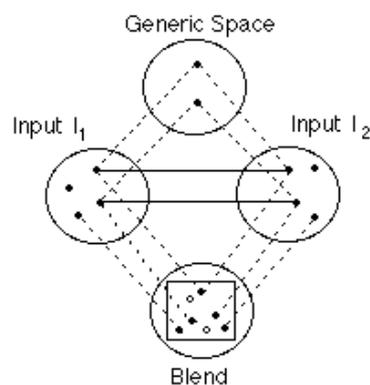

Рис. 1. Схема осуществления концептуальной интеграции

является способность производить паутину для различных целей – для построения ловчих сетей и коконов для яиц, бегства в случае опасности и пр. Хорошее зрение в темноте и способность лазить по любой поверхности горизонтально и вертикально, помогает ловить добычу и укрываться от опасности [12]. Внешний вид пауков порой вызывает страх и неприязнь, некоторые культуры даже связывают с ним зло и потусторонний мир.

Входное пространство 2 репрезентировано существительными, номинирующими эмоциональный мир и жизнь подростка Питера Паркера. Данный мир, представленный различными концептами, имеет следующие признаки: *ум, издевательства со стороны сверстников, влюбленность, денежные проблемы, окончание школы.*

Главный персонаж комикса, подросток Питер Паркер, «с его обычными человеческими проблемами и слабостями...» быстро завоевал симпатию со стороны молодежи. В номерах 60-х гг. Питер Паркер представлен как умный подросток, проявляющий интерес к науке: (1) «*Peter, you're the best student tin the entire senior class!*», № 24, с. 6, что вызывает одобрение и похвалу со стороны учителей и родных, а также издевательства и насмешки со стороны сверстников – (2) «*All bets are off about puny Parker! He's as hope less asever!*», № 39, с. 5. В силу умственных способностей и прилежания Питера Паркера считают книжным червем, а также трусом, так как он не вступает в драки и не реагирует на оскорбления: (3) «*Parker's funny guy! ...he is talking to Harry like a Dutch uncle! He is ether a real weak sister ...or a lot more man than we ever thought he was!*», № 39, с. 6; (4) «*Parker! Come back an` fight, you chicken!*», № 25, с. 9; (5) «*He's a big a snob as everyone says he is!*», № 37, с. 20; (6) «*So, he's too good for us, huh?... Guys like him don't wanna know anybody...*», № 37, с. 20 [13].

Как типичного подростка Питера Паркера несчастная и безответная любовь к Бетти Брант, секретарю издательства, не обошла стороной: (7) «*Unable to understand the motive soft he girl he loves...*», № 10, с. 8; (8) «*So she'll end up marrying Leeds..and living quiet, uneventful life she dreams of! There's only one thing I've got to figure out! ...How do I forget about the girl I love?*», № 30, с. 11.

Окончание школы – важный этап в жизни каждого подростка, в том числе и Питера Паркера. Получение стипендии дает ему право учиться бесплатно: (9) «*And now I'm proud to announce our two scholarships awards to empire state university, here in New York City! <A science scholarship is awarded to Peter Parker!>*», № 28, с. 17; (10) «*I did it! This means I can go to college ...Free! Gosh, it's like a dream come true!*», № 28, с. 17.

Переживания о Бетти Брант и больной тете Мэй не покидают Питера Паркера на протяжении нескольких десятков номеров: (11) «*All my problems... all my tough breaks... are due to being spider-man! If I were just an ordinary joe, Betty would still be my girl*», № 18, с. 19; (12) «*How can I study with aunt May in the hospital, no dough for the operation, my midterm exams coming up soon – what a life!*», № 9, с. 6.

В связи с тем, что Питер учится и может заработать деньги только продажей фотографий главному редактору Дж. Дж. Джеймсону, семья не имеет постоянных доходов, в связи с чем возникают проблемы с оплатой счетов, операции и лекарств для больной тети Мэй: (13) «*If I could get a full-time job...bring in some real money... that's what we need*», № 31, с. 12.

Указанные выше признаки и примеры подтверждают, что Питер Паркер переживает те же самые моменты и проблемы в жизни, что и любой другой американский подросток, – отношения с окружающими людьми, влюбленность, окончание школы и поступление в колледж. Так мы смогли проникнуть в жизнь и мысли Питера Паркера, а также «заглянуть в душу» любого подростка.

Родовое пространство представлено номинациями, репрезентирующими *человеческое существо*, с одной стороны, и *биологические способности паука*, с другой стороны. Укус радиоактивного паука меняет жизнь Питера Паркера – он превращается в супергероя и приходит к пониманию того, что приобретенная суперсила может быть полезна в борьбе с преступностью не только города, но и государства в целом.

Выходное **смешанное пространство** представлено номинацией «Spider-man». В образе супергероя переплелись, таким образом, две ипостаси – подросток и паук. «Spider-man» как смешанное пространство имеет следующие концептуальные признаки – *человеческое существо, сверхспособности (способность плести паутину, паучье чутье, ловкость, быстрота движений по вертикальной и горизонтальной поверхности), ум, прагматичность, неприязнь, насмешки, восхищение, сомнение, самопознание, харизма, смекалка, чувство долга.*

Питер Паркер – это застенчивый подросток-книжный червь (2-е пространство), перевоплощающийся в гибкого и выносливого супергероя со сверхспособностями, одними из которых являются, например, биологические способности паука (1-е пространство) для борьбы со злодеями и преступниками. Человек-паук способен выпускать органическую паутину без использования каких-либо приспособлений и подниматься по отвесным стенам – (14) «*Like a wraith in the night, the world's most amazing web-spinner take sup the city-wide search for the elusive looter!*» № 36, с. 8; обладает паучьем чутьем – (15) «*My spider sense... it's starting to tingle!*» № 34, с. 14; обладает чувством равновесия, невероят-

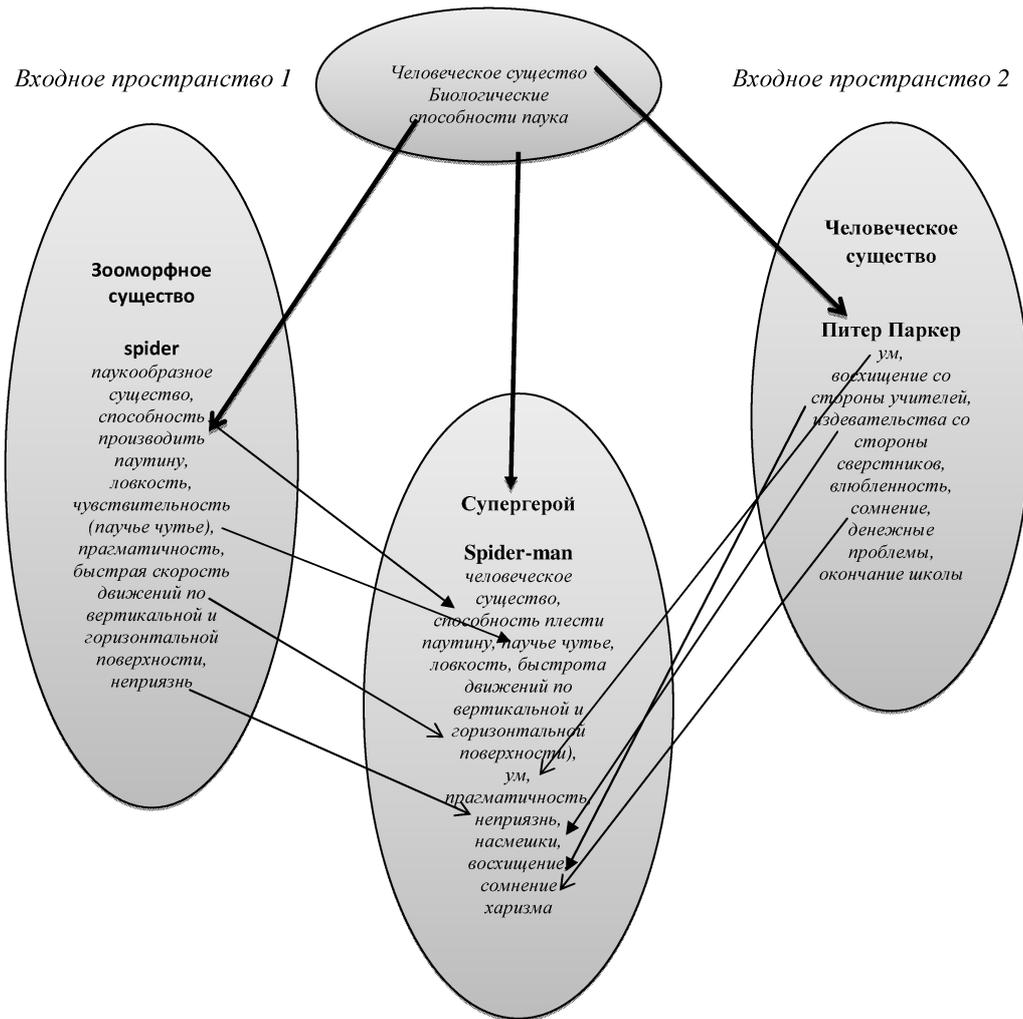
ной скоростью и ловкостью – (16) *Moving with dazzling speed, the amazing **Spider-man** does a sudden, breath-taking, acrobatic **flip-over**, and then...*, № 35, с. 13, имеет сверхсилу – (17) *«If not for ol'spider speed, I'd be a trapped little web-spinner!»* № 34, с. 12, (18) *«Why don't you **fall**? I've hit you hard enough to stagger a **rhino**! What are you **made** of?!»* № 34, с. 18, что придает ему уверенность в себе как супергерое – (19) *«As Peter Parker, I was just a helpless, confused school kid! But as **spider-man**, things are gonna be a lot **differ-ent**... As soon as I track down the **enforcers**!»* № 10, с. 8; (20) *«**The amazing spider-man**! Able to climb walls... **to fight, to run, to think** better and faster than any dozen ordinary men!»* № 40, с. 19.

Человек-паук всегда одерживает победу в сражениях со злодеями благодаря своим сверх-способностям, ловкости, смекалке, самодельному оружию (синтетический клей-полимер, сходный по свойствам с паутиной, водонепроницаемые веб-шутеры, боло): (21) *«I'll just stick one of my little "spider tracers" behind the lapel of his jacket --- there!»* № 35, с. 7. В сражениях Человек-паук подшучивает над своими врагами и высмеивает их способности, что позволяет говорить о его харизме: (22) *«Boy, if **unpopularity** ever became popular, I'd be **topman** around here!»* № 37, с. 6; (23) *«Who's been giv'g you your boxing lessons lately – **Woody Allen**?»* № 39, с. 7.

Человеку-пауку приходится вести двойную жизнь обычного подростка и супергероя, так как он не знает, как к этому отнесутся его родные и одноклассники, что терзает его и приводит к разного рода сомнениям: (24) *«Being **spider-man** is just plain **habit – forming**! ...I can't give it up!»* № 26, с. 9; (25) *«I wonder if the world will **ever** acclaim me as it does others? Or am I always to go through life shunned and loathed!»* № 21, с. 20. Человек-паук, как и подросток Питер Паркер, сталкивается с проблемами: (26) *In which our web-spinning wonder encounters a brand new foe, while finding himself still beset by the same old problems!* № 30, с. 1. Его ненавидят: (27) *«Web-headed weasel»* № 30, с. 14; (28) *«Acheappublicitystunt»* № 41, с. 4; (29) *«Trying to get rid of spidey seems to be the national under-world **pastime**!»* № 37, с. 19, им восхищаются: (30) *«How can anyone so normal sized be so powerful, and so dangerous?!»* № 22, с. 15.

Представим процесс концептуальной интеграции следующим образом (рис. 2).

Данный рисунок наглядно показывает когнитивную основу номинации Spider-man в результате интеграции. Метафора «Spider-man» возникла на основе слияния двух ипостасей – паука как зооморфного существа и подростка. После укуса паука подросток-книжный червь Питер Паркер становится отважным и ловким супергероем со способностями паука. Метафора способствует тому, что аудитория, в частности подростки, увидели в супергерое типичного подростка, переживающего наряду с подростковой жизнью также общественно-политические события 60-х гг. XX в. Появление подростка в роли супергероя было настолько успешным, что создатели посвятили этому герою отдельные серии. Сам создатель комикса Стэн Ли отмечает успех своего героя: *«Общезвестно, что человек-паук – самый успешный из новых супергероев со времен фантастической четверки»* (№ 6, с. 2), *«Самого яркого, самого невероятного, самого восхитительного из всех супергероев»* (№ 16, с. 2), *«Самый впечатляющий супергерой мира»* (№ 10).

Бленд

Рис. 1. Схема осуществления концептуальной интеграции Spider-man

Созданию уникального и столь любимого читателями героя Spider-man способствовала концептуальная метафора. Источником знаний в данном случае послужил опыт человека в мире природы и общества. Время создания супергероя «Человек-паук» – бурные общественно-политические события 60-х гг. XX в. Супергерой появился на основе концептуальной интеграции пространства «Зооморфное существо» и пространства «Человеческое существо» с характерными для них концептуальными признаками. В результате проекции элементов исходных пространств в бленде Spider-man произошло «метафорическое рождение» супергероя.

Примечания

1. Lakoff G. Metaphorswelveby / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago ; London, 1980. P. 100–101.
2. Дмитриева И. А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Якутск, 2000. 28 с.
3. Самаркина О. Г. Метафоризация и интенсификация в английской фразеологии: когнитивно-коммуникативные аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 34 с.
4. Ковальчук Л. П. Концептуальная интеграция смешанного пространства «женщина-лягушка» в русском сказочном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25(240), вып. 58. С. 87–90.
5. Белькова Н. Ю. Метафорическое переосмысление как результат концептуальной интеграции ментальных пространств (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 34 с.
6. Кортювенкова Т. В. Способы языковой репрезентации концептуального пространствами в художественном произведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. С. 32.
7. Lakoff G. Op. cit. P. 100–101.
8. Кириллова Ю. Н. Спортивная концептуальная метафора в современном немецкоязычном дискурсе СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011. С. 18.

9. Ковальчук Л. П. Концептуальная интеграция исходного пространства «женщина-лягушка» в сказочном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. С. 9.
10. Там же.
11. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.
12. Иванов А. В. Пауки, их строение, образ жизни и значение для человека. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. С. 238–239.
13. The Amazing Spider-man. № 1–40. URL: <http://www.readcomics.tv /comic/amazing-spider-man- complete> (дата обращения 11.11.16).

Notes

1. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago ; London, 1980. Pp. 100–101.
2. Dmitrieva I. A. *Metafora kak sposob poznaniya: logiko-gnoseologicheskij status : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Metaphor as a way of knowledge: logical-gnoseological status: abstract. dis. Cand. philosophy]. Yakutsk. 2000. 28 p.
3. Samarkina O. G. *Metaforizatsiya i intensivatsiya v anglijskoj frazeologii: kognitivno-kommunikativnye aspekty : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphorization and intensification in English phraseology: a cognitive-communicative aspects: abstract. dis. Cand. philol. sciences]. M. 2010. 34 p.
4. Kovalchuk L. P. *Konceptual'naya integratsiya smeshannogo prostranstva «zhenshchina-lyagushka» v russkom skazochnom diskurse* [Conceptual integration of mixed space "woman-frog" in Russian fairy-tale discourse] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Chelyabinsk State University. 2011, No. 25(240), iss. 58. Pp. 87-90.
5. Bel'kova N. Yu. *Metaforicheskoe pereosmyslenie kak rezul'tat konceptual'noj integratsii mental'nyh prostranstv (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphorical reinterpretation as the result of conceptual integration of mental spaces (on the material of modern English language): abstract. dis. Cand. philol. sciences]. Irkutsk. 2010. 34 p.
6. Kortovenkova T. V. *Sposoby yazykovoj reprezentatsii konceptual'nogo prostranstvami v hudozhestvennom proizvedenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ways of language representation of conceptual spaces in fiction: abstract. dis. Cand. philol. sciences]. Kaliningrad. 2011. P. 32.
7. Lakoff G. Op. cit. Pp. 100-101.
8. Kirillova Yu. N. *Sportivnaya konceptual'naya metafora v sovremennom nemeckoyazychnom diskurse SMI : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Sports conceptual metaphor in contemporary German discourse of media: abstract. dis. Cand. philol. sciences]. Barnaul. 2011. P. 18.
9. Kovalchuk L. P. *Konceptual'naya integratsiya iskhodnogo prostranstva «zhenshchina-lyagushka» v skazochnom diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual integration of the source space "woman-frog" in the fairy-tale discourse. Dis. Cand. Philol. sciences]. Chelyabinsk. 2012. P.9.
10. Ibid.
11. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. Pp. 303–371.
12. Ivanov A.V. *Пауки, их строение, образ жизни и значение для человека* [Spiders, their structure, lifestyle and value for people]. L. Publishing house of Leningr. University. 1965. Pp. 238-239.
13. The Amazing Spider-man. № 1–40. Available at: <http://www.readcomics.tv /comic/amazing-spider-man- complete> (accessed 11.11.16).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАБАЯН Владимир Николаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков, Ярославское высшее военное училище ПВО. 150001, Ярославль, Московский проспект, 28.

E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

ВОРОНОВА Елена Васильевна – кандидат культурологии, доцент кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: ewworonowa@mail.ru

ГАЙДУКОВА Тамара Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Департамента иностранных языков Национальный исследовательский, «Высшая школа экономики». 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20.

E-mail: tgaydukova@hse.ru

ГОЛУБЕВА Ольга Юрьевна – доцент кафедры философии, культурологии и педагогики Кандидат психологических наук, Казанский Государственный институт культуры. 420059, Казань, Оренбургский тракт, 3.

E-mail: 2595234@mail.ru

ЗАВЬЯЛОВА Алена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Алтайский государственный педагогический университет. 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.

E-mail: aljonka8@yandex.ru

ЗБОЕВ Артём Вячеславович – ассистент кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: zboev.art@mail.ru

ИБРАГИМОВА Венера Февзиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет. 295015, г. Симферополь, пер. Учебный, 8.

E-mail: ibragimova.venera@gmail.com

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: leperse@yandex.ru, usr11328@vyatsu.ru

КАРАЧЕВА Наталья Александровна – аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет. 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

E-mail: suenata@mail.ru

ЛАЗАРЕВ Яков Анатольевич – научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: 9Lazarev@gmail

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, 12б.

E-mail: linchenko1@mail.ru

Сведения об авторах

МИЩЕНКО Анна Николаевна – аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4.

E-mail: anutik-anutik18@mail.ru

НОВИКОВА Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, докторант, заведующий кафедрой философии, Уральский государственный лесотехнический университет. 620100, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37.

E-mail: oksnovi@mail.ru

РЫЧКОВА Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: olya.rychkova@gmail.com

СЕГАЛ Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. 295007, г. Симферополь, проспект академика Вернадского, 4.

E-mail: natasha-segal@mail.ru

СМОЛЬНЯК Игорь Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и политических наук, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: sovlab.vgu@mail.ru

СЧАСТЛИВЦЕВА Елена Анатольевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, ВятГУ. 610020, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: abcr@yandex.ru

ЧЕБЫШЕВ Филипп Анатольевич – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: feliswork@yandex.ru

ШИБАНОВА Анна Николаевна – аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, ВятГУ. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: shibanova.ann2014@yandex.ru

ЭНГЕЛЬ Елена Александровна – аспирант кафедры английской филологии и переводоведения, переводчик Лингвистического центра кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 3.

E-mail: engelkind@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BABAYAN Vladimir Nikolaevich – Doctor of philological sciences, Associate Professor, Professor of Foreign and Russian Languages, Yaroslavl Air Defence Higher Military College. 28 Moskovsky Ave, 150001, Yaroslavl.

E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

VORONOVA Elena Vasiljevna – Candidate of culturology, Associate Professor of journalism and integrated communications, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: ewvoronowa@mail.ru

GAYDUKOVA Tamara Mikhailovna – Candidate of philology, Associate Professor of the German language Department of the Department of foreign languages, National Research University "Higher School of Economics". 20 Myasnitskaja str., 101000, Moscow.

E-mail: tgaydukova@hse.ru

GOLUBEVA Olga Yurievna – Associate Professor of philosophy, culturology and pedagogy, Candidate of psychology of FSBOE HE "Kazan State Institute of Culture". 3 Orenburgsky tract, 420059, Kazan.

E-mail: 2595234@mail.ru

ZAVYALOVA Alena Victorovna – Candidate of philological sciences, Associate Professor, Department of foreign languages of the Altai State Pedagogical University. 55 Molodezhnaya str., 656031, Barnaul.

E-mail: aljonka8@yandex.ru

ZBOEV Artem Vyacheslavovich – assistant on the Department of general history and political sciences, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: zboev.art@mail.ru

IBRAGIMOVA Venera Fevzievna – Candidate of philological sciences, the senior lecturer of the Department of Philology, Crimean Engineering and Pedagogical University. 8 Uchebney lane, 295015, Simferopol.

E-mail: ibragimova.venera@gmail.com

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of historical sciences, Associate Professor, senior researcher of Department of general history and political science the Department of general history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: lepsc@yandex.ru, usr11328@vyatsu.ru

KARACHAEVA Natalia Aleksandrovna – postgraduate student of the Department of English philology and intercultural communication, Samara State Social and Pedagogical University. 65/67 M. Gorky str., 443099, Samara.

E-mail: suenata@mail.ru

LAZAREV Iakov Anatolyevich – Researcher of the Laboratory of editorial archaeology of the Institute of Arts and Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 19 Mira str., 620000, Ekaterinburg.

E-mail: 9Lazarev@gmail.com

LINCHENKO Andrey Aleksandrovich – Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, researcher of the Lipetsk branch, Financial University at the Government of the Russian Federation. 12B Internatsionalnaya str., 398050, Lipetsk.

E-mail: linchenko1@mail.ru

MISHCHENKO Anna Nikolaevna – postgraduate student of Russian, Slavic and General Linguistics of Tauride Academy, Crimean Federal University n.a. V. I. Vernadsky. 4 Academician Vernadsky Ave., 295007, Simferopol.

E-mail: anutik-anutik18@mail.ru

Informatin about authors

NOVIKOVA Oxana Nikolaevna – Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, head of the Department of philosophy, Ural State Forest Engineering University. 37 Sibirskiy tract, 620100, Yekaterinburg.

E-mail: oksnovi@mail.ru

RYCHKOVA Olga Vladimirovna – Candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of general history and political science, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: olya.rychkova@gmail.com

SEGAL Natalia Aleksandrovna – Candidate of p, Associate Professor of Russian, Slavic and General Linguistics of Tauride Academy, Crimean Federal University n.a. V. I. Vernadsky. 4 Academician Vernadsky Ave., 295007, Simferopo.

E-mail: natasha-segal@mail.ru

SMOLNYAK Igor Viktorovich – Candidate of historical sciences, Associate Professor on the Department of general history and political science, VyatSU. VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: sovlab.vgu@mail.ru

SCHASTLIVTSEVA Elena Anatolievna – Doctor of philosophical sciences, Professor of the Department of philosophy VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: abcr@yandex.ru

CHEBYSHEV Philip Anatolyevich – postgraduate student on the Department of Russian language, culture of speech and teaching methodology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: feliswork@yandex.ru

SHIBANOVA Anna Nickolaevna – postgraduate student on the Department of Russian language, culture, language and teaching methodology, VyatSU. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

E-mail: shibanova.ann2014@yandex.ru

ENGEL Elena Alexandrovna – postgraduate student of the Department of English philology and translation Studies, translator of the Language Center of foreign languages department, Tyumen Industrial University. 3 Volodarskiy str., 625000, Tyumen.

E-mail: engelkind@mail.ru

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 12 (2016)

Подписано в печать 30.12.2016 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0. Тираж 1000. Заказ № 113.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36